Б 191374

ГАНС
ШОМБУРК

С ПАЛАТКОЙ ПО АФРИКЕ

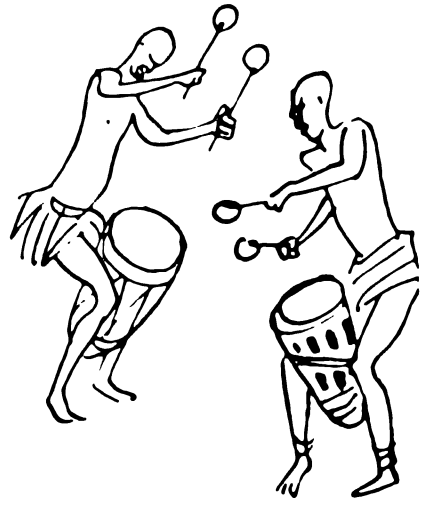
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СТРАНАМ ВОСТОКА

HANS SCHOMBURGK

ZELTE IN AFRIKA

Berlin 1957

ГАНС
ШОМБУРК



С ПАЛАТКОЙ ПО АФРИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА
1962

Сокращенный перевод с немецкого
В. Я. ГОЛАНТА

Ответственный редактор
А. Б. ДАВИДСОН

Художник Б. А. ДИОДОРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние годы XIX века... Заканчивается дележ «Черного» материка...

Чиновники Леопольда II Бельгийского в «Свободном государстве Конго» отрубают руки африканцам, не сдавшим каучуковый налог. Правительство королевы Виктории аннексирует одну за другой территории, лежащие между Каиром и Кейптауном; Франция, Германия, Португалия с такой же лихорадочной поспешностью пытаются опоясать Африку цепью своих владений. Британский генерал Китченер сталкивается в безвестной суданской деревушке с небольшим французским отрядом — и две великие державы оказываются на волосок от войны. Сесиль Родс... Его имя в гостиных Западной Европы произносят с трепетом. В честь этого «строителя империи» громадные районы от рек Лимпопо и Замбези до великих африканских озер получают ненавистное для коренных жителей название «Родезия».

Начало второй половины XX века...

С карты Африки один за другим слетают ярлыки: «Британская», «Французская», «Бельгийская», «Испанская», «Итальянская». Колонизаторам уже не до того, чтобы воевать друг с другом из-за африканских владений, они даже сообща не могут выдержать натиск стремящихся к освобождению народов. Лишь в течение 1960 года, который вошел в историю как «год Африки», была провозглашена самостоятельность семнадцати стран. А к осени 1962 года число независимых африканских государств уже превысило тридцать. События на этом континенте оздоровляюще действуют на политический климат во всем мире.

Перемены, происшедшие на «Черном» материке на протяжении жизни всего лишь одного поколения, настолько разительны, что это не может не изумить даже современного человека, привыкшего к чрезвычайно быстрым темпам нашего времени.

Автор книги Ганс Шомбурк видел Африку и в конце прошлого века и в наши дни. Его увлекательный рассказ поможет читателю узнать, в каких условиях живут и борются африканцы.

Вся жизнь Шомбурка теснейшим образом связана с Африкой. «Африканский материк стал для меня второй родиной», — пишет он. В конце прошлого века семнадцатилетний Шомбурк отправился в Дурбан, где началась его «африканская одиссея». Первое время он был, по его собственному признанию, одним из тех авантюристов, которые наполнили Южную Африку в период алмазной и золотой лихорадки. Скачки, карточная игра, мелкие авантюры в «Золотом городе» — Иоганнесбурге — перемежались в жизни молодого Шомбурка с охотой на слонов и других крупных животных, которыми изобиловали дебри.

Постепенно бродягу и охотника привлекло интересное и рискованное ремесло ловца зверей. Впоследствии Шомбурк превратился в охотника с киноаппаратом, в создателя фильмов о природе и людях Африки (одна из его картин в 30-е годы шла и на экранах нашей страны). Шомбурк стал исследователем, обогатившим науку знаниями о природе и животном мире этого материка.

Шомбурк совершил десять путешествий по Африке, объездил южную часть континента, Конго, Родезию, Ньясаленд, Танганьику, Мозамбик, Уганду, Кению, Либерию, Того, Алжир... Лишь в период гитлеровского режима он не мог бывать на «второй родине».

О своих путешествиях Шомбурк написал несколько книг, получивших широкую известность. «Пульс дебрей» в 1960 году был издан на русском языке.

«С палаткой по Африке» — это описание последнего путешествия Шомбурка. Совершил он его в 1956 году в возрасте 76 лет с целью создать новый фильм об африканской природе. Уважение к Шомбурку и интерес к его работе среди прогрессивной немецкой общественности настолько велики, что средства на путешествие собирались одновременно в ГДР и ФРГ.

«С палаткой по Африке», пожалуй, наиболее интересная книга Шомбурка. В ней обобщены наблюдения, которые автору удалось сделать за время его знакомства с Африкой, продолжающегося уже шесть десятилетий. Впечатления 1956 года все время перемежаются, сопоставляются с воспоминаниями предыдущих лет. С чисто литературной точки зрения книга от этого, может быть, несколько проигрывает. Но вместе с тем такая манера повествования позволяет лучше понять, как менялась Африка с конца прошлого века. Ведь вряд ли найдется в Европе человек, так же хорошо знающий все тайны африканской природы.

Шомбурк страстно протестует против истребления богатейшего животного мира Африки. Его негодование вполне оправдано. Многовековое господство колонизаторов и браконьерство привели к исчезновению многих видов животных, таких, например, как зебра-квагга. И в наши дни браконьеры ради удовлетворения спроса туристов на «экзотические» безделушки истребляют слонов и антилоп. Проблема сохранения природных ресурсов, в частности фауны, Африки все больше волнует человечество. Международный союз охраны природы и природных богатств и Комиссия технического содружества для стран Африки южнее Сахары созвали в Танганьике в конце 1961 года специальную конференцию по этому вопросу.

Иногда в книге проскальзывает грусть по уходящей в прошлое патриархальной Африке с ее традиционным племенным образом жизни, древними обычаями и обрядами. В этом с автором солидаризироваться трудно. Какой бы впечатляющей ни была «экзотика» древней Африки, она сейчас неизбежно должна исчезнуть вместе с отсталостью, племенной раздробленностью, властью вождей.

Однако Шомбурка ни в коем случае нельзя упрекнуть в том, что он видит в африканцах людей «низшей расы» или экзотических живых существ. Вся книга проникнута симпатией к людям, для которых колониальные власти Южной и Восточной Африки создали несравненно худшие условия, чем для зверей в заповедниках. Обаятельный образ егеря Лонгомы выписан с настоящей любовью.

Сколь ни мал срок, прошедший со времени путешествия Шомбурка, — всего пять-шесть лет, — в политической жизни Африки за это время, как известно, произошли громадные сдвиги. Конго, по которому ездил в 1956 году Шомбурк, было еще «бельгийским», а Танганьика — «британской».

Географические названия, которые даже в 1956 году, в период последнего путешествия Шомбурка, широким кругам читателей почти ничего не говорили, сегодня пестрят в газетах всего мира, связываются с именами Лумумбы и других борцов за свободу Африки. В книге Шомбурка эти названия оживают под пером человека, отдавшего Африке много лет жизни.

Книга «С палаткой по Африке» вызывает интерес не только сенсационной биографией автора, бывавшего там, где до него не ступала нога европейца. Главное в ней — глубокое знание Африки и любовь к ее природе и людям.

А. Б. Давидсон

Основной маршрут экспедиции Шомбурка 1956 года

СНОВА КУРС НА МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Теплая весенняя ночь спускается над Гамбургом. Я и моя племянница Ници—Хельга фон дер Остен, урожденная Шомбурк, сопровождающая меня в десятое путешествие по Африке, стоим на верхней палубе «Нигерии», опершись на поручни, и время от времени обмениваемся прощальными приветствиями с друзьями, оставшимися на суше.

— Насколько приятно уезжать, настолько тяжело расставаться, — произносит Ници.

Мысленно переношусь почти на шесть десятилетий в прошлое — к началу того периода моей жизни, который и делами и помыслами был посвящен Африке. Вижу себя семнадцатилетним юнцом, одетым в свой лучший костюм, исполненным малодушия и в то же время сознания собственного достоинства. Здесь же, в Гамбурге, но с какого-то другого причала вступил я на палубу «Грика» — старого судна водоизмещением 4 тысячи тонн, которое должно было доставить меня в страну моих грез, в Африку. Родители далеко не были убеждены в том, что я вступил на правильный путь. Однако на них произвела впечатление та решимость, с которой я не пожелал закончить обучение в коммерческом училище, а позднее стать офицером, подобно стольким Шомбуркам прежних поколений. Моими козырями в борьбе против их планов были достижения и слава сэра Роберта Шомбурка, моего двоюродного деда, открывшего викторию-регию *, и его братьев — естествоиспытателей Рихарда и Отто.

---

* Водное многолетнее растение из семейства кувшинковых, растущее в Южной Америке. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

И все же в этот день — 26 марта 1898 года — я не был вполне счастлив, хотя исполнилось все то, о чем я грезил и чего добивался целые годы. Мой отъезд совпал с днем рождения матери. Как только раздались удары судового колокола, она заметно побледнела и отцу пришлось решительно увести ее с парохода. Я не двинулся с палубы и тогда, когда с наступлением прилива судно покинуло гавань. Медленно проплыли маяки на берегах Эльбы. Меня охватила тоска по родине, на много часов подавившая страсть к приключениям, которая владела мною уже в течение нескольких лет. Слезы застилали глаза, но я все же разглядел в темноте Бергедорф, где стоял дом нашей семьи, построенный отцом архитектором, и старался отыскать Фонтеней — родовое гнездо на Альстере...

— Ты права, — отвечаю я племяннице. — Расставаться тяжело, особенно с дорогими тебе людьми, но еще тяжелее расставаться с делом всей твоей жизни. Бывает ведь и такое. Я пережил это, когда портовые краны поднимали с африканской земли одну за другой машины моей экспедиции и опускали их на палубу «Усукумы».

— Тем приятнее уверенность, что через несколько недель ты снова увидишь Африку, дядя Ганс, — говорит Ниди, возвращая меня из мира воспоминаний к реальной действительности и к мыслям о близком будущем.

Она знает, как нелегко было найти деньги для этой поездки. Из путешествия 1931—1932 годов я привез очень любопытные кадры, отснятые в заповедниках, и созданный мною фильм «Последний рай» имел большой успех. Но война принесла с собой разорение. После захвата власти Гитлером моя лекторская деятельность подверглась ограничениям, а книги — запрету, конфискации и сожжению. Лишившись средств, я с 1945 года снова стал выступать с лекциями сначала в обеих частях Германии, а затем в Швейцарии и Дании. Понадобилось целое десятилетие, чтобы сколотить сумму, необходимую для нового путешествия.

И вот я снова в пути.

Легкий бриз приносит с собой запахи моря. Я глубоко и благодарно вдыхаю их. Портовые буксиры свистками переговариваются друг с другом. С передней палу-

бы раздаются огрубевшие голоса, слышно, как передвигают с места на место тяжелые грузы.

«Нигерия», которая доставит в Кейптаун четырех путешественников по Африке (кроме моей племянницы и меня, — кинооператора Клауса Филиппа и техника Петера Рау), не пассажирский лайнер, а грузовой теплоход. Мы решаем окрестить его «пундой», что на языке суахили означает «осел». Это прозвище как нельзя лучше подходит и к грузовичку, которому суждено перевозить наши грузы по лесам и степям Африки. Кроме него наше снаряжение состоит из машины мерседес-дизель-180 и киноаппаратов.

Вот корпус судна содрогнулся, заработали машины, и легкое покачивание показало, что «Нигерия» отчалила от берега.

Мы покинули Гамбург 15 мая 1956 года, за час до полуночи, а назавтра около 12 часов дня достигли Бремена. Здесь, как и в Антверпене — следующем порту, где мы сделали остановку, — наша «пунда» поглотила огромное количество автомашин, запасных частей, ванн, строительных деталей, труб и железных подпорок. Все это она выгрузит в одной из гаваней Африки.

У нас было более чем достаточно времени, чтобы подготовиться к экспедиции. Двенадцать пассажиров теплохода не мешали друг другу, как это часто бывает в плавании. Каюта так и манила к себе... Обстановка ее состояла из длинного удобного дивана со шкафчиками по бокам и окрашенных под красное дерево стола и стульев, привинченных к полу. Убранство кают-компании, салона и бара отличалось большим вкусом. Кроме душей при каютах, на главной палубе из досок и парусины устроили бассейн. Его наполнили морской водой, как только судно приблизилось к южным широтам.

Судно делало 12—13 узлов в час и, следовательно, проходило за сутки 550—600 километров. Мы быстро привыкли к постоянной тряске, вызванной работой двигателей. Но для Ниди путешествие стало трудным, когда с зыбью пришла качка. На широте мыса Финистерре — этого «конца земли» в северо-западной Испании — мою племянницу начала мучить морская болезнь. Ей казалось, будто она мчится по Вселенной в ореховой скорлупе. Сначала Ниди лишилась сна, потом взбунто-

вался желудок. Струи дождя стекали по иллюминатору каюты, волны сбивали судно с курса. Когда до Лас-Пальмаса оставалось полтора дня пути, волнение внезапно прекратилось. Солнце осветило гладь океана, и я стал фланировать от одного борта к другому, обрадованный и окрыленный переменой погоды.

Вода, вода и больше ничего вокруг. Ни судна, ни паруса, ни птицы. Воздух стал теплым, и даже ночь не принесла с собой прохлады. Утром Рау рассказал, что через иллюминатор к нему в каюту влетела ласточка. На головке у нее оказался клещ. Наш кинооператор, увлекавшийся орнитологией, удалил его, но так и не решил, была ли эта птичка последним напоминанием о Европе или первым вестником Африки.

●

На пятнадцатый день путешествия мы вошли в Лас-Пальмас — гавань Гран-Канарии, одного из принадлежащих Испании Канарских островов, прозванных древними за райский климат «Счастливыми островами». Я увидел пик Тейде, возвышающийся почти на 4 тысячи метров над уровнем моря, и пытался отыскать места своих прежних, обычно непродолжительных стоянок. Кактусовые сады, итальянские кедры, заросли дрока, драконовое дерево.... От вечнозеленых лавровых лесов взор снова и снова обращался к оголенным красно-черным зубцам массива Тейде на Тенерифе. Там находится потухший вулкан, первый, который увидел Александр Гумбольдт во время своего знаменитого путешествия в Америку.

Всего два часа смогли мы наслаждаться чудесным островом. Глаз, отвыкший от разнообразия красок, радовали цветы на площадях города, распланированного на испанский манер. Вид бананов на плантациях между старой гаванью испанских и португальских мореплавателей и суровыми оголенными холмами вокруг поселений раздразнил аппетит путешественников, которым приелись судовые консервы.

Но вот уже отданы концы, двигатели опять завели свою однотонную песню, «Нигерия» взяла курс в открытое море. Судно подхватил пассат. Резкое дыхание

ветра загнало пассажиров в каюты, но на меня такая погода действовала хорошо. Я чувствовал себя отдохнувшим и с удовольствием приветствовал летающих рыб. Это холоднокровные крылатые существа величиной с селедку. Они носятся над морем, как стрекозы, делая прыжки до 50 метров.

Кожа покрылась испариной — то был верный признак приближения к тропикам. Кое-кто из пассажиров заметил фонтаны воды. Значит, где-то вблизи киты. Над палубой устроили навес для защиты от лучей солнца, становившихся все более знойными. На следующее утро я велел вынести наверх съемочную аппаратуру и опробовать магнитофоны, при помощи которых мы должны были запечатлеть голос Африки. Приближался экватор, и существующий с незапамятных времен обычай морского крещения послужил нам поводом послать первую весточку на родину.

Мы не увидели берег Либерии, связанный с воспоминаниями о стольких моих экспедициях. Но дождь лил совершенно так же, как 45 лет назад, когда я высадился в Монровии, чтобы искать животное, считавшееся вымершим. Потоки дождя как бы сдерживали длинные волны, и они поднимали и опускали судно в ритме, который успокоительно действовал на человека, проведшего несколько десятилетий в больших городах. Все сильнее звучал призыв дебрей... Африка, моя Африка, дикая, нетронутая Африка была уже недалеко.

Около двух недель руль оставался неподвижным. Мы шли прямо на юг. Однажды в полдень, во время обеда, раздался глухой вой судовой сирены. Я знал, что означают эти звуки. Вскоре появились посланцы властителя морей Нептуна, чтобы пригласить всех, кто впервые пересекал экватор, направляясь из Северного полушария в Южное, в торжественной обстановке смыть с себя пыль Севера.

На специальных подмостках был сооружен трон; на нем важно восседал морской бог, вооруженный трезубцем. Рядом с ним стоял «пастор», совершавший обряд крещения.

— Дорогие прихожане мои, почтительно, подозрительно, рассудительно, презрительно внимающие слушатели! Услышьте сегодняшнее послание, продиктованное

мудростью и любовью и начертанное на той самой странице, где в прошлом году осталось масляное пятно от картофельной оладьи.

С «амвона» я перевел взгляд на трамплин. На нем выстроились те, кто впервые пересекал самую длинную параллель земного шара. Волосы и лицо каждого из них были покрыты раствором, состоявшим в основном из жидкого мыла. Чтобы «очиститься» внутри, эти люди проглотили по порции керосина и заели его лепешками с запеченной смолой, после чего мыльную пену с их лиц и голов соскребли огромной бритвой. Затем вконец растерявшихся новичков столкнули с трамплина в бассейн. Вновь и вновь заставляли их нырять, чтобы смыть с себя все до последней соринки.

— Мы, Нептун, властитель морей, озер и рек, прудов и болот, сим объявляем, что рожденное из праха дрянцо в день нынешний очистилось на борту теплохода «Нигерия» от грязи Северного полушария и по нашему экваториальному обычаю нарекается Окунем...

Вся тяжесть процедуры пала на молодых парней. С племянницей же моей, которая предусмотрительно оставила купальный костюм в каюте, поступили милостиво. Однако и ей пришлось проглотить ложку льняного масла для внутреннего очищения от пыли Севера, а затем «подкрепиться» картофельным шариком, столь обильно сдобренным перцем и селедочным рассолом, что даже двойная порция коньяку не смогла перебить его вкус.

●

К югу от экватора стояла необычно холодная погода и море было очень неспокойно. Даже боцман, уже 21 год ходивший по этому маршруту, не мог припомнить такого волнения в этих местах. Нос судна поднимался и опускался. Ниши только в средней части судна чувствовала себя более или менее сносно, а потому почти все время находилась в кают-компании. Здесь толчки ощущались не так сильно и стук работавших с предельным напряжением двигателей был менее слышен. Несмотря на пять цилиндров мощностью 750 лошадиных сил каждый, скорость хода «Нигерии» сократилась до 8 узлов.

Наконец густые облака, низко нависшие над морем, рассеялись. Нам открылось голубое небо. На землю полились желанные лучи солнца, согревая и ослепляя нас.

Вместе с африканской зимой появились первые вестники приближавшейся земли. Нас эскортировали птицы: по обе стороны от судна неслись к югу буревестники, сильные, с короткими шеями и большими головами, с длинными загнутыми клювами; их огромные черные крылья резко выделялись на фоне белых тел. Они не способны ловить живую рыбу, а поэтому вынуждены довольствоваться подачками из камбуза и стали неизменными спутниками судов в океанских водах Южного полушария.

Этого друга всех мореплавателей я избрал в качестве символа. Ведь всякий раз, приближаясь к африканскому материку или прощаясь с ним, я любовался несущейся над волнами могучей птицей. И сейчас с таким нетерпением ожидал ее появления! С буревестника должен был, по моему замыслу, начинаться кинофильм, который я собирался сделать о «моей» Африке.

И вот 14 июня последние птицы исчезли из виду. Завыла сирена, показалась земля. Несколько жирных тюленей, следовавших нашим курсом, потеряли для нас всякий интерес. В поле зрения бинокля возникла Столовая гора. У ее подножия с северной стороны лежит Кейптаун, который долго был самым крупным после Каира городом африканского материка. Показались покрытые снегом вершины, венчавшие темно-зеленый пейзаж.

Но у нас не было времени любоваться природой. На борт явился лоцман, установили телефонную связь с Кейптауном. Надо было готовиться к разгрузке, позаботиться о жилье, представиться властям.

Несколько часов спустя мы уже стояли на пирсе. На обеих машинах экспедиции, окрашенных в светло-песочный цвет, большими черными буквами было написано: *экспедиция Шомбурка*. Между этими словами вырисовывался силуэт материка с изображением охотника и киноаппарата наверху. Они символизировали полный исканий и приключений путь, пройденный мною в течение шести десятилетий, за которые африканский материк стал для меня второй родиной.

Перед балконом пансиона, где мы остановились, расстилалось море зелени. Пальмы заглядывали прямо в окна, субтропические растения в своем буйном цветении казались волшебно прекрасными, воздух был напоен ароматами. Пейзаж освещало зимнее солнце — такое, о каком мы, северяне, мечтаем дождливым летом. Кейптаун утопает в цветах, и цветочный рынок — его достопримечательность.

Город этот, лежащий на южной оконечности Африки, раскинулся на отрогах Столовой горы. Его сравнивают с Неаполем, Рио-де-Жанейро и Сан-Франциско. Живописные окраины и пригороды соединены электрической железной дорогой и автобусными линиями с центром города, где 300 лет назад возникло поселение, ставшее потом «Матерью городов» Южной Африки. Отсюда началась колонизация южной части Африки и связанное с ней вторжение европейцев в другие части материка. В Кейптауне почти не осталось следов прошлого. Еще шесть десятилетий назад меня, тогда желторотого юнца, разочаровало электрическое освещение на улицах города. Вместо хижин африканцев, которые рисовались моему воображению, я увидел каменные дома. Некоторые из них были к тому же построены в итальянском стиле. Нынче же в Кейптауне вырастают небоскребы... Словно в Африке уже нехватает места для постройки удобных, просторных и соответствующих климатическим условиям жилищ! Число автомобилей на душу «белого» населения в Южной Африке не меньше, чем в западных странах, а потому немногочисленные широкие улицы Кейптауна превращены в стоянки для машин. На этих «авеню», мало чем отличающихся одна от другой, витрины магазинов буквально завалены второсортной продукцией американской швейной промышленности; во время войны последняя завоевала и этот давнишний британский рынок.

Резиденция правительства Южно-Африканского Союза * находится в Претории. Парламент, однако, за-

* 31 мая 1961 года правители ЮАС провозгласили страну «республикой» и дали ей название Южно-Африканская Республика.

седает в Кейптауне, и на время его сессий правительственные органы переносят свою деятельность из отстоящего на тысячу миль Трансвааля на берег Столовой бухты. Как раз перед нашим приездом в «Матери городов» Южной Африки состоялась сессия парламента, и я получил возможность выполнить в Кейптауне хотя бы часть формальностей, необходимых для экспедиции. Мне повсюду шли навстречу, выказывая готовность выполнить мои не всегда легко осуществимые пожелания.

Тем не менее с каждым днем я беспокоился все больше. Уже целую неделю я разрывался между правительственными учреждениями, консульскими представительствами, гостиницами и столь излюбленными во всех англосаксонских странах приемами, с тоской поглядывая на небо. Вскоре после нашего приезда оно снова помрачнело.

Для меня, старого «африканца», города не имеют никакой прелести, особенно те африканские, которые по своей планировке и облику могли бы находиться в любой другой части света. Моя цель была выяснить, что случилось с людьми и животными, которых я узнал и полюбил еще шесть десятилетий назад. В городе я не нашел «моей» Африки. Я же хотел при помощи пера и кинокамеры рассказать на родине именно о ней, о том, какой она была прежде и какой стала теперь. Мной овладело желание как можно скорее бежать в заросли.

●

Есть в Южной Африке место, которое представляет большой интерес для любителей природы. Это мыс Игольный, где сливаются воды Индийского и Атлантического океанов, причем границу между ними можно «видеть», так как различная окраска воды заметна невооруженному глазу и отчетливо различима на кинопленке.

Мне много рассказывали про павианов, обитающих в маленьком заповеднике по дороге к мысу. Представители управления заповедников взимают мзду с каждой машины, проезжающей через эту местность. Уверяют, что павианы в точности следуют обычаю людей: усевшись на обочине дороги, они задерживают машины и

пропускают их лишь после того, как получат в протянутую лапу «дорожную пошлину».

Мы медленно проезжали по заповеднику в поисках объектов для первых кадров. Солнце прорвалось сквозь тучи, освещение было прекрасное — все благоприятствовало съемкам.

Однако тонконосые павианы перехитрили нас. Они пересекли шоссе далеко впереди и исчезли в зарослях. Один старый самец остался сидеть на дороге. Я бросил ему лист бумаги, чтобы пробудить в нем любопытство и этим самым задержать. Он осмотрел бумагу и, очевидно, воспринял ее как приглашение подойти поближе. Но интересовала его моя племянница, сидевшая за рулем, а вовсе не я. Дедушка бабуин просунул в машину лапу, по «красоте» не уступавшую его физиономии, похожей на собачью. Ему хотелось конфет. Во всяком случае, получив сладости, он сразу же отошел. Очевидно, они понравились ему не меньше, чем плоды и коренья, насекомые и улитки, которыми обычно питаются эти животные, распространенные в безлесной части Африки.

Близ пляжа на голом утесе сидели бакланы — пернатые рыболовы. В таких местах они гнездятся целыми колониями. Блестящее оперение птиц резко выделялось на фоне морской синевы и желто-белого камня. Желанная «добыча» для нашего киноаппарата!

На следующий день меня опять потянуло за город. Еще до восхода солнца мы отправились на расположенный в бухте островок, как мне говорили, настоящее Эльдорадо для пингвинов и тюленей. Однако нигде не было видно ни хищных больших пингвинов, ни маленьких очконосых. Я выразил вслух свое разочарование, но в ответ услышал: «Да ведь море-то спокойное! А эти пожиратели рыб нежатся здесь в бездействии только во время бури...».

Так бесплодно прошел еще один день. Утешением, правда, весьма слабым, служила мне истина, постигнутая в результате полувекового опыта: терпение есть первейшая добродетель исследователя, который стремится не только наслаждаться природой, но и поведать другим людям о ее особенностях.

Между тем мы получили документы, необходимые для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно

передвигаться по заповедникам для зверей и снимать все, что захочется. Но погода не благоприятствовала нам — дни стояли дождливые, туманные, неприятно холодные.

— Ничего, — сказал я племяннице. — Климат западной части Капской провинции в зимнее время очень изменчив. Сейчас мы отправимся на восточный берег, а оттуда в горы, и ты увидишь, что Южная Африка по праву зовется страной солнца. Обещаю тебе теплые, светлые дни, хотя по утрам будет свежо и не исключены даже заморозки. В 1900 году в стране зулусов я не раз видел тонкую пленку льда на болотцах, к которым после восхода солнца приходили за водой девушки с тыквенными бутылями.

Этот метеорологический прогноз я высказал в самом радушном настроении. Кейптаун остался позади. Мы уже несколько часов ехали по обширной равнине, направляясь к нагорью, которое вклинивается между западной и восточной частью Капской провинции и спускается к заливу Фолс-Бей.

Нам предстояло проехать по перевалу сэра Лоури. Он расположен на небольшой высоте, но к нему ведет узкая, извилистая дорога с крутыми подъемами. «Пунда» была перегружена — такова уж участь всех экспедиций, и я глядел не столько вперед, сколько назад, опасаясь, что она может не выдержать первого испытания. В конце концов маленький грузовичок не дорожный гигант... И я все же с удовлетворением установил, что и на этот раз не ошибся в выборе машины. Правда, грузовичок пыхтел и вздрагивал, но, проехав несколько миль по нагорью, я успокоился и занялся маршрутом нашего мерседеса, любуясь в то же время виноградниками и плодовыми садами.

●

Моссел-Бей расположен у подножия гор Аутеника и, как видно из его названия *, лежит на берегу океана. Это была первая бухта на побережье Восточной Африки, которую посетили португальцы, когда искали мор-

* Бей (англ.) — бухта.

ской путь в Индию. Здесь в 1487 году высадился Бартоломеу Диаш. Бухта стала стоянкой для тех португальских кораблей, направлявшихся в Индию, которым удалось избежать страшных штормов у южной оконечности материка. Отсюда и название «мыс Доброй Надежды» — надежды на успешное завершение путешествия.

В 1500 году Педру д'Атайди, командовавший флотилией, которая потеряла во время урагана почти половину судов, составил описание этой катастрофы. Его должны были прочесть моряки, возвращавшиеся из Индии. Свое послание д'Атайди спрятал в сапог и подвесил его на молодое деревце. Ныне это побитое бурями, постаревшее на четыре с половиной века дерево с четырьмя стволами стоит посреди города. Оно находится под защитой управления по охране памятников старины.

С 1600 года у моряков вошло в обычай по пути в Индию оставлять письма, адресованные в Португалию, возле «почтовых камней». Они лежали на берегах удобных бухт, куда неизменно заходили суда, направлявшиеся в Европу.

Перед Моссел-Беем есть скалистый островок — Тюлений. Еще в век великих открытий он изумлял моряков тем, что здесь собиралось неисчислимое множество морских львов. Городские власти предоставили мне небольшой портовый буксир с гребной шлюпкой. Подойдя к островку, мы засняли море, кишевшее тюленями, и смогли записать на пленку напоминающие блеяние овец звуки, которые издавали сотни безвредных, хотя и не очень приятно пахнущих животных, в мгновение ока окруживших нашу лодку.

К ним вполне применима известная поговорка: «И от избытка беда бывает». Морские львы питаются рыбой. Когда их появляются тысячи, как у этого скалистого островка, рыбные богатства заметно сокращаются, а с ними и заработки местных жителей. Вот почему к островку нередко подходит баркас с рыбаками, которые стараются приманить к себе тюленей. Ничего не подозревающих животных бьют дубинами. Рядом с их трупами даже много дней спустя после побоища можно видеть живых детенышей. Лишившись матерей, они гибнут от голода.

Мне рассказывали, что при появлении «судна смерти» стаи морских львов ищут убежища в открытом море; поэтому борьба с ними становится все труднее. Наша лодка, однако, вошла на веслах в самую гущу тюленей, и мы были поражены их доверчивостью. Если, судя по рассказам моих южноафриканских информаторов, тюлени уже признали «врагов» в вооруженных дубинами рыбаках, то неужели среди них мог распространиться слух о том, что бывший охотник на крупную дичь Ганс Шомбурк вот уже полстолетия «охотится» только с фото- или киноаппаратом?

●

Из Моссел-Бея мы направились в Порт-Элизабет. В этом городе есть знаменитая змеиная ферма. Спасение человека, укушенного гадом, зависит в большинстве случаев от своевременного введения сыворотки. Когда-то ее поставлял в Южно-Африканский Союз Институт Пастера в Париже, но вот уже несколько десятилетий как сыворотку стали производить в Порт-Элизабете. Поэтому змеиная ферма не только является местной достопримечательностью, но и имеет неоценимое значение для всех районов, где люди еще сравнительно часто подвергаются укусам змей.

Визит в это учреждение напугал моих спутников, не привыкших к пресмыкающимся. После того как один из сторожей дал кобре укусить себя в руку (защищенную кожаной перчаткой), я поразил племянницу, попросив положить мне на шею питона. Схватив удава сзади за голову, я поднес его очень близко к лицу. Еще в юности я перестал бояться питонов.

В то время я жил с товарищем на реке Умфолози в стране зулусов *. Там в дикой местности был маленький пост. Кругом водилось много антилоп и еще больше пернатой дичи, болота речной долины кишели бекасами. Почти всюду можно было встретить змей, особенно питонов.

* Страной зулусов следовало бы называть весь Наталь — провинцию ЮАР, где зулусы являются коренным населением, но автор под страной зулусов подразумевает иногда лишь резерват Зулуленд.

Я всегда держал во дворе несколько этих удавов, отнюдь не к радости моего товарища и наших посетителей-африканцев, которые боятся могучего пресмыкающегося, хотя и знают, что нападает оно редко, да и укус его безвреден.

Несмотря на колоссальные размеры питонов, ловить их было нетрудно. По утрам, когда я выезжал на охоту, нередко под самыми копытами лошади через дорогу проползал питон. Поймав змею, я привязывал ее за шею к дереву, а на обратном пути забирал на «змеиную ферму». Однажды, возвращаясь домой, я еще издали увидел, что по тому месту, где был привязан пойманный питон, прошел лесной пожар. Пленник сгорел. С тех пор я больше не держал змей на привязи.

Весьма опасна африканская гадюка, которая также водится в стране зулусов. Это пресмыкающееся длиною около полутора метров, с толстым желто-коричневым туловищем и своеобразным расположением чешуек на спине обычно выходит на охоту только ночью.

Днем гадюка прячется в зарослях. Узнав, что она медлительна и ленива, я применил метод ловли, который еще мальчишкой испробовал в Бергедорфском лесу. Привязав к палке шелковый носовой платок, я дразнил им змею до тех пор, пока она не бросалась на него и не впивалась зубами в тонкий шелк. Прежде чем гадюка успевала вытащить из ткани ядовитые зубы, я поднимал палку, и змея повисала в воздухе. Обезвреженную таким образом гадюку я хватал сзади за голову и бросал в ящик.

Африканская гадюка помогла мне в свое время избавиться от преследований товарищей. С детских лет я испытывал непреодолимое отвращение к лягушкам и жабам. Когда я жил в стране зулусов, мои товарищи открыли это уязвимое место и однажды вечером подложили мне в постель изрядное количество лягушек и жаб. Я улегся, ничего не подозревая, но в ужасе вскочил, как только почувствовал прикосновение мокрых скользких гостей.

Что делает девятнадцатилетний герой, чтобы обеспечить себе покой и одновременно отомстить? Платит той же монетой. Только я выбрал африканских гадюк. Разумеется, по постелям я их раскладывать не стал, а

ограничился тем, что напустил в комнату. С тех пор ко мне больше никто не приближался с лягушкой в руках.

●

Наш путь в Наталь лежал через Транскей — один из районов Капской провинции, отведенных для коренного населения *. Не одну сотню километров проделали мы по Транскею — бывшей Кафрарии. Лишь деревья нескольких пород, и зимой сохраняющие листву, да крытые соломой белые круглые хижины из глины в местных краалях смягчали серо-желтое однообразие зимнего пейзажа. Время от времени откуда-то появлялись всадники в темных плащах и широкополых шляпах, скрывавших их лица. Наперегонки с нашим медленно двигавшимся грузовиком бежали, выпрашивая сласти, дети. Шерстяные одеяла цвета темной ржавчины защищали их тела от холода, но ноги были босы. Путешественник, знающий неприхотливость этих людей, не может не думать о том, как мало надо для того, чтобы помочь им.

Мы заночевали в Баттеруэрте, так и не побывав ни на водопаде Бава, где когда-то приводились в исполнение смертные приговоры, ни на порогах реки Баттеруэрт, и на следующий день около полудня достигли Умтаты, центра Тембуленда и всего Транскея.

В краале поблизости от Умтаты мои спутники впервые смогли получить представление об африканской старине. По дороге мы услышали в степи пение. Женщины народа ко́са срезали траву, которой покрывают хижины. Это обязанность женщин.

Ници зашла в дом. В нем не было ни стола, ни стульев, в одном углу лежало несколько свернутых циновок (на них хозяева спят), в другом — камень для растирания кукурузы и другая домашняя утварь. Очаг находился вне жилища. У коса не принято готовить в доме.

---

* Отобрав у коренного населения бо́льшую часть земли (притом наиболее плодородной), колонизаторы отвели для проживания африканцев специальные районы (резерваты), где царят невероятная скученность, нищета и голод. Стремясь скрыть правду о положении в резерватах, южноафриканские власти не допускают туда посторонних без особых пропусков.

Мы застали хозяев за обедом. Они ели мясо, пользуясь вместо столового прибора пальцами. Нас пригласили принять участие в трапезе. Уполномоченный чиновника по делам коренных жителей, который сопровождал нас в поездке по Транскею, в нескольких словах объяснил присутствующим цель нашего посещения. После этого киноаппараты могли жужжать сколько угодно — никто даже не взглянул в их сторону, настолько привычным стало для коса любопытство иностранцев.

В другом краале, где мы остановились на отдых, посетители, видимо, бывали реже. Едва мы приехали как из соседней деревни прискакали двое всадников посмотреть, что за гости нагрянули к соседям.

Нас поразила замкнутость жителей поселка. Должна была существовать какая-то особая причина, по которой мы оказались нежеланными гостями. Скорее всего столь сдержанное поведение объяснялось тем, что в деревне готовились к церемонии обрезания — традиционному празднеству народа коса. Всюду в Африке, где еще совершаются старинные ритуальные обряды, белого человека принимают с неохотой.

Я понял, что жители хотят по древнему обычаю отметить посвящение отроков в мужчины. Недаром лица двух мальчиков, которые зашли в крааль, очевидно не зная о нашем присутствии, были разрисованы тертым мелом. Это явно были абаквета — кандидаты в мужчины.

Начался длинный палавер *. Завершился он тем, что нас пригласили в соседнюю деревню, где в тот же день абаквета должны были исполнять танец, предусматриваемый ритуалом обрезания.

Съемка культовых танцев представляет исключительный интерес с точки зрения этнографии, особенно если иметь в виду, что встречаются они все реже и реже. Когда-то чувства не тронутых европейской цивилизацией африканцев выражались в плясках. Они, конечно, ничем не напоминали (да и теперь не напоминают) западные танцы, ибо парный танец в нашем понимании здесь неизвестен.

---

* От португальского «палабра» («слово»). Так в Африке португальцы называли судебные разбирательства и вообще споры между африканцами.

Во время прежних путешествий по Африке мне часто доводилось видеть, как посреди деревни выставляли большой барабан. Всякий, кто умел играть на каком-либо инструменте, спешил на площадь. Конкомбва в северном Того являлись с флейтами, жители девственных лесов в Западной Африке — с ударными инструментами; в других районах на помощь большому деревенскому барабану — этой «первой скрипке» африканского оркестра — приходили щипковая скрипка, барабан, ножной бубен или деревянный ксилофон.

Вся деревня принимала участие в празднике; радость жизни озаряла темные лица, ярко сверкали белые зубы в смеющихся ртах. Под звуки музыки смыкались ладони, изгибались тела. Ребенок, туго привязанный к спине матери, в такт ее движениям кивал головкой. Но вот музыкальный ритм нарушали резкие крики дряхлых старух, в круг врывались танцоры и принимались прыгать, вздымая пыль. От ряда мужчин отделялось несколько человек, они приближались к ряду женщин, приглашая деревенских красавиц на танец. Бурное веселье одних передавалось другим. Возбужденная толпа темнокожих, обливавшихся потом людей в экстазе кружилась до полного изнеможения.

У африканцев веселье и страдание, любовь и ненависть мирно уживаются рядом. Есть танцы, которые должны возбуждать радость боя и нередко переходят в кровавую сечу. Военные игры с сопутствующими им танцами были очень популярны в государствах зулусов во главе с Чакой* и Дингааном**. Зрители, расположившиеся полукругом на шкурах, наблюдали за тем, как ликующие воины устремлялись друг к другу, держа перед собой черные или белые щиты из кожи быка или диких зверей и размахивая короткими острыми копьями. Военная песня сменялась громким кличем: «Булала, абатагати!»—«Бей колдунов!» Имелись в виду европейские завоеватели, «появившиеся из моря» со смертоносными орудиями, извергающими гром и молнии, против которых бессильны и щит, и стрелы.

---

* Инкоси (правитель, верховный вождь) зулусов (1816—1828), выдающийся полководец.

** Брат Чаки, инкоси зулусов (1828—1840). Погиб в борьбе с колонизаторами (бурами и англичанами) и их пособниками.

Удивительно, что и у африканцев с побережья, уже много веков общающихся с европейцами, до нашего времени сохранились танцы предков. Сколько раз видел я под пальмами Дар-эс-Салама танцы девушек суахили. Они повторяли те самые ритмичные движения, которые, вероятно, услаждали взор арабских работорговцев задолго до того, как португальцы открыли морской путь в Индию.

У народа кру на побережье Либерии еще после первой мировой войны был распространен женский танец, чем-то напоминавший мне яванские танцы «в трансе». Обвешанная золотыми украшениями своего рода, с золотой пластинкой в зубах, в круг входила девушка (я вспоминаю, кстати, случай, когда одна танцовщица появилась даже с очками из простого стекла!). Она ступала едва заметными шажками, будто во сне наклоняла верхнюю часть тела, устремив взор к небу и вяло опустив руки. Час за часом проделывала танцовщица одинаковые монтонные движения, пока, обливаясь потом, не валилась с ног; пожилые женщины уносили ее в хижину.

С культовыми танцами кóса я был знаком только понаслышке. Чтобы увидеть и заснять чилису, абаквету или исполняемый после обрезания мгиди, стоило пойти на любые лишения.

Мне хотелось, чтобы в краале, где должен был состояться праздник, нас приняли не так холодно, как в первой деревне. Для этого я решил заручиться расположением ее маленьких жителей и пригласил их отправиться с нами. Несколько детишек забрались в наш мерседес, остальные побежали вперед искать броды и указывать путь. Между поселками не было дороги, и пришлось медленно ехать прямо через поля.

К моменту нашего прибытия на деревенской площади уже собралось много народу. Дети оказались хорошими парламентерами, да и любопытство африканцев к иностранцам было так велико, что ни у кого не возникло возражений против нашего присутствия. Едва мы успели приготовиться к съемке, как праздник начался.

Жители закололи быка. Всех угостили мясом. Мужчины сидели в стороне от женщин, недвусмысленно подчеркивая тем самым, что праздник обрезания — дело чисто мужское.

Появились два мальчика абаквета. На них было одеяние, несколько напоминавшее тунику, но отличавшееся от нее тем, что оно было сделано из камыша, как и похожие на капюшоны маски. Ноги их от самых ступней были размалеваны черными и белыми красками под шкуру леопарда. К моему удивлению, инструментальная музыка отсутствовала; только несколько женщин, сидевших в стороне, мелодично пели, выстукивая палками ритм на пыльной земле.

МОЯ ЛЮБИМАЯ СТРАНА ЗУЛУСОВ

Снова в Натале, снова в стране зулусов...

Эта особенно красивая часть материка между побережьем и Драконовыми горами, с одной стороны, Дурбаном и португальской колонией Мозамбик — с другой, оказала решающее влияние на мою жизнь и отношение к Африке. Поэтому я на время отвлекусь от путешествия 1956 года и попытаюсь последовательно рассказать о моих встречах с Наталем и страной зулусов.

Из всех южноафриканских городов я больше всего люблю Дурбан — порт Наталя и третий по величине город Южно-Африканского Союза.

Не скрою, сердце мое билось учащенно, когда в ясный июльский день 1956 года с Берея — горы, возвышающейся над городом, я смотрел на гавань и бухту.

Там почти 60 лет назад я впервые высадился на берег Африки. Тогда тоже была зима и шла подготовка к июльскому гандикапу — скачкам с большими ставками. Это ежегодно самое большое событие в светской жизни Дурбана.

Я вспомнил, как «Грик» приблизился к порту Наталя. Маяк указывал путь в гавань — самую удобную между Кейптауном и бухтой Делагоа, но доступную только судам с небольшой осадкой. На песчаной отмели, перед входом в гавань вздымались высокие волны.

Взор мой впился в окутанный туманом берег... сердце забилось учащенно. Здесь должна была решиться моя судьба. Подошел баркас со служащими пароходства «Юнион-лайн», которому принадлежало судно. Несколь-

ко европейцев поднялись на борт. Кто-то назвал мое имя, и я увидел перед собой человека, заботам которого поручил меня отец. Это был фермер — немец, о влиянии и успехах которого его гамбургские родственники раззвонили на весь город. Он должен был посвятить меня в тайны земледелия и животноводства и впредь мной руководить.

Человек этот мне не понравился. У него был стеклянный глаз, направленный, казалось, все время на меня, словно в целом свете больше не было ничего достойного внимания. Разговор не клеился. Мне показалось, что я не очень желанный гость. Я осведомился о ферме... Таковой не было. Дела моего соотечественника шли вовсе не так хорошо, как уверяли его родственники. Он разводил кур, причем занимался этим не очень прибыльным делом на участке другого немца. Человек, который должен был направить меня на путь истинный, оказался просто мелким лгуном, выдававшим себя за важную персону.

С бесцеремонностью юности я заявил, что не стану обременять его, если он выплатит мне тысячу марок, переведенных отцом. Явно обрадовавшись, «опекун» вручил мне чек, и я в приподнятом настроении смело сошел на берег.

И вот я стоял на Берее с тысячей марок в кармане и строил планы, как достигнуть славы моих двоюродных дедов-естествоиспытателей. Вокруг царила еще не тронутая природа. Птицы с пестрым оперением носились по воздуху, но я не знал даже их названий. Совершенно счастливым я почувствовал себя при виде обезьян, которых до этого встречал только в неволе. Они нагло взирали на пришельца сверху вниз. С неотразимой силой меня охватило желание попасть в африканские заросли, как можно скорее пробраться во внутреннюю часть материка.

В то время страна зулусов оставалась в значительной степени девственным краем. Меня не волновало, что я почти ничего не знал о его растениях и животных, о людях, населяющих степные просторы этой страны. Зулусы? Это слово я услышал тогда впервые.

Через несколько дней после высадки на африканской земле я отправился по железной дороге в Питермариц-

бург. Столица Наталя и сейчас насчитывает не более 70 тысяч жителей, а в то время была совсем маленьким городом. Европейцев в ней было еще меньше, чем в Дурбане. Питермарицбург—оживленный торговый центр—служил перевалочным пунктом, откуда слоновую кость, страусовые перья, кожи, шерсть направляли к побережью.

Там я познакомился с одним немцем — владельцем самой большой в городе часовой мастерской. Кроме красивой виллы у него были хорошие лошади, и он предоставил их в мое распоряжение на все время пребывания в городе. Я широко использовал возможность ездить верхом. Кстати, уже при первом знакомстве со страной и условиями жизни в ней мне стало ясно, как нужна лошадь всякому, кто хочет не только себя показать, но и сам посмотреть больше, чем можно увидеть, передвигаясь на «своих двоих».

Первый охотничий опыт я получил в Драконовых горах, находящихся на границе между Наталем и Оранжевым Свободным государством. До сих пор помню, какое чувство унижения испытывал я всякий раз, когда коренные жители указывали мне на антилоп, которых я не видел. Сначала я думал, что у африканцев зрение гораздо лучше, чем у европейцев, но вскоре убедился, что это не так: нужно только привыкнуть к той более красочной и полной жизни обстановке, в которой вырос африканец, научиться распознавать различные виды животных, и тогда глаз европейца начинает реагировать на все не менее быстро и точно, чем глаз уроженца Африки. Впоследствии я по остроте зрения превзошел некоторых опытных следопытов.

Иное дело — слух... Так по крайней мере подсказывает мой опыт. Во время охоты на слонов я неоднократно был свидетелем того, как шедшие впереди коренные жители вдруг замирали. Это значило, что они услышали треск сучка вдали. Я же мог выделить этот звук из массы лесных шумов только на небольшом расстоянии.

Когда я впервые увидел страну зулусов, она вся была в сочной зелени. На склонах гор, представлявших собой отличные пастбища, паслись тучные стада рогато-

го скота. Но однажды утром трава вдруг окрасилась в золотистый цвет, а неделю спустя стала коричневой.

— Трава умерла? — спросил я у старого зулуса.

— Она поспела, — ответил старик. Несколько дней спустя запах паленого заставил меня выбежать из палатки. Огонь, зажженный зулусами, пожирал степь. Облака дыма застилали небо, коршуны и другие хищные птицы бросались вниз, чтобы мгновение спустя взмыть в вышину с мышью или пресмыкающимся в клюве. Пожары предохраняли пастбища от порчи, расчищали место для молодой травы, уничтожали вредителей.

Спустился вечер, и мне показалось, что холмы опоясаны золотыми цепями. Искры поднялись вверх и слились в огненную корону, затем она медленно погасла и все вокруг погрузилось в глубокий мрак. Позднее над необъятной степью и разбросанными по ней зарослями кустов и деревьев поднялась луна. На горизонте появились черные тучи, постепенно затянувшие весь небосклон. Стало прохладно — первые крупные капли дождя с шумом упали на пыльную землю. Дрожа от холода, я закутался в одеяло и залез в палатку.

Следующее утро также было холодным, пока не взошло солнце. Коршуны, эти стражи смерти, без которых невозможно представить себе африканский ландшафт, описывали в небе широкие круги. С горизонта я перенес взор на расстилавшуюся передо мной местность — и поразился. На равнине, еще накануне покрытой пыльным саваном сожженной травы, уже пробились к свету нежные зеленые побеги. Прошедший ночью дождь, первый за много месяцев, словно волшебством вызвал их из-под земли.

— Земля потеет, — улыбаясь, ответил на мой удивленный взгляд старый зулус.

Страна зулусов — это не только степи. За пересеченной местностью, которая начинается от самого побережья и как бы ступенями поднимается вверх, тянутся испещренные ущельями горы. Долины рек Уайт-Умфолози и Блэк-Умфолози густо заросли колючим кустарником. Здесь когда-то было раздолье для крупных зверей — носорогов и буйволов.

Зулусский крааль просыпался с первым криком пе-

туха. Чтобы согреться, закоченевшие люди разводили огонь, дым выходил через отверстия в хижинах и смешивался с туманом, окутывавшим землю. В горах по утрам бывает так холодно, что болота и ямы с водой нередко покрываются тонким слоем льда. Дрожа, вылезали из хижин их обитатели. В загоне для скота мычали коровы, и вот туда-то в первую очередь направлялись зулусы. Они оглядывали свое богатство, свою гордость, ведь для них стадо дороже жизни. Не спеша открывали они ворота загона. Блестели спины коров и быков, которых гнали на пастбища. Мычали голодные телята, ночевавшие отдельно от взрослых животных. Задрав хвост, бросались они на негнущихся высоких ногах к матерям. Телятам давали насосаться вдосталь, и только тогда начинали доить коров.

Позаботившись о скоте, зулусы совершали свой утренний туалет. Это была почти церемония, повторявшаяся из утра в утро. На первый взгляд она могла показаться смешной, но в основе ее лежало правильное понимание функций внутренних органов человека и климатических особенностей страны. Женщины приготовляли напиток, действовавший наподобие легкого слабительного. Все члены семьи — муж, жена и дети — отпивали по доброму глотку. Затем в тыквенной бутыли разводили раствор для клизмы из теплой воды и кореньев. Его вводили в организм при помощи острия бычьего рога. За внутренним очищением следовало умывание. Только после этого зулусы садились за завтрак.

Утолив голод, они принимались за работу. Исполненные достоинства, держась очень прямо, женщины и девушки шли за водой к источнику или реке. Как и все африканцы, зулусы переносят тяжести не на спине, а на голове, подкладывая под них ицинкату — венок из травы. Затем женщины приступали к домашней работе, которая составляла одну из важнейших обязанностей зулусок. Особое внимание они уделяли полу. Его покрывали сначала растертой между камнями влажной глиной, а когда она высыхала — смесью навоза с водой и полировали, до тех пор пока не образовывался твердый слой. Пол с годами темнел и приобретал сходство с черным деревом.

Женщины срезали траву, которой крыли хижины и кладовые. Они мотыжили землю, сеяли, плели корзины

и изготовляли глиняные сосуды, используемые наравне с тыквенными бутылями, собирали топливо и мастерили украшения из стеклянных бус.

Главной обязанностью мужчин был уход за скотом. Подоив корову и вычистив хлев, зулусы занимались резьбой по дереву и плетением, изготовляли боевые щиты, мужские передники и украшения для головы из кожи леопардов и змей, строили хижины, огораживали свою часть крааля, хоронили покойников, расчищали почву для посева, которую, как я уже сказал, обрабатывали женщины. Только табак сеяли и убирали мужчины.

В большом почете у зулусов было ремесло. Особо отличившиеся искусники получали звание иньянги, столь же уважаемое, как у нас звание академика. Можно было встретить иньянга йокубаза — «доктора» резьбы по дереву или иньянга йоквака-ицикатуло — мастера-обувщика. Кузнечное дело считалось наиболее таинственной после колдовства и врачевания областью деятельности. Чужеземец, случайно забредший в кузницу, рисковал поплатиться за это жизнью.

Главным предметом одежды зулуса была мудша — нечто вроде передника, подвязываемого на бедрах. Спереди и с боков мудши свисали пучки бахромы различной формы.

Мудша изготовлялась из тонких кусков меха, чаще всего из шкуры леопарда, а на бахрому шел мех мускусной кошки, ехидны, обезьяны, антилопы. Кроме того, зулусы употребляли шкуру уже сформировавшегося зародыша теленка, очень мягкую и блестящую. Однако ни один из них не заколол бы ради этого украшения животное; только в тех случаях, когда корова погибала перед самым отелом или ее почему-либо приходилось зарезать, зулус разрешал себе воспользоваться шкурой плода. Мудшу дополняли замысловатый головной убор из перьев и пучки козьего волоса, прикреплявшиеся на локтях и коленях.

Женщины довольствовались еще меньшим. Девушки носили набедренную повязку, вышитую мелкими цветными бусами, от которой отходила узкая полоска материи, пропущенная между бедрами, а женщины еще и мудшу. На многих из них я видел прекрасные браслеты,

изящные диадемы и множество других украшений, сделанных с большим вкусом.

Широко распространены у зулусов были меховые одеяла. Женщины небрежно перекидывали их через плечо, а мужчины пользовались ими в хижине, где любили снять мудшу и расположиться с комфортом. Если одеяло казалось зулусу слишком теплым, он скидывал его, и тогда только одна амангкеба, корзиночка из тончайшей травы, прикрывала его наготу. С точки зрения своего народа, он и в этом случае считался одетым.

Борода считалась у зулусов признаком мужского достоинства и силы. Поэтому бородатым бурам, которые явились в страну, перевалив через Драконовы горы, зулусы приписывали львиную смелость. Гладко же выбритые англичане вызывали у них презрение. Впоследствии зулусы постепенно отказались от бороды и стали брить ее осколком стекла.

В волосы мужчины обычно вплетали исикоко — черное кольцо из смолы толщиной в средний палец. Его ежедневно полировали мягким листом. Кольцо это не снимали даже ночью, поэтому зулусы во время сна пользовались небольшими деревянными подголовниками. К их помощи прибегали и женщины. Ведь исиколо зулусок — своеобразные прически, напоминавшие свешивающийся назад цилиндр, — обходились им в стоимость козы и оберегались с большой тщательностью. Еще невестой девушка начинала отращивать волосы. Лентой ей служило ползучее растение; жирная красная глина применялась как связывающее и красящее вещество. Замужние женщины носили исиколо до самой смерти, но вдовам приходилось расстаться с прической (к слову сказать, это был далеко не единственный суровый обычай зулусов по отношению к вдовам).

В то время, о котором я говорю, — в конце прошлого века — да и сейчас тоже зулусы возводят хижины только круглой формы (подражание этому можно наблюдать в лагерях для туристов, имеющихся во всех заповедниках). Округлые очертания пользуются предпочтением у зулусов не только потому, что, по их мнению, такая форма лучше противостоит натиску бури. Мир представляется им в виде окружности, где в центре находится великий бог Ункулункулу — очень похожее на человека

существо, первый зулус, от которого произошли все остальные. Внутри большой окружности заключена меньшая с королем в центре, она в свою очередь состоит из окружностей меньшего диаметра со старейшинами краалей, а в них вписаны окружности, в которых главенствуют главы семей.

Я был поражен, установив, что многие африканские племена избегают безвредного хамелеона. Как известно, эта маленькая древесная ящерица замечательна тем, что глаза ее могут смотреть в разные стороны, а сама она умеет удивительным образом приспосабливать окраску тела к окружающей среде. У зулусов хамелеон играет весьма своеобразную роль в мифе о мироздании.

По преданию, Ункулункулу, «самый главный», сидя как-то раз перед палаткой у костра, решил, что люди не должны умирать. Он послал хамелеона сообщить им эту радостную весть. Медлительный гонец в поисках лакомых насекомых карабкался с куста на куст, с дерева на дерево.

Тем временем Ункулункулу передумал. Люди не заслужили вечной жизни! Передать эту печальную весть он поручил обыкновенной ящерице, которая стремглав бросилась исполнять приказание и уже сообщила о ней людям, когда наконец появился хамелеон.

— Ункулункулу решил, что вы не умрете! — закричал он, достигнув первого крааля людей.

— Ты опоздал, — раздалось из всех хижин. — Ящерица бегает быстрее тебя и уже сказала нам, что мы все-таки смертны.

●

Заблуждаются те, кто думает, что эти не тронутые европейской цивилизацией люди не соблюдали правил приличия. Мне, чужеземцу, приходилось со скрупулезной точностью следовать всем обычаям зулусов. Я был польщен до крайности, когда вскоре после приезда в Африку меня, стройного, как тополь, юношу, зулусы прозвали «Исипакуа» («Свечка»), ибо это означало, что я вошел в круг их представлений. Зулусы были первыми (и остались самыми дорогими для меня) друзьями, каких я нашел среди африканцев.

При приближении к краалю полагалось выслать вперед слугу. Навстречу ему выходил гонец, чтобы справиться, откуда и зачем прибыл гость. Дурные обычаи уже тогда успели испортить хорошие традиции: от ценности подарка, вручаемого гонцу, зависело, скоро ли проводят гостя в хижину вождя. Возможно, что когда-то подношение служило мерилом значения, ранга прибывшего и показывало, насколько срочное у него дело.

Деревню круглой формы ограждал, как правило, колючий кустарник, реже — каменная стена. Если краль прижимался к холму, главный вход был расположен на той стороне, что лежала ниже. Справа от «большой стороны», именуемой «уланготи олокулу», находились «хижины правой руки», напротив них — «хижины левой руки». Середину крааля занимало наиболее важное для зулусов строение — загон для крупного рогатого скота, а за ним стояла хижина главной жены. Дома, соседствующие с загоном для скота, также располагались по кругу, причем центром каждой группы являлось жилище главы семьи, окруженное жилищами жен и молодежи. Резиденция вождя — индуны — по виду ничем не отличалась от хижин его подданных. У женщин с детьми были свои дома, холостые мужчины, так же как и девушки, селились отдельно.

Для строительства жилищ зулусы не употребляли глины. Они связывали несколько молодых деревьев, искусно оплетали их и полученный таким образом каркас покрывали травой. Крыша свешивалась до самой земли, все сооружение напоминало пчелиный улей. Окон тогда не знали, воздух и свет проникали через дверь, настолько низкую, что при входе приходилось нагибаться. Посередине хижины был устроен очаг — круглое углубление, в котором всегда поддерживали огонь для обогрева помещения. Пищу зулусы готовили в отдельных маленьких постройках...

Хижины не имели дымоходов, и я, войдя внутрь, не сразу мог привыкнуть к удушливой атмосфере. Очень немного было таких жилищ, где угар, выделяемый тлеющими, порой сырыми дровами, не раздражал бы глаза и легкие. Недостаток свежего воздуха усугублялся своеобразным освещением. Молодая девушка — интомби — садилась у очага, держа в руках связку сухой тра-

вы тамбуки, зажигала один стебель о другой и высоко поднимала его вверх; медленно сгорая, он освещал лица тех, кто сидел вокруг. Этот обычай — особенно в семьях вождей — удерживался очень долго, даже тогда, когда в лавках начали продавать по доступным ценам стеариновые свечи и керосиновые лампы.

Король зулусов давал аудиенцию, сидя на циновке, в окружении нескольких индуна (младшие вожди, старейшины). Посетителю полагалось молча сесть на правую сторону циновки, после чего король и посетитель целую минуту пристально смотрели друг на друга. «Сагабона», — изрекал наконец король. Это было сокращенной формой «Нги ца ку бона» и означало: «Вижу тебя», точнее: «Изволю тебя видеть».

Затем, как принято при подобных обстоятельствах во всем мире, следовал обмен формулами вежливости. Уважение к гостю зулусы выражали тем, что величали его названием крупного и сильного животного.

— Жирный бык!

— Большой слон!

— Толстый носорог!

— Могучий лев!

Этим церемониал заканчивался, и начиналась беседа о цели и назначении путешествия, о причине, побудившей гостя посетить крааль его величества. Вели беседу, сидя на покрытом циновками земляном полу.

Обратиться к королю стоя или расхаживая по хижине, значило бы нанести ему оскорбление. Да и сам король не вставал, пока в хижине находился гость. Известно, что Кетчвайо * велел прогнать из страны европейца, нарушившего этот обычай. Когда другой европеец заметил, что его соотечественник нарушил этикет по неведению, последний настоящий король зулусов с достоинством заявил: «Если вы, белые, приходите к нам, то вы должны следовать нашим обычаям, а не мы вашим».

Как только король начинал разговор с гостем, в хижину входили две интомби. Одна несла миску с водой, другая — большой горшок джуалы — африканского пива из проса. Она в присутствии гостей тщательно мыла

---

* Инкоси зулусов в 70-х — начале 80-х годов XIX века.

руки, ополаскивала небольшой сосуд, наливала в него пива и отпивала несколько глотков. Только после этого она подавала напиток королю. Все присутствующие принимались за пиво, черпая его из горшка один за другим в порядке старшинства. Я никогда не видел, чтобы очередность нарушалась, хотя не встречал в дебрях Африки начальников протокольной части. Эти простые люди интуитивно чувствовали, в какой последовательности должен передаваться по кругу кубок.

Интомби, прислуживавшая королю и его гостям, брала и подавала сосуд обеими руками, желая показать, что приносит дар тому, кого ставит выше себя. Должно быть, этот обычай, как и обязанность девушки предварительно пробовать пиво, имели, кроме того, цель охраны жизни короля. Раз отведавшая напиток первой не умерла, значит, она не подала яда; раз у нее заняты обе руки, она не в состоянии внезапно нанести смертельный удар.

Этот обряд заменял зулусам парадный обед, и удавшимся он считался только в том случае, если сопровождался звуками насыщения или, попросту говоря, рыганьем. Зулусы великолепно выполняли это правило вежливости, издавая поистине устрашающие звуки.

●

На рубеже XIX и XX столетий бассейн Умфолози был идеальным местом для всякого любителя природы. Здесь во мне пробудилась охотничья страсть, которой я был охвачен еще в детстве.

Почти каждый день я брал ружье и отправлялся в лес. Вспоминаю об этих вылазках с сожалением и вместе с тем — с удовольствием. А какими прекрасными и волнующими были облавы! Я застал их в том виде, в каком они устраивались еще много лет назад, до захвата Наталя европейцами.

По традиции подготовка к охоте начиналась с того, что в краали рассылались гонцы. Не заходя к индуне или другим зулусам, они отправлялись в загон для скота и там подражали крику импунци — антилопы дукер. К загону из всех хижин сбегались люди и, узнав о месте и времени облавы, тем же способом передавали

весть в соседний крааль. Заблаговременно явившись к условленному месту сбора, мы видели, как со всех сторон к нему направлялись охотники, вооруженные ассегаями, дубинами и палками. Местный вождь указывал участок для облавы и рассылал во все стороны молодых охотников. Последние должны были двигаться таким образом, чтобы замкнуть круг, после чего охотники с громкими песнями направлялись к его центру, гоня перед собой дичь.

— Эйя, хе! — слышалось вновь и вновь. Этот клич передавался по кругу до тех пор, пока напуганные звери не делали попытки вырваться из западни. Тогда их убивали метательными копьями. Охотник, поразивший зверя, кричал громовым голосом: «Мамо!» (ура!) — и добавлял название крааля, к которому принадлежал. Ему радостными возгласами вторили ближайшие друзья. По старинному обычаю, загнанная до изнеможения или убитая другим охотником дичь принадлежала тому, кто первым ранил ее до крови.

Окружной начальник Умфолози был метким стрелком, но не мог спокойно перенести то, что во всех облавах мне неизменно доставался самый большой участок. Однажды он сообщил мне, что впредь я должен участвовать в облавах не с дробовиком, а с ружьем для охоты на крупную дичь. Между тем из животных, на которых устраивались облавы, самым крупным были капские сайги и тростниковые антилопы, а их обычно били из дробовиков; к тому же было довольно рискованно палить из крупнокалиберного ружья в окруженное людьми пространство.

Пришлось выполнить желание высокого начальства, а это означало, что мне оставалось стоять за пределами круга и стрелять лишь тогда, когда животным удавалось из него вырваться. В окрестностях было достаточно термитников и других безлесных пригорков, с которых открывалась панорама местности, так что стоило раздаться звуку рога, как я снова оказывался царем охотников.

Однажды в Умфолози прибыл губернатор Зулуленда* сэр Чарли Сэндер. Это был отличный охотник. Ме-

* В данном случае административная единица, входившая в состав английской колонии Наталь.

ня пригласили с ружьем к окружному начальнику и проводили на веранду дома, расположенного на склоне холма. С него был виден другой холм, находившийся в 400 метрах от нас.

— Видите вы там двух пасущихся карликовых антилоп? — спросил окружной начальник, указывая на возвышенность, покрытую густой растительностью. — Я побился об заклад с сэром Чарльзом, что Вам ничего не стоит пристрелить одну из них. Как вы думаете, справитесь?

Я этого не думал, но ничего не сказал, а стал целиться в антилоп, казавшихся точками. Антилопы спокойно паслись, причем одна находилась метров на пять выше другой. Предосторожности ради я лег на пол, чтобы иметь хороший упор, и выстрелил. Пуля попала в животное, оно подскочило, а затем упало на землю в предсмертных судорогах. Посыпались поздравления, я выслушал их молча. Дело в том, что целился я в одну антилопу, а попал в другую.

●

В поселке Умфолози я определился как охотник за крупной дичью, но если вдуматься как следует, то и превращение Шомбурка в ловца зверей подготовлялось тоже там.

Мы жили в доме, построенном из неотесанного камня и обнесенном высокой каменной стеной. Во дворе я завел не только змей, но и небольшой зверинец. Всякий настоящий охотник любит животных, ему хочется не убивать их, а ухаживать за ними; терпеливо пытается он приручить диких зверей. Так во всяком случае было со мною, и такую же склонность я замечал у некоторых знаменитых охотников за слонами, с которыми потом встречался.

В то время я часто задавал себе вопрос: как дошел человек до мысли о приручении животных? Сидя по вечерам у дверей нашего дома и вглядываясь в далекие просторы любимого ландшафта, я воображал себя первобытным охотником, вооруженным каменным топором. В этих мечтах убежищем мне служила мрачная пещера где-то в глубине дебрей, в сердце закрадывался страх

перед ночной темью и одиночеством. Мне и в самом деле пришлось испытать этот ужас, но гораздо позже, когда я совершал путешествие по африканскому материку. У первобытных людей к этому чувству примешивалась, вероятно, еще и боязнь злых духов.

Быть может, тогдашний немврод * однажды встретил на охоте и принес детям отбившегося от матери волчонка, который увязался за ним, не обращая внимания ни на пугающий шелест деревьев, ни на полный призраков мрак. Уверенность волчонка могла передаться человеку, он избавился от страха и с нежностью погладил прильнувшую к его руке мордочку маленького зверька. Не так ли волк превратился в домашнее животное, в верного друга человека, который сопровождал хозяина на охоту, предупреждал о приближении врагов и защищал его пещеру?

Примечательно, что африканцы уделяли приручению животных меньше внимания, чем такие народы древней культуры, как индийцы или китайцы, которые уже многие столетия назад использовали бакланов для рыбной ловли. Мне известно лишь несколько попыток приручения слонов коренными жителями Африки, причем не всегда успешных, хотя еще карфагеняне, а вслед за ними и древние римляне применяли африканских слонов в качестве своего рода танков.

Азиатский слон, далеко не такой сильный, как его африканский собрат, был приручен еще в незапамятные времена и принадлежит к числу самых верных и трудолюбивых друзей человека. Даже маленький ребенок может управлять добродушным великаном, который любит своего господина и становится как бы членом его семьи. Он отказывает хозяину в помощи только в минуту опасности, чем отличается от собаки. Как известно читателям других моих книг, защищая меня, маленькая Бобси дала льву растерзать себя. Африканцы никогда не пытались использовать слона в качестве рабочей силы; в их глазах этот гигант девственного леса, как и другие животные, всегда лишь ньяма — мясо.

Немногие знают, что в Африке, как, впрочем, и в Индии, обезьяну порой используют для работы по хо-

---

* По библии, отважный охотник.

зяйству. Обвязанная веревкой, она влезает на высокие кокосовые пальмы и обрывает с раскачиваемых ветром крон тяжелые плоды, почти не досягаемые для человека. Хозяин животного стоит внизу и, дергая за веревку, дает сигнал, по которому обезьяна сбрасывает орехи вниз. В деревушках, затерянных среди девственного леса, я не раз наблюдал самку шимпанзе в роли няньки (зрелище это особенно курьезно, когда обезьяна не замечает, что за ней следят). Ей африканка может спокойно доверить своего младенца; умное верное животное скорее погибнет, чем бросит человеческое дитя на произвол судьбы.

Индийская пословица гласит: «Собаки иногда кусаются, гепарды — никогда». Необыкновенно быстро и легко бегающего длинноногого гепарда используют при охоте на антилоп. Индийская мангуста — смертельный враг ядовитых змей. Этим она завоевала себе право жить среди людей; не менее охотно держат в жилищах ее африканских родичей — кузимане или сурикабе, уничтожающих всякого рода нечисть. Из числа пресмыкающихся испытанным мухоловом зарекомендовал себя хамелеон, а маленький веселый геккон, также истребляющий насекомых, всюду и всегда желанный гость; он, однако, не очень уверенно лазит по потолку и, случается, падает в миску с супом.

Насколько тесной бывает дружба человека с животным, может понять только тот, кто целыми днями и неделями пробирался сквозь дебри в сопровождении одного лишь верного четвероногого. Лучшим из друзей, каких я приобрел в первые годы жизни в Африке, был жеребец Иегорум. Никогда не забуду, как он погиб.

Мы выехали на облаву. Лошадь показалась мне ленивой, но это меня не встревожило, ибо я знал, что у Иегорума, как у человека, бывают разные настроения.

На обратном пути его поведение смутило меня. Иегорума буквально невозможно было сдвинуть с места. А если я давал ему шпоры, чего вообще-то старался избегать, он ненадолго пускался рысью, а затем, понурив голову, снова переходил на шаг.

Я спросил совета у окружного начальника. Он был большим любителем лошадей, вырос в Натале и хорошо знал, какие опасности таит в себе этот край для людей и животных.

— «Синий язык», — сказал он, — надежды нет.

Это было самое опасное заболевание лошадей в этой стране. Язык распухал, синел, становился все толще и бесформеннее, пока бедное животное не задыхалось. В редких случаях удачный надрез, сделанный острым ножом в задней части языка, прекращал дальнейшее вздутие и спасал животное. Не попробовать ли и нам?

Окружной начальник схватился за нож, я кивнул ему головой в знак согласия. Животное встрепенулось, но операции не противилось. Мы влили Иегоруму в глотку коньяку, чтобы подкрепить сердце... Все напрасно... Под утро Иегорум скончался.

●

В 1896 году чума рогатого скота перекинулась из Центральной Африки в страну зулусов. Жертвами этой ужасной эпизоотии стали огромные стада буйволов. В Южную Африку, где местами погибло до 90 процентов всего поголовья скота, был вызван Роберт Кох, открывший возбудителей туберкулеза и ряда других болезней. Не будет преувеличением сказать, что благодаря немецкому исследователю, делавшему домашним животным противочумные прививки, в этой стране сохранилось животноводство, а население было спасено от полной нищеты.

Но среди диких животных болезнь свирепствовала с такой силой, что даже несколько лет спустя на песчаных берегах Уайт-Умфолози валялось несчетное множество скелетов буйволов. Мучимые жаждой, животные из последних сил тащились к реке и здесь подыхали. Местные жители рассказывали, что во время эпизоотии гиены и коршуны разъелись настолько, что не могли сдвинуться с места даже при виде людей, которых обычно боялись.

После ужасного бедствия поголовье крупной дичи еще не достигло прежнего уровня, поэтому охота на буйволов была запрещена. Хотя здесь не место для охотничьих рассказов — моим читателям они известны из «Пульса дебрей», — мне все же хочется вспомнить об одном эпизоде, свидетельствующем о том, как мало я был тогда знаком с охотой на крупную дичь.

В сухой сезон 1900 года я получил недельный отпуск

и разрешение охотиться на крупную дичь и отправился в заросли с двумя зулусами. Один из них — егерь — следовал примерно в 5 метрах за мной по узкой тропе, проложенной через густой кустарник. Второй шел впереди. Мысли мои были чем-то отвлечены, как вдруг я услышал крики: «Ньяти! Ньяти!» (слово «ньяти» было мне незнакомо) — и увидел, как мимо меня опрометью промчался проводник. В тот же миг появился могучий буйвол, наклонивший рогатую голову для атаки.

Отпрянув вправо или влево, я попал бы в колючий кустарник. Не отдавая себе отчета в том, как опасен атакующий, я вскинул ружье и выстрелил. Пуля попала буйволу между глаз, и он рухнул на землю у самых моих ног.

Сомнений быть не могло — я нарушил закон, запрещавший отстрел этих животных. Мне было предъявлено обвинение в браконьерстве, и при рассмотрении его в суде оба сопровождавших меня зулуса выступили в качестве свидетелей. Они так правильно изложили дело, что мне нечего было добавить в свою защиту. Меня оправдали и даже похвалили за храбрость. В то время смысл этой похвалы остался для меня неясен. Я еще не знал, как опасен нападающий буйвол, а если бы знал, то, вероятно, предпочел бы совершить весьма неприятный прыжок в колючки, чем предпринимать опасную для жизни попытку убить животное.

●

Я, вероятно, и после этого происшествия остался бы охотником, если бы не был настолько захвачен Африкой, что одни приключения меня уже не удовлетворяли. Мне хотелось стать путешественником и исследователем. Манили к себе синие горы, разговоры в краале вращались вокруг того, чего я не видел и не пережил, вокруг людей, еще не затронутых европейской колонизацией «Черного» материка, вокруг животных, которых мне, двадцатилетнему юноше, все больше и больше хотелось увидеть и изучить. Стремление быть таким же, как мой двоюродный дед Роберт Шомбурк, было сильнее, чем соблазн принять участие в погоне за алмазами или золотом, увлекшей жителей Наталя, несмотря на все

еще продолжавшуюся войну между англичанами и бурами.

Настало время, когда надо было подумать об отбывании воинской повинности. Отец уже решил за меня, что я проведу положенный годичный срок в войсках, расположенных в тогдашней германской колонии — Юго-Западной Африке. Это означало, что родители свыклись с мыслью о том, что мое будущее так или иначе связано с Африкой.

И вот однажды утром я очутился в почтовой повозке, курсировавшей между Эшове и Роркс-Дрифтом. Мулами правили два кучера, сменявшиеся через каждые два часа. Один держал поводья и старался, чтобы или левые или правые колеса оставались в дорожной колее, проложенной в этих дебрях гораздо более широкими фургонами буров. Второй размахивал кнутом, доставшим даже до передних мулов (всего их было восемь пар). Мулы мчались галопом. Я боялся, что повозка опрокинется и разобьется... Этого не случилось, но на неровном месте она вдруг подскочила, а вместе с ней подскочил и я, стукнувшись затылком о перекладину парусиновой крыши, к счастью заменявшей в повозке деревянный верх. Чтобы не вылететь при такой дикой скачке на дорогу, приходилось крепко держаться обеими руками за ремни и лямки...

●

— ...А ты еще сетуешь на африканские дороги! — закончил я свой рассказ. Он предназначался племяннице, недовольной толчком, который она почувствовала, прежде чем его самортизировали рессоры нашего мерседеса-180.

— Но ведь и Африка стала на полстолетия старше, — ответила она. — У меня только один вопрос, дядя Ганс. Ты попал тогда в Юго-Западную Африку?

— Да. но служить там мне все-таки не пришлось. Я отправился в небольшом челноке из Кейптауна на север. В Свакопмунде остановился в лучшей гостинице Юго-Запада; ведь это путешествие я совершал за счет отца. Город и гавань еще строились. Гостиница находилась в деревянном строении под железной крышей.

Проснувшись утром, я обнаружил у себя на одеяле слой песка толщиной в несколько сантиметров. Не стоит и описывать, какой вид имел я сам.

И все это мне пришлось пережить только для того, чтобы узнать от командования, что в местных войсках могут служить постоянные жители Юго-Западной Африки или лица, которые дадут обязательство там поселиться. Первое условие ко мне не относилось, выполнять второе я не собирался. Я сел на почтовый пароход и в 1901 году вернулся на родину...

— Гоп-ля! Внимание, Ниди! Тут, правда, не бывает морозов, снега и льда, затрудняющих движение на наших дорогах, но есть обыкновенные выбоины, какие попадаются и в Европе на особенно оживленных участках шоссе. Поезжай медленнее, через несколько минут мы будем в Питермарицбурге.

Но мы могли быть спокойны за судьбу нашей машины, ей ничто не угрожало. Дороги пыльные, мощеные, утоптанные бесчисленными парами человеческих ног и звериных лап, — словом, дороги конца прошлого и начала нынешнего столетия — уступили место современным асфальтированным магистралям. Низенькие деревянные пансионаты были снесены; их владельцы смогли построить многоэтажные гостиницы. Нигде больше не было видно трактиров с плоскими крышами и деревянными коновязями, у которых лошади дожидались джентльменов, зашедших пропустить стаканчик или попытать счастья в игре. Если отвлечься от своеобразия растительности, такие города, как Питермарицбург, можно найти в любой англосаксонской стране.

В Питермарицбурге я оставался не дольше, чем было необходимо для получения нужных сведений и разрешений, без которых нельзя проводить киносъемки в Натале. Одним из намеченных объектов съемок был заповедник Хлухлуве. Кроме того, я собирался посетить ту часть страны зулусов, где мог бы запечатлеть на пленку картины подлинной жизни нетронутой Африки, той, которую я наблюдал и полюбил несколько десятилетий назад.

Второе мое желание исполнилось скорее, чем я ожидал. После долгих переговоров по телефону мы узнали, что в одном из краалей округа Мизинга, близ Тугела-

Ферри, должна состояться зулусская свадьба. Нам не только добыли все необходимые документы, но и дали провожатого, без которого сейчас, по-видимому, не разрешается посещать резерваты для коренных жителей.

И вот мы отправились в путь.

Мои спутники задали вопрос: неужели свадьба в стране зулусов такое событие, что ради возможности заснять его стоит проделать несколько сот миль?

— Наберитесь терпения, увидите сами, — ответил я.

К сожалению, мы попали только к торжественному завершению церемонии бракосочетания. Она напоминает о блеске древних обычаев и обрядов, но не дает представления о том, как происходит помолвка.

Когда двое молодых людей находят друг друга и юноша признается отцу в любви к девушке, начинается обряд сватовства, во многом напоминающий традиции, бытующие в европейских странах. Один из близких друзей отца юноши отправляется к будущему тестю. Старики садятся рядом на травяной циновке у очага, им подают просяное пиво, хозяин и гость рыганьем демонстрируют взаимную симпатию, а затем после обмена энергичными приветствиями начинается разговор.

— Есть у меня молодой друг, отец которого послал меня узнать, не можешь ли ты дать ему немного табаку.

Это и есть формула сватовства. Отец призывает дочерей и спрашивает:

— Кто из вас хочет вместо меня передать другу табак, который он просит?

— Только не я, — отвечает одна интомби за другой, — но вот эта наша сестра могла бы отдать табак другу нашего отца.

Для отца все это не новость. Он подготовился к посещению свата и тщательно следит за тем, чтобы его дочь во избежание суровой кары сохранила девственность до вступления в брак. Между краалями происходит обмен щепотками табаку, после чего во время многочисленных церемоний и визитов стороны договариваются о самом важном — о величине лоболы, то есть о том, сколько скота жених должен передать отцу невесты в качестве возмещения за дочь.

— Так что в стране зулусов не было и нет погони за приданым, — закончил я свой рассказ.

— Но зато есть покупка женщин, — возразил один из слушателей, — хотя я надеюсь, что сейчас этот обычай не сохранился.

— Нет, он сохранился, да иначе и быть не может. Ведь не только зулусы, но и все остальные банту считают, что без лоболы не может быть брака. Но это вовсе не значит, что они покупают невест.

Обычай лоболы оказался устойчивым. По сути дела в основе его лежит признание ущерба, наносимого отцу, который отдает полезного члена семьи. Жених (или его семья) возмещает эту потерю. Если муж дурно обращается с женой и она возвращается к отцу, последний вправе не отдавать полученную ранее лоболу. Он обязан это сделать только в том случае, если жена неспособна к деторождению или оставила мужа без всякой вины с его стороны. С моей точки зрения, лобола оказывает благотворное влияние на отношения между супругами.

Между тем дорога, по которой мы ехали, стала настолько плохой, что нам пришлось выйти из мерседеса и, то и дело спотыкаясь, пройти по пересеченной местности несколько километров, еще отделявших нас от крааля. Ноги наши все время цеплялись за сухие, как кости, стебли кукурузы. Большого удовольствия мы не испытывали — ведь приходилось тащить на себе тяжелые съемочные аппараты, но это была Африка!

На довольно большом расстоянии от деревни мы натолкнулись на группу женщин. Наш оператор принялся энергично «крутить», но деревенские красавицы не менее энергично запротестовали: «Что подумают о нас в Европе, когда увидят эти картинки! Разве вы не видите, что мы еще не принарядились к празднику?»

Мы убрали аппараты и направились к деревне. В степи поднялось облако пыли, двигавшееся на нас. Оно предвещало инсценировку нападения молодых парней из крааля жениха на хижину невесты. Размахивая дубинами, зулусы неслись по равнине, издавая воинственные клики. Доскакав до места, где мы стояли, они внезапно остановились, вскинули руки и неописуемыми воплями начали выражать свою радость. На этом древняя игра закончилась.

Пока собирались танцоры и зрители, все было тихо. Но вот в сопровождении старых женщин и юных деву-

шек появилась невеста, перед которой пели свадебный ларец. Разукрашенные бусами девушки начали танец невест, исполняя его совершенно так же, как это делалось сотни лет назад. Темп музыки, сопровождаемой возбуждающим пением, становился все более бешеным. Гремел большой барабан, ему вторили маленькие струнные и щипковые инструменты. Громкие голоса певцов сливались с похожими на свист звуками, которые издавали девушки. Во всю мощь своих легких они выводили на высокой ноте «ху-ху-ху-ху», ударяя себя одновременно ладонями по открытому рту.

Погода испортилась. Поднялся отвратительный холодный ветер, он гнал через танцевальную площадку облака пыли. Съемки были закончены, мы развернули машину и отправились в Тугела-Ферри.

●

Несколько дней спустя мы выехали в знакомые мне районы страны зулусов. Вдоль дороги резвились очень маленькие и весьма нахальные обезьянки. Ниди пришла в восторг от шаловливых животных. Мы остановились, и она с удовольствием смотрела, как эти обитатели леса ловко и непринужденно хватали нежными пальчиками орехи и другие гостинцы.

— Осторожно! — предупредил я. — Не пытайся задержать эту ручку в своей. Ты ведь знаешь поговорку: «Его, видно, обезьяна укусила!»

— Но это едва ли относится к таким очаровательным малюткам! — воскликнула племянница, усомнившись в моей правоте.

— И к ним тоже. Если ты схватишь животное за лапу, оно испугается и укусит тебя. А укус обезьяны опасен.

Дурбан остался далеко позади. Виднелись плантации сахарного тростника, фермы и даже фабрики. Только состояние дороги показывало, что мы находимся вдали от больших городов. Я занялся изучением карт: одна из них была очень новой, другая — очень старой; казалось, что на них изображены различные части света.

И сейчас и во время кинопутешествия 1931 года,

маршрут которого от Дурбана до Булавайо проходил по тем же дорогам, я волновался всякий раз, когда оказывался вблизи городов, где провел чудесные годы учения.

Вскоре мы затормозили в Эшове. В крааль, где я намеревался заснять быт деревенской общины, нас должен был проводить зулус, состоявший на правительственной службе. Я прозвал его за полноту Мафутой, что означает «толстое брюхо».

Можете вы представить себе немецкого чиновника, который отнесся бы терпимо к подобному прозвищу? Однако читатель, не забывший мой рассказ о нравах зулусов, поймет, почему такое обращение не только не прогневило сопровождающего, а, наоборот, снискало мне его уважение и доверие. Он сразу признал в Шомбурке человека, знакомого с обычаями его народа.

К вечеру мы уже были в краале. Вождь, обладавший множеством детей и семью женами, радушно принял нас и проявил готовность оказать нам посильное содействие. Мы разбили свои палатки у самого крааля.

На следующее утро явились гости — любопытствующие зулусы всех возрастов. Среди них оказался мальчонка лет пяти. Он увязался за мной и уже больше не отставал. Если я садился, он тут же устраивался у меня между ног. Завладев моими сапогами, малыш гордо в них расхаживал. Мало этого... Он питал свойственную африканцам слабость к технике, и наш радиоприемник отнюдь не был гарантирован от его попыток установить связь с внешним миром. Чем громче были завывания, которые удавалось исторгнуть из загадочного ящика маленькому зулусу, тем более горделивым становилось выражение его лица.

Этот малыш, по-видимому, избрал меня, седовласого старца, своим приемным отцом. Я назвал его Джекки в память о другом мальчике, который полстолетия назад заявил после короткого знакомства со мною в Монровии — столице Либерии: «Ты быть мой папа...»

Вождь разрешил нам произвести съемки.

С утра из загона выпустили скот, мужчины занялись уходом за ним, женщины и девушки прошествовали к реке за водой (африканки не ходят, а именно шествуют). Все происходило точно так, как я рассказывал, без вмешательства режиссера, без дополнений и изменений.

Недоставало одного — акта внутреннего очищения, производимого при помощи бычьего рога, тыквенной бутыли, лекарственных кореньев и большого количества воды. Я решил, что и в этих краях появился ложный стыд, и, имея возможность объясниться с хозяином позулусски, спросил его, применяется ли еще это облегчающее впрыскивание (по ту сторону большой воды оно именуется клистиром)?

— Нет, — сказал он, — мы этого больше почти никогда не делаем.

— А почему? — полюбопытствовал я. Слабительное еще не нашло дороги в эту глушь. — Почему же высокогигиеничный обычай ухода за телом ныне забыт?

Длительный разговор так и не прояснил положения. Но он закончился предложением:

— Раз ты жил в стране зулусов еще в стародавние времена и даже знал великого Динизулу *, я готов это проделать ради тебя...

Такова история удивительных кадров, на которых запечатлено, как главная жена помогает индуне совершить древний обряд очищения кишечника.

Кстати, помимо столь лестного для меня объяснения, вождь привел и другое: ведь за участие в фильме я, конечно, заплачу ему наличными 5 шиллингов...

И я, конечно, заплатил.

●

День выдался очень жаркий, и мы отложили отъезд до наступления сумерек. Индуна и Джекки получили хорошие подарки. Затем мы двинулись в обратный путь мимо нагромождений скал, которые в тусклом свете догоравшего дня действовали на нас удручающе.

Нашей целью был птичий заповедник Сент-Люсия — большое озеро площадью несколько десятков километров, соединяющееся с морем. Я знал эту местность со времени экспедиции 1931 года и решил, что лучшего места для цветных съемок, чем остров Фернис на Сент-Люсии, нам не найти.

Чтобы попасть во Мтубатубу, расположенную на берегу озера, пришлось сделать крюк в сторону моря, и

* Инкоси зулусов в конце XIX века.

мы снова потеряли почву «под колесами машин». На сей раз мы увязли в глубоком белом как снег песке.

— Вперед! — поучал я своих спутников. — Только вперед! Песчаное море бессильно перед вами, пока вы двигаетесь. Делайте все что угодно, можете даже разок спокойно покрутиться по кругу, опасайтесь одного: останавливаться, ибо тогда мы крепко засядем.

Мы пробились через пески. Густой лес принял нас в свои объятия. Почва здесь оказалась твердой, но появилось новое препятствие — глубокие колеи, оставленные более тяжелыми машинами. Мы и его успешно преодолели.

Море, лагуны, девственный лес на острове Фернис заставили нас мгновенно позабыть все тяготы поездки. Это был один из тех пейзажей, при виде которых застываешь от восторга.

Богатые рыбой воды, омывающие остров Фернис, как магнит, притягивают к себе рыболовов. По многу дней и даже недель проводят они в лагере для туристов, оборудованном по-современному и в то же время гармонирующем с окружающей природой. В нем расположились и мы.

Я глубоко дышал, втягивая в себя сладковатый запах ила. Вокруг меня кружились бабочки. Осмотрел лагуну в бинокль. Птицы, птицы, неисчислимые массы пернатых на суше, в воздухе и на воде: голенастые серые цапли, родственные аисту, с длинными шеями и прямыми клювами; пеликаны с добычей в подшейных мешках, по размерам не уступающие лебедям; красно-розовые фламинго с загнутыми клювами и черно-белыми крапинками на оперении.

Поздороваться со мной вышел уорден (так называют главного лесничего в большинстве заповедников). Мое восхищение было ему приятно, и он предложил на следующее утро совершить прогулку на моторной лодке. Получилась чрезвычайно эффективная киноохота. Закончилась она тем, что под мерное постукивание мотора мы плавно скользили по каналу, на берегах которого шпалерами выстроились цапли. Мы назвали его «Улицей белых птиц». Большая стая фламинго подпустила нас на расстояние нескольких метров, а затем, подобно розовому облаку, растаяла на горизонте. К сожалению,

искусство самоуверенного кинооператора оказалось не на уровне тех возможностей, которые давала натура.

Мы были еще полны этим единственным в своем роде зрелищем, когда в ночи раздался рев бегемота. В лагунах острова Ферниса водятся также и крокодилы, но мы их не видели.

Два дня и три ночи пролетели так же быстро, как короткий освежающий ливень — второй после нашего отъезда из Кейптауна. Для меня он послужил предупреждением. Следовало позаботиться о том, чтобы еще до наступления сезона дождей достигнуть Момбасы на побережье Восточной Африки. Мои приготовления в Германии затянулись на целый месяц, теперь эта задержка сказывалась, нужно было экономить время, а это значило: вперед, вперед!

●

В заповеднике Хлухлуве, занимающем площадь около 60 километров, я собирался приступить к съемкам зверей. Хлухлуве привлекал меня не столько буйволами и антилопами ньяла, сколько белыми носорогами. Это одно из немногих убежищ, в которых они сохранились.

Едва мы въехали в ворота заповедника, как нас «приветствовал» роскошный мкубо — так называют зулусы белого носорога в отличие от его черного сородича — бедьяны. Десятки антилоп собирались на свидание у водопоя. Среди них были и столь редкостные виды, как серо-коричневые ньяла. На следующий день у этого сборного пункта произошла одна из обычных для дебрей трагедия: антилопа гну зашла слишком глубоко в ил и там погибла. Коршуны дрались из-за добычи. Они загоняли друг друга в воду, хлопая крыльями, взмывали ввысь и сверху снова кидались на труп.

По дороге в лагерь нам встретилась жирафа. Она стояла, вытянув шею, и без всякого страха взирала на нас. Коричневая ее шкура с желтыми полосами блестела на солнце так, как если бы только что вышла из рук скорняка.

Мы остановили машину, ибо боялись наехать на животное, упорно не сходившее с дороги. Жирафа подошла к автомобилю, заглянула внутрь и постепенно уничтожи-

ла весь запас конфет, взятый с собой Ници. Если наступала заминка в поступлении очередного леденца, запятное существо, рост которого в несколько раз превышал высоту нашей машины, бесцеремонно дергало дарительницу за воротник.

Такое поведение вообще-то несвойственно жирафам. Это животное звали Малышкой. Рано лишившись матери, длинноногий детеныш нашел приют у жены лесничего и вырос в лагере, среди людей. В дальнейшем Малышка — ее рост к тому времени достиг 5 метров — отправилась странствовать и даже покинула заповедник. Однако она неизменно возвращалась, чтобы повидать свою воспитательницу и принять от нее в подарок лакомства, которые успела полюбить.

Встречи с носорогами могли оказаться не столь безобидными. Мкубо обычно настроен сравнительно мирно и нападает только в состоянии раздражения. Но бедьяну за злой нрав зулусы прозвали «чертом из зарослей». Пути его неисповедимы, и он имеет привычку (возможно, из-за плохого зрения) очертя голову кидаться на все новое, что появляется рядом.

В 1931 году вместе с моим другом Паулем Либеренцем я предпринял в бассейне Умфолози охоту с киноаппаратом на белого носорога. Он тогда встречался гораздо реже, чем теперь. Старый зулус Мали — лесничий горы Мазимба — очень хорошо знал зверей, которых охранял. По его представлениям, белый носорог был джентльмен. Если же заходила речь о его черном собрате, Мали принимал озабоченный, таинственный вид. Я и теперь слышу, как он шепчет, робко вглядываясь в заросли:

— Посмотри только на навоз носорога, господин. Белый носорог ходит, как слон, а черный разбрасывает свой навоз.

— Ну и что же? — спросил я, ничего не поняв. Тогда Мали рассказал мне любопытную легенду про бедьяну и павиана.

При сотворении мира великий бог Ункулункулу смог выделить явившемуся слишком поздно сонливому бедьяне только какие-то лоскутки для прикрытия наготы. Присутствовавший при этом павиан подарил носорогу иглу, чтобы тот сшил себе одежду. Но при этом он до

того издевался над неловким и сердитым носорогом, что тот, разозлившись, проглотил иглу, которую держал в вытянутой пасти. Он и по сей день в бешенстве ищет в своем навозе эту иглу, которая причиняет ему боль и вызывает ярость.

Не будучи специалистом, трудно отличить остромордого черного носорога от широкомордого белого, тем более что «черный» имеет окраску олив, а «белый» ту же, что и слон.

Посетители Хлухлуве в массе своей обычно считают носорогов — белых и черных — «безвредными», хотя приставленный к нам проводник много раз указывал на себя, как на страшный пример легкомыслия: неожиданно напавший носорог оставил на его ноге глубокий шрам.

В первый же день пребывания в Хлухлуве мы увидели после обеда двух мкубо, стоявших в очень удобной для киносъемки позе. К сожалению, они находились довольно далеко. Приблизившись, мы заметили, что этими зверями интересуются и другие посетители. Группа фотоэнтузиастов направилась к недовольно взиравшим на них носорогам. Им это в конце концов наскучило и, бросив злобный взгляд, мкубо, не спеша, удалились.

Нам все же удалось получить очень хорошие кадры носорогов, и мною овладело честолюбивое желание сняться вместе со зверем, вот уже несколько десятилетий интересовавшим меня. Однажды после полудня, увидев самку носорога, которая паслась на открытом месте со взрослым детенышем, я велел остановить машину и вышел. Сказав кинооператору, что подойду как можно ближе к животным, я попросил его заснять встречу Исипакуа со зверем, которого Мали считал джентльменом.

Сначала мать и дитя из породы мкубо не обратили на меня никакого внимания. Они стояли совершенно непринужденно, молодое животное — задом ко мне. Шаг за шагом я стал к ним приближаться.

У слонов и носорогов плохое зрение. Если подходить к ним спереди, притом медленно и бесшумно, они не замечают изменений в окружающей обстановке. Но, когда к ним пытаются подобраться сбоку, они чуют беду и начинают нервничать. В данном случае, как только у меня возникало ощущение, что звери обеспокоены, я останав-

ливался, как вкопанный, а через минуту или две снова начинал приближаться к ним.

Мой долголетний опыт подтверждает незыблемое правило охотника: если носорог внезапно кидается на тебя, нужно отпрянуть в сторону, ибо он несется вперед, не обращая внимания на то, что происходит справа или слева от него. Мне вспомнился случай из далекого прошлого. «Фару!» — услышал я крики моих носильщиков-бавемба * и увидел, как они, побросав свои ноши, с ловкостью обезьян карабкаются на деревья. Вспомнил я и о том, что сам отпрыгнул в заросли и увидел, как всего в нескольких метрах от меня пронесся гигантский носорог, наклонив голову для удара. Нанеся его в пустоту, он, крайне озадаченный, уставился на окрестности с поразительно тупым выражением «лица».

Но тут мне своевременно пришла в голову мысль: смогу ли я теперь, в 75 лет, «порхать» так, как в 25? Меня отделяли от мкубо двенадцать шагов. Затем — десять... Я замер. Животные взглянули на меня без малейших признаков раздражения. Значит, можно рискнуть и приблизиться еще на несколько шагов. Я так и сделал. Затем тихо и спокойно заговорил с самкой, подражая рокоту мотора, к которому, как я установил в экспедиции 1931 года, с удовольствием прислушиваются почти все звери. Думаю, со мной ничего не случилось бы, даже если бы я улегся у ног толстухи. Но мне помешали.

В игру вмешался проводник. Озабоченный, вероятно, не столько моей участью, сколько сохранением своего места, он стал жаловаться, что я нарушаю все правила и он попадет за это в тюрьму. Разумеется, он был прав. Мне могло дорого обойтись мое легкомыслие.

Стоявший впереди молодой носорог перестал жевать траву, мать взглянула на меня явно дружелюбно, покачала головой, громко засопела и степенно удалилась в сопровождении отпрыска.

На обратном пути в лагерь к мерседесу приблизился черный носорог. Мы, понятно, схватились за аппараты.

— Неужели у вас тут носороги пронумерованы? — спросил один из моих спутников.

---

* Группа народов и племен в Родезии и Ньясаленде.

Я тоже обратил внимание на цифру «11», ясно видневшуюся на боку животного. На его спине сидели волоклюи, эти маленькие и энергичные представители санитарной инспекции по делам толстокожих. Сначала я подумал, что бросившаяся в глаза цифра «11» — следы их пищеварения. А может быть, это была одна из тех язв, которые я часто видел у черных носорогов, хотя никто не мог объяснить мне их происхождение? Особенно удивительно то, что эти кровоточащие, порой гноящиеся раны всегда находятся на одном и том же месте, на правом боку, и что волоклюи не только препятствуют заживлению, но даже расширяют их.

Только в Родезии лесничий заповедника Ванкие — один из крупнейших знатоков африканской фауны — подтвердил мои предположения.

Как вам известно, у всех животных есть железы *. У слонов они находятся между глазом и ухом, у антилоп даже между копытами. «Раны» носорога, по-видимому, стефанофилариоз, описанный И. Хольцем и Р. Т. Адивинатом, которые наблюдали его у коров в Индонезии. Это те же железы. Пернатые гости носорога, уничтожающие на нем паразитов, держат их открытыми на благо животного.

АВАНТЮРИСТ В ИОГАННЕСБУРГЕ

Покинув страну зулусов, мы взяли курс на Иоганнесбург. Этот город, насчитывающий почти миллион жителей, является самым большим в Южной Африке, а после Каира — и на всем материке. Он расположен вблизи богатейших в мире месторождений золота и стал экономическим центром Южной Африки.

В пути из политической столицы Южно-Африканского Союза Претории в Иоганнесбург перед нами маячили холмы Витватерсранда. Наконец мы достигли огромных отвалов золотых рудников, окружающих Иоганнесбург, который я не люблю и никогда не любил, хотя, а может быть, именно потому, что когда-то сам был его жителем.

* Речь идет о половых железах.

Еще древние знали, что в Африке имеется золото. Есть все основания предполагать, что его добывали арабы, а налаженные ими торговые связи между Софалой и Занзибаром использовали португальцы, впервые прибывшие в Восточную Африку около 1500 года. Предполагают, что воинственные племена (или возможность добывать золото более легким путем в Южной Америке) помешали португальцам эксплуатировать труднодоступные прииски Южной Африки.

В 1845 году немецкий геолог Леопольд фон Бух научным путем установил, что в Южной Африке должно быть золото. Девять лет спустя желтый металл обнаружили поблизости от нынешнего Иоганнесбурга. Но буры сумели воспрепятствовать проникновению золотоискателей в их отдаленную страну.

Однажды, в сентябре 1886 года, рабочий из поселка у подножия Витватерсранда ударил заступом по скале. Камень засверкал, заискрился. Сомнений не было — через скалу проходила золотоносная жила.

За первой находкой последовало множество других. Вспыхнула такая золотая лихорадка, какая охватывала только отдельные районы Калифорнии и Австралии. В страну отовсюду слетались авантюристы, они застолбляли даже те участки, на которых не было и следа драгоценного металла. Нередко устраивались «впрыскивания» золота, чтобы сбыть с рук право первой заимки там, где поиски были явно безнадежны. Для этого брали патрон, удаляли из него дробь, заполняли образовавшуюся пустоту золотым песком и выпускали заряд в горную породу. Почти всегда находился простачок, который за большие деньги покупал участок, «посоленный» этим или другим способом.

Иоганнесбург основан золотоискателями. Нынешний центр города был заложен в декабре 1886 года. Для него выбрали местность у южных отрогов Витватерсранда, самую суровую и унылую во всем Трансваале. Неплодородная почва непригодна для земледелия. В начале 80-х годов фермы в этой местности продавались по цене, равной стоимости 16 быков. Однако за несколько лет цены на землю настолько подскочили, что в 1895 году за место для двух строительных площадок на вновь проложенной улице Комиссионер потребовали

22 тысячи фунтов стерлингов. В 1902 году, когда я приехал в Иоганнесбург, Стандард-банк заплатил за место для четырех строительных площадок 145 тысяч фунтов. Иоганнесбург жил за счет своего золота.

●

Меня привлекало в Иоганнесбурге не золото. Отбывая военную службу в Бланкенбурге на Гарце, я тщательно обдумал, какие возможности представляются молодому и знакомому с африканскими условиями немцу, желающему проникнуть в глубь «Черного» материка.

Единственным моим капиталом были молодость и опыт. Даже отец не собирался давать мне денег для экспедиции в дебри Африки. Еще важнее было отсутствие научной подготовки для серьезной исследовательской деятельности. Мне необходимо было как можно скорее восполнить этот пробел и увязать свою будущую работу, которая давала бы средства к существованию, с основательным изучением страны. Я считал, что пути к этому можно найти только в самой Африке. По дороге я остановился в Лондоне, чтобы заручиться поддержкой.

Полученная мной в Лондоне «поддержка» ограничилась знакомством с неким актером, который освободил меня от лучшей одежды и значительной доли наличности. К счастью, прибыв на Британские острова, я сразу же оплатил переезд в Южную Африку. Когда пароход, на котором я находился, отвалил от пирса, у меня в кармане оставалось 5 фунтов и несколько шиллингов. При тогдашних обстоятельствах этой суммы было недостаточно даже на расходы в плавании.

«Поживем—увидим», — подумал я, передавая мои 5 фунтов на сохранение старшему стюарду, и ушел с палубы, бренча в кармане оставшимися шиллингами. Вечером играли в покер, ставки были невысоки, я рискнул шиллингом, а потом и двумя. Когда я отошел от стола, у меня было уже несколько выигранных фунтов. Фортуна улыбнулась мне и позже — в судовой лотерее. Мне дважды доставался главный выигрыш. Когда в Дурбане я сошел на берег, кроме прежних 5 фунтов, у меня оказалось еще двести. Но это богатство не принесло мне счастья.

Бурская война закончилась. Трансвааль стал британской колонией. Иоганнесбург, город золотоискателей, был у всех на устах. Его быстрое экономическое развитие сопровождалось нездоровыми явлениями, которые принесли с собой золотая лихорадка, военная спекуляция, стремление к колониальному господству и безудержный экспансионизм. В городе уже были построены первые деловые здания. Они стояли рядом с ветхими деревянными бараками золотоискателей, в которых теперь поселились бедняки, потерпевшие поражение в борьбе за золото. Их было куда больше, чем богачей, наживших в короткое время баснословные состояния.

Всюду шло строительство, прокладывали улицы, разбивали парки и сады. Деньги тратили почти с такой же быстротой, с какой наживали. В деловых кварталах царило оживленное движение. Перед каждой гостиницей и перед каждым баром стояли оседланные лошади. Трамвая (его пустили только в 1960 году), железной дороги и автомобилей еще и в помине не было. Даже в Иоганнесбурге самыми распространенными средствами передвижения оставались тяжелые бурские фургоны, запряженные быками, и почтовые дилижансы. Гордость города составляли виктории — элегантные пароконные дрожки.

Работу в рудниках, как и вообще всю тяжелую работу, выполняли коренные жители. Золотоискатели же разыгрывали из себя господ. Они вытаскивали ножи и револьверы из-за поясов с еще большей легкостью, чем это делалось в золотоносных областях с умеренным климатом. На рубеже XIX и XX веков во всем мире не было, пожалуй, города столь многонационального, как Иоганнесбург. Облик его определялся авантюристами и спекулянтами, которые в поисках удачи со всех концов света устремились в Трансвааль. Они были не очень-то разборчивы в выборе средств для достижения своей цели.

Финансисты и другие дельцы, сумевшие весьма быстро перекачать в свои карманы золото мелких владельцев рудников, съехались в Африку из стран, где жизнь была гораздо приятнее, чем в степях Трансвааля. Они стремились вознаградить себя за дурной климат и скучный пейзаж различными удовольствиями. Появился

большой спрос на выездных лошадей и пони. Один барышник — выходец из Польши — искал компаньона. Мне не стоило труда убедить его, что с его деньгами и моим опытом дело пойдет на лад.

С пони, пользовавшимися тогда большой популярностью у игроков в конное поло, я имел дело еще в те годы, которые провел в Натале. Буры умели разводить лошадей, но молодые животные либо вовсе не были выезжаны, либо ими занимались настолько мало, что без предварительной тренировки их нельзя было использовать для игры. Я сообразил, что в этом залог моей удачи, и посоветовал компаньону скупать таких животных, чтобы я их выезживал. Спрос на них увеличивался так стремительно, что я не успевал удовлетворять его. Тучные короли золота не владели искусством верховой езды, и случалось, что иной наполовину выезжанный пони возвращался в нашу конюшню за полцены, а через несколько часов его буквально вырывали у меня из рук на площадке для игры в поло.

Вскоре мне представилась возможность приобрести двух скаковых лошадей — прекрасного жеребца и маленькую австралийскую кобылу. Жеребец перед финишем выгибал спину, а кобыла была такая нервная, что после стартового сигнала ее никак не удавалось сдвинуть с места. Лошади с таким изъяном стоили недорого, но обучение животных требовало терпения.

Сначала я испробовал своих лошадей на небольших ипподромах, каких в Трансваале было немало. Букмекеры не питали доверия к моим животным, я же ставил на них с осторожностью и недурно зарабатывал, тем более что мне не приходилось делиться доходами с жокеем: в его роли я сам выступал.

Окончание золотой лихорадки и вызванная им цепь банкротств должны были послужить мне предостережением, но как мог молодой торговец лошадьми понять, что приближается экономический кризис? Успех вскружил голову, мне представлялось, что я быстро достигну цели. Словом, я превратился в авантюриста.

Одна серая лошадь легко брала препятствия во время гандикапа, и можно было думать, что она станет фаворитом на предстоящих скачках. Но для нее не могли подобрать достаточно легкого жокея. Предложив свои

услуги, я решил в три дня согнать 5 фунтов лишнего веса и ослабел настолько, что у меня кружилась голова. Тем не менее в день скачек я важно восседал на этой серой лошади. При старте она стала приплясывать. Финиша мы достигли первыми, но, к сожалению, с противоположной стороны. Несколько недель спустя во время скачек с препятствиями я свалился на землю, а лошадь — на меня, сломав мне плечо и повредив несколько ребер. В сознание я пришел уже в больнице.

Между тем моя скаковая конюшня расширилась, и я нанял тренера. Постепенно мои деньги перекочевали к нему. Остаток своего состояния, включая и лошадей, я поставил на фаворита иоганнесбургского гандикапа. Но он потерпел поражение: другая лошадь обогнала его буквально на полсантиметра. Когда я покидал ипподром, у меня еще оставалось два с половиной шиллинга. Выходя из Трокадеро — самого дорогого ресторана, куда друзья пригласили меня на ужин, — я сунул эти деньги швейцару.

С этого момента дела мои становились все хуже и хуже. Стоило мне где-нибудь заговорить о работе, как улыбки моментально сползали с лиц. Двери некоторых домов, широко открытые для меня прежде, теперь даже не приоткрывались, если я просил о себе доложить. Еще безнадежнее было требовать возвращения долгов. Люди, пользовавшиеся у меня кредитом, чувствовали себя оскорбленными, когда я просил вернуть то, что мне по праву принадлежало.

Все реже удавалось найти владельца лошади, соглашавшегося использовать меня в роли жокея. Слишком велик был мой вес — 62 килограмма. К тому же высокие заработки привлекли белых жокеев из Англии, Австралии и Америки (на африканцев и индийцев распространялось табу). Конкурируя между собой, они сбивали и плату и допустимый вес.

Но это было еще полбеды. Призрачно высокая конъюнктура в городе золотоискателей создала мираж благосостояния во всей стране, которое на самом деле распространялось только на новых богачей, а вовсе не на массы населения. В Витватерсранде деньги не играли никакой роли, но заработать их с каждым днем становилось все труднее. Когда десятки тысяч иностранных

солдат и офицеров, участвовавших в бурской войне, вернулись к себе на родину, а местные войска были переведены на оклады мирного времени, торговля лишилась значительного слоя покупателей. Буры обеднели из-за страшных опустошений, вызванных военными действиями. В Иоганнесбурге послевоенная конъюнктура дала себя почувствовать позднее, чем в других местах.

Я снова пристроился к барышнику, у которого хорошо зарабатывал прежде. Он обещал выплачивать мне определенный процент с каждой заключенной сделки. Изо дня в день стоял я на лошадином базаре с одной австралийской кобылой. Это было красивое, как на картинке, животное без единого изъяна, к тому же отлично бравшее препятствия. И тем не менее можно было подумать, что во всем Иоганнесбурге нет больше человека, который хотел бы обзавестись лошадью.

Наконец я нашел покупателя. Он оказался недоверчивым и хотел сам убедиться в достоинствах лошади, но мне негде было продемонстрировать ее качества. Он уже решил было отказаться от сделки, но тут я заметил, что неподалеку дремлет в своей коляске рикша. Вскочив на кобылу, я направил ее к рикше и совершил изящный прыжок через его голову. Так я обеспечил себе пропитание на несколько дней.

Вскоре после этого я как-то возвращался с фермы, где приобрел лошадь. Утомленный поездкой и голодный, я почти не следил за дорогой. Лошадь споткнулась и упала. Оказавшись под крупом, я сильно вывихнул ногу и попал в больницу.

Выписаться удалось только через две недели. Номер в гостинице, где я жил с момента приезда в Иоганнесбург, был заперт, а мои пожитки конфискованы. Все, что у меня осталось, находилось теперь в небольшом чемоданчике, который мне отдали в гостинице. Я оказался на улице в буквальном смысле этого слова — без средств, без жилья, без специальности.

●

Иоганнесбург — суровый, жестокий город. Там, говорят, теперь разбирают мостовые и пропускают камни через дробилки, чтобы извлечь из них крупицы золота.

Это вполне возможно, ибо в начале нынешнего века улицы мостили отработанной породой. Таким образом, в Иоганнесбурге и сейчас еще золото валяется на улице, нужно только уметь подобрать его.

Я этого не умел, точнее сказать, не был к этому способен. Кто хотел в свое время «сделать бизнес» в Иоганнесбурге, должен был обладать склонностью к спекуляциям, быть бессовестным наживалой. Я не мог заниматься делами, требовавшими обмана. Это и определило мои «неудачи».

Обосновался я во второразрядной гостинице поблизости от рудников. Рев пьяных рудокопов доносился в мою комнату, хотя она находилась далеко от бара. Однажды вечером я, как обычно, выставил башмаки в коридор перед дверью. К утру они исчезли, а других у меня не было. К счастью, нашелся знакомый, одолживший мне немного денег.

В той же гостинице я заметил молодого англичанина, которого прежде встречал только в лучших гостиницах и дорогих барах. Я вспомнил, что он был офицером, а после войны стал купцом.

— Купцом? — рассмеялся он. — Я был им, пока воображал, что это честное занятие. Последнее время я играл на рояле в одном баре. Однако и это занятие пришлось оставить, нервы сдали.

Я сначала не понял.

— А вы попробуйте посидеть за роялем с двумя подсвечниками, на три свечи каждый, которые должны освещать половину заведения, и играть, в то время как подвыпившие посетители не находят ничего лучшего, чем выстрелами гасить одну свечку за другой, — пояснил мистер Ньюкем.

— Ну, а теперь?

— Теперь я не у дел, подобно вам и сотням других, чьи жизни разбились о нравы «золотого города».

Мы сняли сообща пустую комнату. Ее побеленные стены словно манили нарисовать на них отсутствующую мебель. С разрешения законного владельца, а то и без оного мы раздобыли несколько ящиков, из которых смастерили стол, шкаф, стулья. Понабрали отовсюду старых газет. При некотором умении, положив их в не-

сколько слоев, можно устроить себе вполне сносное ложе, а на день — удобное сиденье.

В то время для жителя Иоганнесбурга бар был тем же, чем для жителя Вены кафе. Именно здесь протекала общественная жизнь и заключались сделки. Спиртное стоило недешево, но зато на всех столах стояли блюда с бутербродами, а ими можно было лакомиться бесплатно.

Этому обстоятельству мы с Ньюкемом обязаны не одной трапезой. Время от времени находился друг, приглашавший нас выпить, что открывало законный доступ к блюду с бутербродами. Большей частью, однако, желающих угостить не было. Тогда приходилось утолять мучительный голод незаметно для бармена, памятуя о тех лучших днях, когда мы не раз пили здесь, не закусывая, и щедро расплачивались.

Мы уже перестали искать заработок. Я целыми днями просиживал в городской библиотеке, где было много книг об Африке. Чем громче урчало у меня в желудке, тем усерднее я их штудировал, ибо в нужде еще больше, чем в счастливые дни, проникся решимостью побывать в глубине Африки.

Но каким образом?

Однажды ночью у меня появилась новая идея.

— Знаешь, Чарли, — сказал я в темноту, — станем-ка мы извозчиками.

— Неплохая мысль, — раздался иронический ответ. — Вероятно, у тебя есть приятель, который захочет подарить нам лошадей и коляски.

— Зачем дарить? Достаточно одолжить...

Один из знакомых, державший манеж, одобрил мою идею. Он согласился дать нам на время свою лучшую коляску и двух безупречных лошадей. Мы оба — Ньюкем и я — облачились в костюмы из синего шевиота, коричневые башмаки и галстуки того же цвета, повязанные под низкими воротничками.

Друг мой поместился на козлах рядом с мной, и мы подкатили к бирже, где встали в ряд ожидавших колясок. Вот из здания вышел, отдуваясь, полный господин, в его лице и походке сквозило самодовольство преуспевающего дельца. Я выехал из ряда, а Ньюкем соскочил с козел и с глубоким поклоном открыл дверцу. Ка-

кую-то секунду биржевик колебался, но, бросив оценивающий взгляд на наш первоклассный выезд, сел в коляску. Как мы и предполагали, он направлялся в квартал вилл, на Госпитальный холм. Лошади быстро принесли нас к месту назначения, и, описав дугу, мы с изяществом въехали в сад. Я одним движением остановил коляску, Ньюкем соскочил с козел и распахнул дверцу.

За такой маршрут обычно платили три шиллинга. Седок протянул моему другу пять. Ньюкем, однако, с обезоруживающей любезностью прошептал:

— Простите, сударь, мы берем только золото.

Толстяк изумился:

— Но я же плачу вам почти вдвое против таксы.

— Разумеется, сударь, — ответил мой друг. — Мы готовы возить вас даже даром. Но у нас правило: в городе золота брать только золотом.

Это звучало так мило и в то же время так нагло, что произвело впечатление на биржевика. Он вынул из кармана золотой и, больше не возражая, протянул его нам.

Теперь нужно было распустить по городу слух, что двое молодых спортсменов заделались извозчиками, побившись об заклад, что в Иоганнесбурге найдется достаточно джентльменов, которые будут платить чистым золотом.

В следующие несколько дней у нас было столько предложений, что пришлось нанять вторую пару лошадей. А ведь никто не обратил бы на нас внимания, если бы стало известно, что мы заделались извозчиками не ради спорта, а из нужды.

У меня снова завелись деньги. Не очень много, но все же достаточно для того, чтобы в голову полезли глупости. Ибо ничем иным как глупостью нельзя назвать решение завести скаковую конюшню, несмотря на мой печальный опыт. Я выиграл на пари пони, которого окрестил Саннибоем, а кроме того, приобрел жеребца чистых кровей. Выглядел он ослепительно, но оказался никуда не годным. Забрав лошадей, мы с Ньюкемом отправились в Почефстром, старейший город Трансвааля, основанный в 1835 году фоортреккерами *. Успех ка-

* Бурами-переселенцами (африкаанс — язык буров).

зался мне обеспеченным, я записал на скачки обеих лошадей и поставил на них. Проигрались мы в пух и в прах, Саниибой и жеребец потерпели полное поражение. Чтобы выполнить все свои обязательства, нам пришлось тут же продать жеребца и пони. В Иоганнесбург мы возвратились с 12 шиллингами.

Но надо было жить. Приближалось лето. Мы с Ньюкемом купили машину (разумеется, в рассрочку) и отправились стричь лошадей. Первый же пони, который попал нам в руки, лягнул сначала машину, а потом меня. На нашем оборудовании можно было поставить крест, как и на связанных с ним надеждах, я же лежал в углу конюшни, держался за живот и ругался от боли.

Ньюкем слушал-слушал, а затем произнес:

— Решено, я стану полицейским.

Прошло уже два года после моего возвращения в Африку, а кем я стал? «Авантюристом из Иоганнесбурга», — с горечью признался я себе.

Один владелец скаковой конюшни в Претории предложил мне участвовать на его лошади в скачках с хорошими ставками. Выхода у меня не было, пришлось отправиться в Преторию. На вокзале я осведомился у полицейского, как попасть на нужную мне улицу. Это оказался мой друг Ньюкем. Мы разыграли перед прохожими небольшую комедию. Со множеством знаков почтения он проводил меня до извозчика, которому я отдал последние деньги.

Незадолго до скачек ко мне прибежал запыхавшийся владелец лошади и, утирая пот со лба, проговорил, задыхаясь:

— Вы должны выиграть! Слышите? Вы должны! Я поставил на эту лошадь больше, чем следовало!

Однажды я тоже так поступил и проиграл, проиграл я и на этот раз. Лошадь, однако, сделала все, что могла, и я с грустью похлопывал ее по шее.

Поблизости раздалось чье-то сопение. То был разъяренный владелец, который стал проклинать и меня и лошадь. Потеряв самообладание, он поднял палку и ударил лошадь по голове. Следующий удар предназначался мне. Однако прежде чем это произошло, джентльмен растянулся на земле, получив по челюсти. Публика

приняла мою сторону. Но что толку? Мой наниматель не уплатил мне ни гроша.

В Иоганнесбург я возвращался пешком.

●

По склонам Витватерсранда тянутся золотые рудники. Центр этого района находится сейчас в 240 километрах к юго-западу от Иоганнесбурга. Его Элоффстрит превратилась в деловую, вполне современную улицу. Биржа и суд, почтамт и вокзал, ратуша и клубы расположились поблизости от жизненной артерии экономической столицы Южной Африки, где вор, похищающий автомобили, как бы соревнуется с вором, сидящим в автомобиле, на звание лорд-гангстера «золотого» города. Иоганнесбург можно назвать африканским Чикаго.

За последние полстолетия противоречие между богатством и нищетой стало еще более разительным. Оно усугубляется бесправным положением переселившихся в города африканцев.

В настоящее время число рабочих-африканцев, занятых добычей золота, превышает полмиллиона человек. По мере индустриализации страны возрастает потребность в рабочих руках для золотых и алмазных приисков, железных и медных рудников, для металлургических заводов и промышленных предприятий, не говоря уже о недавно открытых богатейших месторождениях урана. Народы банту, индийцы, китайцы, малайцы и мулаты составляют 98,5 процента всех неквалифицированных рабочих Южной Африки.

Вследствие «расового барьера» ничтожному числу банту, азиатов и мулатов удается получить специальность. Из шести квалифицированных рабочих только один неевропеец. А ведь европейцы составляют всего лишь около одной шестой части населения Южно-Африканского Союза! К числу наиболее рьяных защитников «цветного барьера» принадлежат профсоюзы «белых» рабочих и служащих.

Африканские рабочие живут в хибарах из досок, гофрированного железа, канистр для бензина и разных отходов. Окинув взглядом эти сооружения, нельзя не

понять, сколь необходимо во имя гуманизма добиваться предоставления африканцам жилищ, достойных человека.

И все же при переселении банту из трущоб Иоганнесбурга в построенные для них поселки произошли кровавые столкновения. Банту дружно протестовали против изгнания их из жалких жилищ; сопротивление было в конце концов сломлено силой. Почему? Дело в том, что это мероприятие осуществляется в рамках программы апартхейда. Жителей Софиатауна, пригорода Иоганнесбурга, например, выселяют в Мидоулендс, расположенный в 20 километрах от «столицы золота». Нищенские хижины банту снесут и на их месте построят дома для «белых». Переселение африканцев по сути дела является орудием политики разделения рас и вызывает все более сильное сопротивление банту, объединяющихся вокруг Африканского национального конгресса.

Я узнал в Претории, что в Иоганнесбурге предстоит выселение жителей еще из одного района трущоб, и отправился в пригород, чтобы заснять это трагическое событие.

Сначала мы ехали по обсаженному пальмами проспекту мимо небоскребов и роскошных вилл. А в Софиатауне хижины из ящиков и канистр прижимались друг к другу, как ячейки в пчелиных сотах. Одеяла или мешки заменяли двери. Там не было ни садов, ни зелени, ни канализации, узкие улочки не освещались. Горняки обычно селятся поблизости от рудников в кирпичных бункерах или в самых жалких лачугах.

Сотни тысяч бедняков живут в этих трущобах, привлеченные в город надеждой заработать на пропитание. Они потеряли связь с деревней, племенем, землей, с «их» Африкой, а для того чтобы помочь им найти место в мире «белых», не сделано ничего.

«Расовый барьер» ставит африканцев вне общества. Есть гостиницы, рестораны и магазины, закрытые для африканцев, банки и транспортные средства, их не обслуживающие, туннели к вокзальным перронам, где они не смеют проходить, лужайки и водоемы, которыми не имеют права пользоваться. Банту, живущий в городе, низведен до положения человека второго сорта.

«Показательные деревни», которые строит правительство для коренных жителей, не могут удовлетворить людей, лишившихся корней в родной почве. Эти поселки, расположенные за пределами городов, представляют собой современный резерват для банту в миниатюре. Сооружение их, как говорилось выше, вызвано апартхейдом, этой современной формой «расового барьера», и именно против него, а не против улучшения жилищных условий и было направлено сопротивление, оказанное жителями Софиатауна властям.

●

На рубеже XIX и XX веков в Южной Африке можно было ориентироваться по дорожным колеям, глубоко уходившим в песок. Теперь их выровняли, укрепили и на больших участках заполнили смесью вара с гравием. Подобно железнодорожным рельсам, пересекают они страну и дают возможность передвигаться через заросли. На этих магистралях фургон, запряженный быками, уступил место моторизованному транспорту.

Буры совершали «треки». Это голландское слово обозначает «переселение», «отъезд» и вошло в употребление, когда буры отправились на север и перешли через Вааль. Там, где не было ни дорог, ни троп, они пользовались чрезвычайно примитивным, но устойчивым «подвижным домом». Под свист бичей и крики погонщиков широкоосные фургоны, запряженные восемнадцатью или двадцатью четырьмя волами, катились через дебри.

Трудно было представить себе степной пейзаж Южной Африки без этих фургонов с их широкими подножками, крытыми тентом верхами, сплетенными из эластичных прутьев или согнутых молодых деревьев, подвесной постелью из ремней из бычьей кожи, раскачивавшейся под крышей поперек всего фургона. Скорость передвижения на такой повозке составляла около 3 километров в час. Обычно делали не более 15—20 километров в день.

Не раз сиживал я в тяжелом бурском фургоне, застрявшем в донге — так называются глубокие, высохшие русла рек. наполняющиеся водой только в сезон

дождей. Из соображений безопасности буры ездили группами, и к застрявшему фургону подводили одну пару волов за другой, пока его не удавалось вытащить. Таким же способом преодолевали крутые склоны Драконовых гор и столообразные отроги, спускавшиеся к берегу Индийского океана. Еще в 1931 году, во время путешествия по Южной Африке, мне случалось вытаскивать застрявший в песке грузовик при помощи нескольких десятков «воловьих сил».

Предположительное название моего фильма («Африка, какой я тебя видел и какая ты есть») требовало, чтобы рядом с моими современными машинами были показаны фургоны в воловьей упряжке. Техника восторжествовала в Африке быстрее. чем цивилизация. Миллионы по-прежнему неграмотных банту и сегодня живут в резерватах так, как жили их далекие предки, а фургон, который в эпоху захвата их страны европейцами и даже всего несколько десятилетий назад был главным средством передвижения, исчез бесследно. На каждых четверых европейцев в Южной Африке приходится один автомобиль (считая и грузовики). В Претории мне так и не удалось разыскать человека, который смог бы подсказать, где в Трансваале можно найти «действующий» фургон. Я же за несколько месяцев пребывания в стране, которую исколесил вдоль и поперек, встретил только один такой фургон.

Экипаж этот, хотя и отличался от прежних некоторыми техническими новшествами, полиостью отвечал моим намерениям, но владелец его без всякого энтузиазма встретил предложение стать объектом киносъемки. В конце концов, однако, нам удалось уговорить его даже съехать с дороги в заросли, чтобы оказать содействие при проведении «натурных съемок».

Несколько дней спустя. 25 августа 1956 года, наша экспедиция направилась в Национальный парк Крюгера. В этом огромном заповеднике я рассчитывал встретиться с животными, живущими на воле и огражденными от охотничьей страсти человека и его жажды убийства. Я был настолько поглощен этой мыслью, что на вопрос одного из провожающих, куда мы надеемся добраться в этот день, ответил:

— В Африку, наконец-то снова в Африку!

Помню первый вечер моего пребывания на африканском материке — в июне 1898 года. Я сидел на веранде небольшого пансионата в Дурбане. Тишину нарушали тонкий писк москитов, глухое гудение ночных жуков, стрекотание сверчков; в необычном этом концерте участвовали также летучие мыши и ночные птицы. Я напряженно вслушивался в голоса ночи.

Внезапно во мраке раздался рокочущий звук. Он то поднимался до высоких нот, то переходил в глухой стон. Это было рыкание льва. На следующее утро я с гордостью рассказал о своем «приключении» обитателям пансионата.

— Лев? Ну конечно. Можете полюбоваться им на базаре в цирке, который приехал вчера из Кейптауна.

Какое разочарование! Уже в то время в Капской колонии не осталось на воле ни одного льва. Только позднее в стране зулусов я увидел этого зверя, да и то мертвого. Прошло еще несколько лет, прежде чем мне самому удалось застрелить льва на берегу реки Уланги.

Находясь в июле 1956 года во Мтубатубе, я вспомнил, что во время путешествия по Африке четверть века назад я только здесь, то есть на самом севере Наталя, увидел в тот раз первую антилопу — маленькую ориби.

Когда в середине XVII века голландцы основали первое поселение на берегу Столовой бухты, в районе мыса Доброй Надежды водилось столько хищников, что за отстрел львов, гиен и леопардов выдавались значительные денежные премии. Однако благодаря притоку европейцев, применявших огнестрельное оружие, положение вскоре изменилось. Бегемоты, вынужденные в сухой сезон тесниться в неглубоких озерках, которые сохраняются в руслах высохших рек, становились легкой жертвой охотников. Уже один из первых голландских губернаторов Капской колонии счел необходимым поставить бегемотов под защиту закона.

Африканцы употребляли в пищу мясо антилоп, водяных козлов, африканских бородавочников. До появления европейцев массовой охоты на крупную дичь здесь

не было. Но когда начался трек буров на север, переселенцы уничтожали жираф, для того чтобы из шкур этих животных вырезáть бичи длиной несколько метров. Таким бичом возница мог подстегивать передних быков, не слезая с фургона. Сотни горных козлов пали от руки буров, которые забирали только языки этих животных, трупы же оставляли на съедение гиенам, шакалам и коршунам.

Бессмысленное избиение дичи получило такое распространение, что Народному совету фоортреккеров уже на первом заседании в 1837 году пришлось заняться разработкой охотничьего закона. И тем не менее истребление горных козлов продолжалось. Почти полностью была уничтожена квагга — южноафриканский род зебры. Белый носорог и белохвостая гну едва избежали той же участи. Нет надобности рассказывать о начавшемся позднее массовом уничтожении поставщиков «белого золота» — слонов, а также буйволов, ценившихся за их мясо.

Бегство зверей от белого человека в еще не захваченные им области началось более 100 лет назад. Но сокращение поголовья дичи и уход ее в другие места были следствием не одной только слепой ярости человека. По мере того как дебри отступали перед цивилизацией, звери Африки лишались естественных условий своего существования.

Еще на рубеже XIX и XX веков в стране зулусов было очень много зверей. Там, где сейчас редко встретишь дикое животное, бродили стада гну, куду, антилоп других разновидностей. С тех пор миллионы моргенов девственной африканской степи были распаханы и превращены в поля или плантации сахарного тростника. Через древние звериные тропы пролегли дороги, животные уже не могли в сезон дождей совершать дальние переходы на «тучные» пастбища. Многие обитатели степей переселились в другие места.

Белый носорог — типично широкомордое животное — относится к травоядным и может существовать только в степи. Верхняя губа черного носорога — острая и твердая, — напротив, указывает на его способность пожирать листья и кору. Он чувствует себя как дома в густых зарослях колючего кустарника и в скалистых горных

местностях. Вот почему черный носорог сумел спастись от европейских охотников в недоступных районах страны, тогда как его белого брата несколько десятилетий назад можно было встретить очень редко. По самым тщательным подсчетам, к югу от экватора сохранилось к тому времени не более 80 белых носорогов, и все они обитали в стране зулусов. За ее пределами эти животные водились только к северу от экватора, в районе Ладо. Поэтому медлительного степняка мкубо уже около 50 лет назад поставили под защиту закона.

Благодаря дальновидности некоторых друзей природы в Южной Африке уже сравнительно давно созданы заповедники, где звери живут в естественной для них среде и защищены от человека. Много сделал для охраны африканской фауны Пауль Крюгер — последний президент республики Трансвааль и вождь буров в войне против англичан за независимость. Он предложил выделить для животных целые районы и запретить в них какую бы то ни было деятельность человека. 26 марта 1898 года на территории 1800 квадратных миль был создан заповедник Саби (о нем еще пойдет речь ниже). Позднее на его основе образовалось самое большое в Африке убежище для животных — Национальный парк Крюгера площадью 7340 квадратных миль (это составляет третью часть территории Нидерландов).

Фактическим создателем Национального парка Крюгера был полковник Д. Стивенсон-Гамильтон. В 1903 году его назначили уорденом заповедника Саби и в этой должности он оставался до 1946 года.

Последние трагические эпизоды англо-бурской войны, закончившейся в 1902 году, разыгрались на территории заповедника. Спасавшиеся бегством буры пробирались через дебри, питаясь только тем, что им удавалось подстрелить. В Африке не было ни одной войны, которая не стоила бы тяжелых жертв миру животных.

Стивенсон-Гамильтон нашел лишь остатки огромного количества животных, которые еще за несколько лет до войны кормились в пограничной области. В лесу Саби попадались ставшие очень робкими антилопы, единичные буйволы и жирафы, обосновавшиеся в долинах рек Олифантс и Лимпопо.

Стивенсон-Гамильтон и его немногочисленные помощники преодолели неописуемые трудности.

Нужно было полностью закрыть доступ в заповедник для всех видов транспорта и защитить от браконьеров территорию в несколько тысяч квадратных английских миль. Пришлось выплатить компенсацию фермерам, переселить из краалей коренных жителей, заставить ряд горнопромышленных компаний отказаться от земель к северу от реки Олифантс. Прошли десятки лет, прежде чем правительство приняло решительные меры для урегулирования всех споров, связанных с притязаниями на землю в районе парка Крюгера.

За последние десятилетия поголовье дичи значительно возросло. По словам нынешнего хранителя заповедника, в парке Крюгера обитает 1000 слонов. 25 лет назад в парке было не более 600 львов, но с тех пор их стало гораздо больше. Не берусь судить о том, сколько их сейчас. Из посетителей, которые встречались нам в парке, одни видели только слонов, другие — только львов, третьи же не видели ни тех, ни других. К тому же у льва есть двойник — африканский бородавочник. Туристы нередко принимают его за царя зверей, особенно когда видят издалека лежащим в траве.

Посетителям парка не разрешается выходить из машин, а машинам — съезжать с дорог, которые большей частью проложены вдоль водоразделов и требуют на свое содержание значительных средств. В зимний сезон дождей, продолжающийся в этих местах с середины октября до середины мая, заповедник либо вовсе закрыт для посетителей, либо движение по нему резко ограничено. В это время года дороги непроходимы, трава достигает высоты дома, зверей почти не видно.

Летом восемь или девять лагерей, рассчитанных на две тысячи «коек» каждый, переполнены посетителями. Основную массу их составляют любопытствующие туристы, и лишь ничтожную часть — специалисты-зоологи.

По моим наблюдениям, в парке Крюгера слишком много дорог (общая протяженность их составляет около 2 тысяч километров), слишком много людей (почти 100 тысяч посетителей в год), слишком много суеты. Это зло, вероятно, неизбежно до тех пор, пока налогоплательщик, несущий значительные расходы по содержанию

парка, будет иметь право за соответствующую входную плату знакомиться с фауной его страны.

Можно и не разделять мое увлечение пульсом дебрей, которое представляется чересчур «романтичным» более молодым людям. Но при всей радости, какую доставляет заповедник, нельзя не ощущать легкой грусти при мысли о том, что в нем заложен зародыш его гибели. Заповедники создавались для защиты животных от «цивилизации». Но человек не дал зверям возможности существовать без помех с его стороны, под охраной немногочисленных лесничих. Он приходит в заповедник, правда, без ружья, но зато с киноаппаратом. Тот, кто провел несколько дней в парке Крюгера и видел огромное количество посетителей на его автомобильных дорогах, уже не сможет утешаться мыслью, что шоссе — немногочисленные нити, связывающие заповедник с культурным миром, — проходят через огромную безлюдную территорию.

Итак, 25 августа 1956 года мы выехали из экономической столицы Южно-Африканского Союза и на следующий день достигли Скукузы * — покрытого пылью скопища автомашин и людей, хижин и палаток. Лагерь находится на берегу реки Саби, которая не спеша катит свои волны, в месте пересечения нескольких магистралей. По ним можно добраться до расположенных в 30—40 милях отсюда лагерей Преториус-Коп, Малелане, Крокодилов мост, Нижний Саби. Эти дороги немного приподняты над окружающей местностью, так что с них открывается прекрасный вид, и проходят там, где в силу естественных причин собираются животные.

Мы приспособили мерседес для съемок — откинули тент, а поперек передней части машины привинтили доску с укрепленным на ней штативом. Аппарат можно было повертывать и производить съемки во всех направлениях (только не назад).

Приехав в заповедник, мы сразу же отправились искать сюжеты. В нескольких километрах от Скукузы

* Главный лагерь Национального парка Крюгера.

скопление автомобилей заставило нас остановиться. Мы было решили, что произошел несчастный случай, но оказалось, что машины (большей частью американского происхождения) просто ждали, пока две потревоженные в утреннем сне львицы пожелают очистить залитую солнцем проезжую часть дороги. Одна из «цариц», недовольная и даже рассерженная, устремилась наконец в заросли причем, бег ее напоминал движения лыжника-слаломщика.

Дальше мы увидели на одном из перекрестков стаю павианов. Они подстерегали автомобили и, вскочив на подножки и радиаторы, выпрашивали подачки. Большущий самец, усевшийся посреди дороги, преграждал путь широкому лимузину. После некоторого колебания водитель свернул в заросли и выехал на дорогу впереди павиана. Обезьяна, не спеша, поднялась и размеренным шагом — я бы сказал, даже с достоинством — приблизилась к открытому окну машины, протянула лапу и получила дань.

Мне казалось, что будь я ближе, я бы услышал, как павиан произносит: «Шиллинг, пожалуйста».

— Да это цирк, а не дебри, — заметила племянница.

Из подобных безобидных встреч со зверями не следует заключать, что парк Крюгера отличается от современного зоологического сада в Европе только размерами. В заповедниках нет ни заборов, ни решеток, ни рвов с водой, отделяющих людей от животных. Посетители находятся на малюсеньких островках, затерянных в дебрях, которые являются раем для животного, но отнюдь не для человека. За пределами лагерей в заповеднике могли бы жить только люди, умеющие передвигаться в зарослях так, как полстолетия назад умели мы — «старики». В стороне от дорог есть участки площадью несколько десятков километров, куда до сих пор не ступала нога европейца. Но и следы африканцев, даже в изученных районах, встречаются довольно редко. Невольно испытываешь странное чувство, когда в этих безграничных дебрях приближаешься ко львам, лежащим на краю дороги.

Обычно лев отправляется на охоту ночью, рано утром или перед вечером. Если облюбованная им дичь не так велика или опасна, как жирафа или буйвол, лев

старается подогнать ее к лежащей вдалеке самке; львица убивает животное, после чего супруги вместе пожирают добычу. Нам говорили, что в парке Крюгера хищники нередко подкрадываются к своим жертвам под прикрытием едущих автомашин. Я сначала не верил этим рассказам, но убедился, что был неправ.

Как-то мы увидели на обочине шоссе трех лежащих львов. Кинооператор полез наверх, чтобы подготовить камеру к съемке. Это движение, очевидно, не понравилось одной из львиц. Она с ворчанием вскочила, кинооператор же исчез в машине с быстротой молнии. На мой взгляд, львица не должна была рисковать прыгать на автомобиль с такого расстояния, но было ли и ей известно об этом?

Выжидая, пока львица успокоится, мы заметили стадо чернопятых антилоп, которое собственно и привлекло внимание хищников. Один из них поднялся и медленно направился к берегу Саби, чтобы отрезать антилопам путь к отступлению. Тем временем появился четвертый лев. Он бежал позади нас и гнал стадо в сторону родичей.

После этого все произошло с молниеносной быстротой — так быстро, что мы не успели заснять эту сцену. Львица прыгнула, антилопа мелькнула в воздухе, с удивительной ловкостью сделала сальто, опустилась на землю за следовавшей позади нас машиной и была спасена.

Позднее мы заметили в реке небольшое стадо слонов и решили заснять их во время купания. Расстояние было велико, съезжать с дороги нам запрещалось, а потому мы рискнули произвести съемку при помощи телеобъектива, предоставленного в наше распоряжение заводом Цейс в Иене. Крокодил, гревшийся на солнце, также «пал жертвой» кинокамеры.

И все же я не был вполне удовлетворен. Мне хотелось увидеть стада, которые в 1931 году я встречал всякий раз, как только выезжал за пределы лагеря. В то время заповедник изобиловал водяными козлами и гну, а в семнадцати разновидностях антилоп, обитавших в парке Крюгера, нелегко было разобраться даже опытному охотнику. В 1956 году я встречал гораздо меньше животных.

Как ни велико мое уважение к усилиям сотрудников парка, которые безусловно занимаются охраной зверей не менее самоотверженно, чем пионеры заповедника, я все же считаю, что продиктованное интересами казны решение открыть Национальный парк Крюгера туристам привело к тому, что для людей делается слишком много, а для зверей — слишком мало. Побывав позднее в других заповедниках, я убедился, что это не всюду так.

Прощаясь в Скукузе с мистером Стейном — преемником Стивенсон-Гамильтона, я высказал ему свое, быть может и несправедливое, мнение.

— Что же я должен, по-вашему, сделать? — спросил он.

— Закажите с десяток больших шестиосных машин, погрузите на них зверей и выезжайте на прогулку, чтобы животные могли полюбоваться туристами.

Не стану повторять, что ответил на мою шутку мистер Стейн: мы с ним привыкли говорить в открытую, ибо я знал этого достойного человека, еще когда он был лесничим в Нижнем Саби. Больше всего забот причиняли хранителю Национального парка Крюгера не звери, а люди, так сказать «публика».

Возвращаясь в лагерь, мы заметили на том самом месте, где утром засняли купающихся слонов, двух могучих самцов, вышедших из реки на дорогу. Они направились прямо к стоявшему на обочине синему лимузину. В машине сидела женщина с тремя детьми, и все они рассматривали животных, казавшихся безобидными.

У меня захватило дух, ибо я вспомнил десятки случаев того периода, когда охотился на слонов. Ни одно животное не убивает на своем веку столько людей, сколько это толстокожее. Подойдя к машине на расстояние 2—3 метров, слоны свернули в сторону, даже не взглянув на любопытных людей. Но могло ведь случиться, что раскачивавшийся из стороны в сторону хобот одного из них коснулся бы горячего радиатора и его обладатель, придя в бешенство, набросился бы на машину и людей!

Не зря вывешенные в заповеднике объявления и щиты на дорогах предупреждают посетителей, чтобы они ехали осторожно, соблюдали установленную скорость и особенно остерегались слонов. Эти импозантные живот-

ные нередко ведут себя как хозяева дороги. Не знаю уж, сколько раз мне приходилось видеть, как автомашины терпеливо ехали за слоном, направляющимся куда-то по одной с ними дороге. Слишком часто посетители досаждают животным, необдуманно или даже преднамеренно раздражая их. Туристы обращаются с самцами африканской породы слонов так, словно имеют дело с дрессированными индийскими толстокожими из цирка. Мне рассказывали, что некие молодые люди возили в своей машине запас камней, чтобы будить ими спящих львов.

●

На следующий день после прибытия в заповедник мы покинули Скукузу и направились в Сатару — сердце парка Крюгера.

В Сатаре нам сначала не повезло. Погода стояла холодная, туманная, каждую минуту грозил начаться дождь. В такие дни звери предпочитают оставаться в глубине зарослей.

Но на следующее утро выглянуло солнце. Стада животных пересекали наш путь, бегемоты лениво валялись на песке, по их спинам прыгали маленькие волоклюи.

Кадры, заснятые нами в тот день, опровергают недавнее утверждение одного известного швейцарского зоолога, что бегемоты выходят на сушу только ночью, когда им не грозит опасность. На основании опыта, приобретенного в свое время в девственных лесах и подтвержденного затем в заповедниках, я могу утверждать, что в солнечные дни бегемоты вылезают из болот и рек. Зато я никогда не замечал, чтобы они выходили на берег во время дождя.

●

Меня влекла к себе Летаба.

Еще в 1931 году это был примитивный малопосещаемый лагерь. В настоящее время Летаба в состоянии по крайней мере 400 посетителям предоставить жилье в соответствии с их вкусами и возможностями. Лагерь

расположен на косе, отходящей от южного берега реки Большая Летаба. Ее широкое песчаное русло с узкой полосой воды в нем и заросшие камышом берега напомнили мне Умфолози в стране зулусов. Достаточно несколько минут не двигаться, чтобы увидеть водяных козлов и гну, которые пришли на водопой. После полудня в реке имеют обыкновение купаться слоны, а неподалеку от лагеря есть болото, где почти наверняка можно увидеть бегемотов и крокодилов. Львы и леопарды появляются преимущественно по ночам.

В конце дня к изгороди, защищающей лагерь, более или менее регулярно подходил одинокий слон и с интересом наблюдал за людьми, живущими за решеткой. Это не единственный случай в парке имени Крюгера, который заставил меня подумать о том, что здесь, пожалуй, отношения между человеком и животным прямо противоположны тем, что существуют в зоологических садах.

Недалеко от Летабы находятся горы Лебомбо. На одной из их вершин обнаружены бесспорные следы каннибализма. Они, правда, относятся к весьма древней эпохе, но все же объясняют суеверный ужас, с которым коренные жители и поныне относятся к Лебомбо. Кроме того, эти свидетельства прошлого проливают свет на происхождение жутких легенд, передаваемых африканцами из поколения в поколение.

Дороги, ведущие из Летабы на юг и на север, а также к расположенным восточнее воротам лагеря Малопене, изобилуют щитами с надписями: «Ездить осторожно — слоны!» Из-за неровного рельефа местности дороги эти извилисты, и нередко случается, что перед взором водителя из-за поворота внезапно возникают толстокожие. Не припомню, чтобы где-либо в Африке мне доводилось видеть столько слонов.

Однажды мы повстречали толстокожего, пасшегося неподалеку от дороги. Я остановил машину, чтобы понаблюдать за ним. В это время появились два других животных — помоложе и поменьше ростом. Одно из них неторопливо пересекло дорогу в нескольких метрах от нас, приблизилось к старшему родичу, опустило голову и обмотало свой хобот вокруг хобота старого самца, после чего оба стали медленно раскачиваться из стороны в сторону.

Затем старый слон снова стал пастись, а младший медленно удалился. Тогда с другой стороны машины подошло третье животное, и эпизод, свидетелями которого мы только что были, повторился.

«Разве слоны здороваются?» — эта мысль пришла в голову всем присутствующим. Но я знаю, что мы, люди, склонны приписывать животным собственные привычки, тогда как мне достаточно часто приходилось наблюдать в дебрях игру случайностей.

Случайность?

Может быть и так. Но разве не удивительно, что несколько недель спустя мы такую же сцену видели в заповеднике Ванкие в Родезии?

Два крупных, но еще молодых животных стояли у болота и пили. Из леса вышел старый самец и приблизился к ним. Один слон прервал свое занятие, направился к вновь прибывшему, склонился перед ним и обмотал свой хобот вокруг хобота «старика». «Обхоботившись» таким образом (выражение «обнявшись» * даже в переносном смысле не подходит к четвероногим), оба колосса стали раскачиваться из стороны в сторону, обнюхивая друг друга хоботами. Эти кадры можно видеть в нашем фильме.

Если я добавлю, что несколько минут спустя второй молодой слон обошелся со старым совершенно так же, как его брат, станут говорить, что Шомбурк потчует читателей охотничьими рассказами.

Что поделаешь?

Слон поступил именно так.

ПО СЛЕДАМ ЛИВИНГСТОНА

Последнюю ночь на земле Южной Африки мы провели в Мессине — центре добычи меди в Трансваале. Утром 8 сентября 1956 года — несмотря на ранний час было уже очень жарко — мы у Бейтбриджа проехали по широкому мосту через Лимпопо и оказались в Южной Родезии.

* Здесь непереводимая игра слов. Немецкое «Umarmung» (объятие) происходит от слова «Arm» (рука).

Машину пришлось вести по двум узким цементным колеям, проложенным по дороге. Стоило колесам сойти с них, как автомобиль начинало заносить. Бесконечное балансирование очень утомляло нас. Скучное это было путешествие!

При встрече двух автомашин водителям приходилось съезжать на обочину по крайней мере на полширины кузова. При этом поднималось такое же облако пыли, как и на тех участках, где цемент прерывался и несколько километров приходилось ехать по насыпной дороге.

Солнце жгло нещадно, кругом не было ни одного тенистого дерева, только засохшие кусты. Наконец мы обнаружили зонтичную акацию и под ее ветвями съели свой завтрак.

Под вечер мы достигли Булавайо. Этот город был основан зулусскими импи * во главе с Моселекатсе **, отделившимися от Чаки. Здесь и поныне стоит дерево, под которым творил суд вождь матабеле.

Широкие улицы распланированного по-современному города почти не напоминают того Булавайо, в котором я побывал в 1904 году. Напрасно искал я бар, на вывеске которого некогда прочел: «Не стреляйте в артистов, они лучше не могут».

В то время жители города с большой легкостью вытаскивали револьверы из-за поясов; за несколько лет до моего приезда почти никто не оборачивался, когда в питейном заведении раздавался выстрел. Отчаянных ребят было много. Ведь уже строилась железная дорога из Бейтбриджа в Булавайо, поблизости от нее находились золотые прииски, а рядом разрабатывался каменный уголь. Распространен был такой обычай: в бар неторопливо входил рудокоп и выстрелом сбивал со стойки пустую бутылку, давая этим знать, что́ именно он желает выпить за не совсем скромную сумму 5 фунтов стерлингов.

На следующий день после утомительной поездки по пыльной дороге мы добрались до Ванкие. В этом заповеднике очень много зверей. Из снятого нами фильма

---

* Отряд воинов или войско (зулусск.).

** Один из вождей зулусов. Под его руководством часть зулусов в 20—30-х годах XIX века переселилась в нынешнюю Южную Родезию; ныне известна под названием матабеле.

можно убедиться, что стада буйволов, насчитывающие до 500 голов, здесь не редкость, а слоны встречаются так часто, что превратились в бич автомобилистов.

Однажды утром перед нами на середине дороги показался слоненок высотой около метра. Он орал во всю мочь: возможно, потерял мать. Племянница пришла в восторг от четвероногого крикуна, она нашла его «милым и прелестным», но я был иного мнения.

Знаю по опыту, сколь опасны могут быть матери-слонихи, когда им кажется, что их потомство в опасности. Не случайно посетителям районов, где водятся слоны, строжайше запрещено останавливаться около слоних со слонятами, а тем более фотографировать их.

Моим спутникам очень не понравилось, что я не разрешил задерживаться, а велел ехать дальше, да к тому же как можно быстрее. Однако это было легче сказать, чем сделать. Толстокожий крикун все время вертелся перед машиной и даже коснулся радиатора мерседеса. Он, очевидно, показался ему чересчур теплым, ибо малыш заорал пуще прежнего. Моя тревога вызывала у спутников только насмешки, но я был согласен прослыть трусом, лишь бы мы уехали до появления слонихи. Наконец нам удалось отвязаться от слоненка.

Когда мы вернулись в лагерь, я рассказал о происшествии хранителю и испытал известное удовлетворение от того, что он не только понял меня, но и поблагодарил за информацию. Посланный им молодой лесничий помог детенышу разыскать стадо и, возможно, спас его от когтей льва. Ведь царь зверей тоже слышал крик беспомощного слоненка и, вероятно, не упустил бы такую добычу.

Ранним утром следующего дня мы покинули лагерь и снова отправились на «охоту». Всего в нескольких стах метрах от места, где стояла наша палатка, мы встретили слониху с бэби.

— Они пришли к тебе с визитом благодарности, дядя Ганс, — пошутила племянница.

— Поторопились, — отвечал я, — для съемки еще недостаточно светло.

Слониха вела себя очень беспокойно. У нее, казалось, были скорее дурные, чем добрые намерения, но мы проехали беспрепятственно.

«Здесь пар издает шум» — так назвали коренные жители водопад на Замбези, грохот которго разносится на много миль вокруг.

Не заезжая в роскошную гостиницу, мы сняли в лагере одну из круглых хижин, которые успели полюбить. Подобно тому как шум прибоя зовет на пляж, нас манил к себе рев водопада. Вскоре мы уже стояли на берегу реки, а потом на мосту и молча любовались великолепным зрелищем, созданным водой и скалами.

Сначала Замбези спокойно несет свои воды, обходя зеленые островки, и лишь иногда подпрыгивает на небольших порогах. Вдруг она исчезает из поля зрения, низвергается в глубину и там, словно силой волшебства, создает из отлетающих брызг стены и радуги. Затем, образуя водовороты и омуты, река повертывает в противоположном прежнему направлении, снова низвергается каскадами, все глубже вгрызается в скалу и опять делает поворот.

Первооткрывателем порогов на Замбези считается Давид Ливингстон, хотя есть некоторые основания сомневаться в том, что шотландский путешественник был первым европейцем, побывавшим здесь. Ливингстон, давший водопаду название «Виктория», так описал грандиозную картину, представившуюся его взору 16 ноября 1855 года.

«Об этом водопаде мы много раз слышали со времени своего приезда в эту страну. Одним из вопросов, которые задал мне Себитуане *, был следующий: „Есть ли в вашей стране пары, которые производят шум?“ Туземцы не подходят к водопаду близко и не исследуют его, они смотрят на него издали с каким-то благоговейным ужасом. Относительно поднимающегося от него пара они говорят: „Моси оа тунья!“ (здесь пар издает шум)... После двенадцатиминутного пути от Калаи по воде перед нашими взорами предстало зрелище огромных столбов пара, поднимающихся вверх на расстоянии 5 или 6 миль (9—11 *км*) от нас. Пар поднимался пятью столбами и, отклоняясь в направлении ветра, имел такой

* Имя вождя африканцев, живших в этом районе.

вид, как будто бы эти столбы касались низкого обрыва, покрытого лесом. На таком расстоянии нам казалось, что вверху столбы смешиваются с облаками. Внизу они были белыми, а выше становились темными, как дым. Вся эта картина была чрезвычайно красива.

Берега и острова, которыми была усеяна река, украшены лесной растительностью всевозможных форм и красок... В этой картине недостает только на заднем плане гор...

Когда мы были приблизительно в полумиле расстояния от водопада, я пересел в другой, более легкий, челнок с людьми, хорошо знавшими быстрины. Эти гребцы, проведя челнок в среднюю часть потока среди водоворотов, образованных множеством выступавших камней, доставили меня на остров, расположенный в самой середине реки, и привели на край выступа, поверх которого переливалась вода. При высокой воде нам угрожала бы опасность быть унесенными вниз бурным течением реки около самых берегов острова; но теперь уровень воды в реке был низким, и мы проплыли там без особых затруднений. Несмотря на то что водопад был очень близко, мы не могли определить, куда идет эта огромная масса воды; казалось, что она уходит в землю, так как противоположный выступ трещины, у которого исчезала вода, находился всего только в 80 футах (около 27 *м*) от нас. По крайней мере, я не мог понять этого до тех пор, пока не подполз со страхом к самому краю и не взглянул вниз в огромную расселину, которая тянулась от одного до другого берега во всю ширину Замбези, и пока не увидел, что поток воды в 1000 ярдов (более 900 *м*) шириной, низвергаясь на 100 футов (30 *м*) вниз, сразу оказывался зажатым в узком пространстве в 15 или 20 ярдов (13—18 *м*).

Весь водопад является просто щелью, образовавшейся от правого до левого берега Замбези в твердой базальтовой породе и продолжающейся от левого берега на протяжении 30 или 40 миль между возвышенностями.

Глядя в глубь расселины, направо от острова, я не видел ничего, кроме густого белого облака, на котором в это время были две яркие радуги. Из этого облака вырывалась огромная струя пара, поднимаясь вверх на

200 или 300 футов (60—90 *м*); сгущаясь наверху, пар изменял свой цвет, становясь темным, как дым, и шел назад градом мелких брызг, которые скоро не оставили на нас сухой нитки. Этот ливень падает главным образом на противоположной стороне расселины; в нескольких ярдах от края обрыва там стоят стеной вечнозеленые деревья, листья которых всегда мокрые. От корней этих деревьев бежит обратно в расселину множество ручьев. Но когда они стекают по крутой стене обрыва, то столб пара, устремляясь вверх, начисто смывает эти ручьи со скалы и снова уносит их вверх. Таким образом, ручьи постоянно бегут вниз, но никогда не достигают дна.

Налево от острова мы видим на дне воду; она кажется белой катящейся массой, убегающей дальше в расселину, за левый берег реки. С левой стороны от острова отвалилась глыба камня; внизу она выступает над водой; по ней я заключил, что вода падает вниз приблизительно на 100 футов (30 *м*).

В трех местах поблизости от водопада, в частности, на острове посереди потока, три вождя племени батока, обратясь лицами к сверкающей радуге, молились под шум водопада божеству и приносили ему жертвы. Возможно, что именно двойная радуга (обычно они видели ее только на небе) навела их на мысль, что здесь находится обитель божества» *.

●

Потрясающее чудо природы и места, связанные с трагической судьбой Ливингстона, очень взволновали меня. Следующей ночью я много часов провел без сна, прислушиваясь к реву водяных масс и вспоминая прошлое.

---

* Перевод дается по книге: Давид Ливингстон, *Путешествия и исследования в Южной Африке*, сокращенный перевод с английского Н. М. Пульхритудова, М., 1955, стр. 315—317. Последний абзац в русском переводе отсутствует.

Шомбурк сделал к этой цитате следующее примечание: «Измеренная впоследствии высота водопада Виктория (Замбези) составляет 110 метров. Самый большой водопад Африки — Каламбо в Северной Родезии (420 метров)».

В 1904 году мне впервые за шесть с половиной лет пребывания в Африке представилась возможность принять участие в научной экспедиции. Дело в том, что потребовалась более точная демаркация границы между Северо-Западной Родезией * и государством Конго **. Она должна была проходить по водоразделу рек Конго и Замбези. Кроме того, необходимо было найти истоки реки Кабомпо. Возглавлял экспедицию начальник округа Касемпа Маколей. В состав ее входило около 100 носильщиков и 30 аскари ***.

В пути через неведомые дебри на нас обрушились тропические ливни. Наш караван с трудом пробирался по сырой траве через болота и преодолевал каменистые обрывы вдоль реки Кабомпо.

Мы шли через область племени бокаонде, которое оказывало сопротивление попыткам европейцев проникнуть в их страну, а потому нам приходилось принимать все меры предосторожности. В течение первых трех недель мы вели с местными вождями переговоры, но лишь изредка нам удавалось достигнуть с ними соглашения, и тогда коренные жители уходили за реку Кабомпо.

Из-за погоды состояние у всех было подавленное. Каждую ночь исчезало несколько носильщиков. Им не доставляло удовольствия тащиться под дождем и спать на сырой земле в наспех построенных шалашах, подле едва тлевших костров.

Не прекращавшийся ни на минуту дождь раздражал также меня и окружного начальника Маколея. У нас не осталось ничего сухого. Палатки, которые приходилось свертывать мокрыми, стали пропускать воду. Не хватало сухих дров, одеяла отсырели, одежду мы надевали влажной, а через несколько минут она промокала насквозь.

Трава на лугах и в долинах рек достигала высоты нескольких метров, дичь ушла в глубину лесов, охотить-

---

* Названия Северо-Западная, Северо-Восточная и Южная Родезия относятся к периоду до раздела этой страны на Северную и Южную.

** В то время области Центральной Африки, захваченные бельгийцами, именовались «Свободным государством Конго».

*** Полицейские войска из коренного населения.

ся становилось все труднее. Уже не удавалось добывать мясо в количестве, необходимом, чтобы поддерживать силы и бодрость духа носильщиков.

Экспедиция продвигалась вперед очень медленно, люди и природа ставили перед нами всё новые препятствия. Продовольствия не хватало. Мы предполагали пополнять запасы в пути, но, завидев нас, население уходило, а в покинутых деревнях мы ничего не брали, чтобы местные жители прониклись доверием к белым.

Приближалось рождество, но настроение было не праздничное. Носильщики ворчали, того и гляди они могли сказать неповиновение. К тому же тропинка, по которой мы шли, отклонилась от берега и затерялась в холмистой местности, а нам, чтобы выполнить задание, нельзя было упускать реку из виду. Пришлось прокладывать себе путь через высокую траву.

Ночь на 23 декабря мы провели в лесу под сильным дождем. Все грузы, без которых можно было обойтись, Маколей еще несколько дней назад оставил под охраной надежных солдат. Когда настало время двигаться дальше, носильщики отказались идти.

Маколей был опытным «африканцем». Он знал, что силой ничего не добьешься. Оставалось прибегнуть к помощи доброго слова и меткой шутки. В качестве мишени он избрал неприглядный вид участников экспедиции — вокруг были угрюмые лица, с людей ручьями текла вода. Остроты вызвали общий смех.

Тем самым игра была наполовину выиграна. Африканцы по-детски простодушны и проникаются доверием к тем, кто не теряет присутствия духа и умеет их рассмешить. Носильщики согласились еще один день сопровождать нас. Но что будет потом?

С тяжелым сердцем двинулись мы в путь в это хмурое, холодное и дождливое утро. По обыкновению Маколей шел в авангарде, я же замыкал шествие. Вдруг караван остановился. Я поспешил вперед. Лес стал редеть, перед нами расстилались убранные поля. На склоне пологого холма виднелась укрепленная деревня. Над хижинами клубился дым, которому дождь и сырой утренний туман мешали подняться кверху. Нас никто не заметил. В бинокли мы разглядели женщин — они спокойно шли за водой.

Нужно было попытаться вступить в переговоры, так как нам необходимо было пополнить запасы продовольствия. Вскоре завязалась оживленная меновая торговля. Горшки солдат и носильщиков наполнились всем, что может радовать желудок африканца.

Мы попытались выяснить, где находятся истоки реки, вверх по течению которой уже несколько недель шла экспедиция. «Не очень далеко отсюда», — заявил вождь.

На следующее утро несколько жителей деревни согласились проводить нас. И вот часа через три открылось обширное, почти голое плато, в середине которого росла группа деревьев, обвитых лианами. Отсюда, весело прыгая по камням, вытекает источник, образующий реку Кабомпо, которая с востока впадает в Замбези.

Само собой разумеется, что сочельник мы решили провести у источника, открытием которого завоевали себе, пусть весьма скромное, местечко в истории исследования африканского материка. На этот случай были припасены бутылка шампанского и две бутылки портвейна. Источник Кабомпо послужил для охлаждения драгоценных напитков: по африканским понятиям, вода в нем была ледяной. Рождественскую трапезу достойно увенчал собственноручно приготовленный Маколеем настоящий английский пудинг, о котором я потом с грустью вспоминал не один раз.

Нашлось и деревце, напоминавшее, по крайней мере издалека, немецкую рождественскую елку. Я пожертвовал три свечи из фонаря, освещавшего мою палатку, разрезал их на кусочки и прикрепил к «елке».

И вот наступил сочельник. Дождь прекратился, так что мы смогли на воздухе накрыть праздничный стол, который украсили тропическими цветами. Слуги в белых рубашках вооружились белыми салфетками. Мы в честь двойного торжества тоже надели белые парадные костюмы, хотя они были влажными и мятыми.

После трапезы зажгли свечи на «елке». Солдаты и носильщики собрались вокруг, чтобы подивиться на фетиш белого человека. Весело прыгал по камням источник Кабомпо, неся к Замбези свои воды, которые достигают Индийского океана, минуя бесчисленные пороги и водопад Виктория.

В январе или феврале 1905 года, после моего возвращения в Касемпу из экспедиции к истокам Кабомпо, прибыл наконец багаж, оставленный у водопада Виктория. К достижениям цивилизации, с которыми я хотел познакомить жителей этой части Африки, относился граммофон. Надо было подобающим образом организовать его демонстрацию.

Как принято в Африке, населенный пункт назывался по имени жившего в нем вождя. Я пригласил на концерт старого Касемпу с его чадами и домочадцами. Он явился в сопровождении советников, жен, детей и вел себя с несколько простодушным достоинством, присущим африканским властителям. Все расселись, полные любопытства, вокруг граммофона, поставленного на стол.

Раздались первые звуки. Женщины и дети вскочили с мест и бросились бежать. Храбрые воины бакаонде даже посерели от страха (побледнеть они не могут из-за темного цвета кожи)... Вскоре, видя, что ничего страшного не произошло; женщины и дети вернулись. Я, как мог, старался успокоить гостей и предложил вождю подойти со мной к самому аппарату и осмотреть европейское чудо. Хорошенько ощупав граммофон, вождь заглянул в трубу и был очень разочарован тем, что не увидел маленьких человечков, которые пели внутри нее.

Граммофон привлекал внимание только тех африканцев, которые видели его впервые. Познакомившиеся с ним однажды, правда, прислушивались к музыке, но не выражали удивления — они были убеждены, что это одно из проявлений колдовства, которым владеют белые пришельцы.

Жителям Касемпы не давали покоя леопарды. Не проходило дня, чтобы они не задрали несколько кур или овец. Холмистая местность, поросшая густым лесом, мешала настигнуть хищников.

Перед нашим домом находилась довольно большая площадь, окруженная бамбуковой изгородью. Как-то вечером мы — трое или четверо европейцев — сидели на веранде. Одна из моих собак растянулась почти у самых наших ног. Мы беседовали, на веранде то и дело появлялись слуги, как вдруг на нас с рычанием рванулось что-то

желтое. Прежде чем мы сообразили, что произошло, леопард исчез, унося с собой собаку.

В Касемпе я оставался недолго. Мне пришлось перебраться в Мумбву, расположенную всего в 10 километрах от Нинги, где находился медный рудник. Там работала целая группа инженеров и техников — европейцев. Я с ними все время поддерживал связь, так как в этом районе не было мухи цеце и можно было пользоваться лошадьми.

Я особенно сблизился с горным инженером Брекеном. Он уже давно жил в Африке и стал известным охотником на крупную дичь. На его счету было много львов, леопардов и других хищников, но ни одного слона. Брекен поручил моим заботам львенка, и он вырос у меня вместе с маленьким фокстерьером.

Оба «младенца» быстро подружились и не отступали от меня ни на шаг. Терьер спал на моей постели, а на полу я соорудил ложе для льва. Последний, однако, оставался на своем месте лишь пока горела лампа, и пес ревниво следил за тем, чтобы его права не нарушались. Как только я гасил свет, лев неторопливо подползал к моей постели и залезал в нее. Мне это особого удовольствия не доставляло, ибо раскладные кровати, какими пользуются в дебрях, не очень широкие. Пришлось соорудить себе настоящую «бурскую кровать». Делается она так: в землю вбиваются четыре стойки с поперечными рейками, а между ними продевают ремни из еще сырой шкуры антилопы, которые, высохнув, становятся столь же эластичными, как лучшие пружинные матрацы.

Лев рос гораздо быстрее собаки. Однако маленький терьер оставался хозяином дома. Крупный и сильный зверь безропотно следовал за песиком и принимал участие во всех его затеях. Впоследствии мне все же пришлось расстаться со львом. Завидев постороннего, он непременно избирал его объектом для игры. Правда, он никому не причинял вреда, но опрокидывал человека на землю и рычал, а если тот пытался встать, угрожающе поднимал лапу. Когда-нибудь это могло кончиться плохо, не говоря уже о страхе, который переживали люди, не знавшие особенностей характера моего домашнего льва. Впоследствии он украсил собой зоопарк в Форт-Джемсоне — главном городе Северо-Восточной Родезии.

Брекен, который подарил мне льва, умер смертью, необычной даже для охотников на крупную дичь. Опытный немврод выследил леопарда и пошел по его следу, отпечатавшемуся на высохшем русле ручья. Раненый леопард сделал крюк и неожиданно прыгнул с берега на охотника, свалил его на землю и стал яростно рвать. Брекен пытался вытащить из-за пояса охотничий нож, но это ему не удалось. Каждое движение жертвы вызывало новые удары лапой и новые укусы.

Африканец, несший ружье Брекена, спасся бегством. Когда же он отважился вернуться на место происшествия, леопард уже сдох. Моего друга доставили в лагерь, а оттуда — в больницу медного рудника, но спасти его не удалось.

Незадолго до смерти Брекен заметил, что не считает несправедливостью, если он, отправивший на охотничьи угодья вечности столько леопардов и другой крупной дичи, сам погибнет от когтей хищного зверя. Точка зрения, весьма характерная для склада ума этого пионера дебрей.

В Каломо я познакомился с английским капитаном, по фамилии Хемминг, который, подобно мне, носился с планами организации экспедиции. Мы подружились и при всяком удобном случае говорили о своих намерениях.

Однажды я повстречал Хемминга.

— Собирайся, и пошли в Тимбукту! — сказал он.

— Тимбукту?

Как мираж в пустыне, возник перед моими глазами Тимбукту, торговый центр на южной окраине Сахары, — вековая тайна Африки, раскрытие которой стоило жизни многим смелым путешественникам. Мне, разумеется, были известны описания Барта и Ленца.

Я не стал долго раздумывать.

— Ладно, согласен. Пошли в Тимбукту!

У меня был уже немалый опыт, я много видел и не раз составлял карту местности. Не будет чрезмерной смелостью с моей стороны утверждать, что я знал людей и животных, привык к особенностям природы и климата Африки. Случалось мне участвовать в экспедициях. Что еще нужно было, для того чтобы при известном везении отважиться на большое предприятие?

Еще нужны были деньги. Нашей наличности хватило на покупку снаряжения; кроме того, мы отложили, как это обычно делалось, трехмесячное жалованье носильщикам, повару и слугам. Несколько счетов остались все же неоплаченными. Это, однако, не повлияло на нашу решимость.

Правда, от экспедиции в Тимбукту мы все же отказались, и я так никогда и не увидел этот большой город в глубине Африки. Слишком далеко находился Нигер *. Ближе и заманчивее была область, где берет начало Замбези, — страна балунда. Она имеет форму, напоминающую квадрат, и тянется от Анголы на восток до границ государства Конго и Северо-Западной Родезии. В этой части Африки до нас еще не бывал ни один путешественник.

11 мая 1906 года мы выступили из Каломо. Город этот вскоре пришел в упадок, так как центром Северо-Западной Родезии стал Ливингстон у водопада Виктория.

●

На следующее утро — я имею в виду 19 сентября 1956 года — стоял палящий зной. Мы ехали в северо-западном направлении, противоположном течению Кафуэ. Шум водопада Виктория затих вдалеке. Горячий ветер вызывал жажду, приходилось снова и снова прикладываться к бутылкам с водой. Местность была однотонной и иссушенной.

— Расскажи что-нибудь, дядя, я устала в такую жару балансировать на этих колеях, — подстрекала меня племянница.

И я начал рассказ...

ПО АФРИКЕ (1906—1909)

Несколько аскари, служивших в Мумбве, сопровождали меня и Хемминга на том участке экспедиционного

* Тимбукту стоит близ реки Нигер.

маршрута, который вел через страну машукулумбве * — африканского племени, из которого происходили эти солдаты.

Область, через которую я уже проходил однажды по пути в Касемпу, не занимаясь, однако, ее исследованием, отличалась обилием скота. Густая трава на лугах обеспечивала кормом бесчисленные стада коров. В то время в этом краю не было мухи цеце, да и коровья чума, как видно, не причинила здесь большого вреда. Возможно, что именно богатством страны, где поистине текли молочные реки в кисельных берегах, объяснялась леность населения, привыкшего к легкой жизни. Во всяком случае племя машукулумбве слыло самым бездеятельным в Африке. Воины, наводившие прежде страх и успешно сопротивлявшиеся народу баротсе, впоследствии сделались его данниками. В дальнейшем после нескольких мелких стычек машукулумбве подчинились колониальному господству англичан.

В то время машукулумбве ходили совсем нагие, подобно кабуре и лоссо на севере Того. Мужчины всех других племен, с которыми я познакомился в глубине Африки, носили хотя бы набедренную повязку.

В Северо-Западной Родезии существовал обычай — у детей, достигших десятилетнего возраста, удалять резцы верхней челюсти. Мне не раз приходилось присутствовать при этой церемонии. Сидевшим на земле девочкам и мальчикам, которых дюжие мужчины держали за плечи, вставляли в рот кляп, за зубы вкладывали камень, а другим камнем один за другим выбивали зубы. Мне рассказывали, что столь своеобразный обычай был порожден стремлением не походить на племена людоедов, которые, наоборот, затачивали резцы. Из-за отсутствия передних зубов у машукулумбве западали верхние губы.

Мужчины этого племени делали себе прически, достигавшие порой свыше метра в высоту. Разумеется, носить такое сооружение на голове можно было только в степи, но не в саванне и уж, конечно, не в девственном лесу. «Строить» такую башню начинали в юности. Собственных волос, которые связывали на макушке, не хва-

* Народ ба-ила.

тало, приходилось добавлять волосы женщин (они в тех краях ходят или, вернее, ходили с гладко выбритыми головами) и убитых врагов. Деревенский парикмахер трудился несколько дней, чтобы при помощи глинообразной массы создать такую искусную прическу. Мне говорили, что стоимость ее равнялась стоимости быка.

Понятно, что сложную постройку из волос старались сохранить как можно дольше, так что сон становился для мужчин машукулумбве серьезной проблемой. Они привязывали верхушку парика к поперечной рейке, положенной в головах ложа на две вилообразные деревяшки. Спящий мог ворочаться, не опасаясь, что прическа развалится.

Казалось бы, сооружения из волос должны были изобиловать паразитами. Но как ни странно, у машукулумбве это было не так.

Иное дело прически людей соседнего племени батока, которые обильно смазывали волосы жиром и покрывали глиной. Этот весьма редко обновляемый состав обладал необыкновенной притягательной силой для вшей. В огромных прическах батока они чувствовали себя так же вольготно, как в панцирях черепах и разноцветных жуков, в рогах маленьких антилоп, между когтями хищных зверей и птиц или в их оперении. Но батока нашли и поселили в своих прическах непримиримого врага этих малосимпатичных насекомых — гигантского долгоносика. Чтобы этот охотник за вшами не сбежал и верно служил хозяину, ему отрывали нижние членики ног.

Под натиском цивилизации давно исчезли прически машукулумбве и батока. Причиной тому — неумолимость финансового ведомства. Каждый подданный колониальной державы должен платить налоги. Чтобы вносить их, ему приходится работать. Но это невозможно с париком в метр высотой, который угрожает развалиться при каждом движении.

В области балунда нас встретили неприветливо. Местность здесь лесистая, районы, расположенные высоко над уровнем моря, представляют собой настоящие джунгли. В краю с такой густой растительностью особенно неприятно чувствовать, что за тобой все время следят.

Балунда, жившие в этих широтах, еще никогда не имели дела с европейцами. Даже торговые караваны португальских мулатов не переходили границ этой области. В таких условиях было весьма рискованно путешествовать по стране без хорошего вооружения. Мы же взяли с собой, помимо охотничьих, только два или три старых ружья, заряжавшихся с дула. И все же я уверен, что именно поэтому нам удалось проникнуть в глубь страны и пробыть там длительное время, не подвергая себя большой опасности. Разумеется, за нами с самого начала следили. Но мы спокойно шли своей дорогой без охраны, не бряцая оружием, и в конце концов нас оставили в покое.

Первого вождя балунда, с которым нам удалось подружиться, звали Шевулой. Поблизости от его деревни мы разбили лагерь, чтобы дать отдых натруженным ногам. Но тут к нам явились послы другого вождя балунда — Чибавы.

— Мы знаем, что вы пришли из большой воды и родились не от женщин, — провозгласили послы. — Это вы принесли в нашу страну ружья. Мы пытались убить вас из них, но убедились, что это невозможно, ибо вы в состоянии заколдовать ружья. Зато мы можем заколдовать стрелы. И при их помощи победим вас.

Как ни любезно было изложено это послание, оно не доставило нам удовольствия. Мы богато одарили людей Чибавы и отослали их с наилучшими пожеланиями великому вождю. Я уже знал, что подобные угрозы не приводятся в исполнение, если сделать вид, что не принимаешь их всерьез. Стоит ли упоминать, что мы с Хемингом все же чувствовали себя неважно, хотя отметили первый успех: посланцы вождя балунда покинули наш лагерь в большом смущении. Выслушав их заявление, мы, вопреки ожиданиям, не только не задрожали от страха, но еще и одарили их. Это произвело впечатление.

И тем не менее положение стало весьма серьезным. Заряжающиеся с дула ружья (бывшие тогда в ходу у африканцев) имели огромное преимущество для тех, в кого из них стреляли: они издавали громкий треск. Он действовал успокаивающе, ибо давал понять, что пуля не попала в цель. К тому же по этому звуку можно было определить, откуда произведен выстрел. Стрела же этой

тайны не раскрывала, а малейшая царапина, оставленная отравленной стрелой, вызывала мучительную смерть. Пигмеи пользовались еще более сильными ядами, чем бушмены: маленькой стрелы, выпущенной из маленького лука маленьким человечком, при точном попадании было достаточно, чтобы уложить слона.

Добрый ветер занес к нам желанного союзника — датского охотника на слонов Ларсена, знаменитого тогда во многих областях Африки. Он покинул Португальскую Восточную Африку в поисках новых охотничьих угодий. Под руководством Ларсена я стал опытным охотником на слонов.

Сейчас эта профессия вымерла, так же как и романтичная, но менее опасная профессия ковбоя. В западных штатах Северной Америки вместо настоящих ковбоев остались лишь бравые пастухи да статисты кино, а в нынешней Африке — охотники за трофеями. Профессионалы наводят их на крупную дичь, и, вернувшись на родину, эти «охотники» бахвалятся «героическими» подвигами, не более опасными, чем посещение зоологического сада.

Однако и сейчас в Африке у лагерных костров рассказывают истории про великих охотников, живших в минувшие дни. Про легендарного шведа Эриксона, про богатырски сильного сэра Сэмюэла Бекера, охотившегося у истоков Нила в Эфиопии и пользовавшегося почетом во всей Центральной и Восточной Африке. У него было ружье, которое африканцы называли «Бэби». Бекер сам его смастерил и стрелял полуфунтовыми разрывными пулями, не падая на землю при отдаче. Рассказывали, что вместе с арабами племени хомран он верхом отправлялся охотиться на слонов, вооружившись только мечом. Не забывают в Африке и англичанина Селоуса, а также моих соотечественников Кнохенхауэра, Ундервельца, братьев Ринглер и многих других.

По данным английской статистики, средняя продолжительность жизни профессионального охотника на слонов составляла (считая с начала этой деятельности) два года. Его могли растоптать слоны или убить коренные жители. Ему угрожали многочисленные тропические болезни — малярия, «лихорадка черной воды», тиф, дизентерия. В безводных районах он мог умереть от жажды,

а в сезон дождей — утонуть в бушующих потоках. Его подстерегали хищные звери. Некоторые охотники на слонов, внимание которых было целиком поглощено обладателями бивней, стали жертвами львов, леопардов, носорогов или буйволов.

Я был особенно близок с датчанином Ларсеном и шотландцем Джемсом Макнейлом. Первый из них убил 500 слонов. Погиб он в Конго от руки африканки. Другой умер от «лихорадки черной воды» и погребен в Дар-эс-Саламе. Он отличался необычайной отвагой. Выследив однажды слона, Макнейл подошел и дотронулся до него рукой, чтобы животное повернулось под нужным для выстрела углом.

Охотники того времени, о которых я сейчас рассказал, не были обуреваемы жаждой массового истребления слонов, не уничтожали великолепные стада ради «белого золота», как называли слоновую кость. Кто думает так, не знает ничего ни о них самих, ни об их любви к природе, к свободной, независимой жизни, к исследованиям, к охоте. Задолго до того, как первые исследователи проникли в глубь материка, во многих из девственных районов, вероятно, побывали охотники. Почти никто из них не смог рассказать потомству о своих приключениях, и некоторые путешественники, встретившие в неизведанных областях европейских немвродов, умолчали о том, кто фактически был первооткрывателем этих земель.

Никто не мог с такой легкостью, как охотник на слонов, установить контакт с коренными жителями, завоевать их доверие, изучить нравы и обычаи. У народов Африки охотник, убивший льва, ценился в четыре раза выше воина, победившего врага, а убивший слона — в десять раз выше.

Браслет, вырезанный из подошвы слона (его носили выше локтя), шейный амулет из волос слонового хвоста рассматривались как высшие знаки доблести. Мне не раз встречались племена, приписывавшие охотникам на слонов сверхъестественную силу.

И это не удивительно. В Африке любовь и уважение были как нигде тесно связаны с желудком. А кто еще так заботился о голодных желудках своих соплеменников, как охотник на слонов! Уважение, которым он пользовался, было перенесено и на белого охотника, не ин-

тересовавшегося мясом великана, так что не раз целые деревни сытно обедали благодаря его доблести. Кроме того, простодушные африканцы не сразу сообразили, что превосходством над их сородичами белый охотник обязан своему оружию. У них сложилось убеждение, что человек, родившийся из моря, располагает особо сильным дауа (колдовским зельем), что это оно делает его неуязвимым и позволяет бить без промаха. Вот почему некоторые охотники (а кое-кто из них злоупотреблял подобными представлениями африканцев) были возведены местными жителями в сан вождя или короля и нередко пользовались бо́льшим почетом, нежели местные правители. В начале века я был знаком с одним таким белым вождем Джоном Данном. Резиденция его находилась в Умлалаази, в стране зулусов.

Человек, посвятивший себя охоте на самого сильного из живущих на суше зверей, не мог быть любителем пострелять для забавы. Такому немвроду не пришло бы в голову перебить несколько дюжин антилоп, чтобы изучить строение их рогов, или прикончить с десяток теснившихся в речном омуте бегемотов ради удовольствия завладеть парой клыков. В прежние времена охотник подолгу жил подле «божьего быка», как называли слона жители Судана, изучал повадки стада и целыми днями следовал за ним, чтобы метким выстрелом уложить обладателя огромных бивней — старого, уже неспособного к размножению самца. Такие самцы часто бродили в одиночку. Опытный охотник предпочитал уступать дорогу большим стадам: ведь детеныши, как правило, бывают любопытны, а их мамаши, не колеблясь, переходят в атаку. Если, отражая ее, охотнику приходилось отстреливаться, обладатель огромных бивней исчезал среди охваченных тревогой слонов, и тогда преследование, которое, несмотря на палящий зной, нередко длилось целые недели, заканчивалось неудачей.

Охотник на слонов не любил стрелять без нужды. Всякий, кому приходилось встречаться с могучим африканским великаном, терял уважение к другой крупной дичи, но зато ему доставляло огромную радость наблюдать за творениями природы в их родной среде. Охотничью страсть еще больше умеряло сознание, что каждый выстрел в животное другой породы может встрево-

жить находящегося поблизости слона. Не раз случалось, что, находясь в каком-нибудь райском месте, изобиловавшем дичью, мы неделями обходились без свежего мяса, лишь бы слоны не проведали о нашем присутствии. Со временем я научился стрелять голубей и цесарок из почти бесшумного шестимиллиметрового ружья системы тешин.

Звук выстрела часто приносил с собой, несмотря на трофеи, разочарование. Главное на охоте — не выстрел и не добыча; для опытного немврода важнее всего жить среди зверей, изучать их повадки. Прежние охотники на слонов были, как никто, захвачены романтикой дебрей.

За время пребывания в стране балунда я уложил 20 слонов. Очень скоро я стал охотиться самостоятельно, без моего учителя Ларсена.

Тяжкие испытания ожидали нас в этом краю. Носильщики дезертировали, начался сезон дождей, провиант подходил к концу. Не стало папирос, затем кончился и табак; я научился сушить на солнце большие листья табака, который сеют балунда, а затем растирать их и набивать трубку. Вскоре истощился запас чая и кофе, потом сахара и муки. Хуже всего было то, что у нас не осталось ни щепотки соли.

Недоедание вызвало болезни. Нас одного за другим трепали приступы малярии. Отсутствие растительной пищи ухудшило состав крови, на месте пустяковой царапины от колючки или стебля травы появлялись болезненные нарывы.

Лишения стали нашими постоянными спутниками. Не хватало даже одежды. Рубахи превратились в перевязочные средства, брюки стали жертвами колючих кустарников и других цепких растений. Я лишился последних штанов и бегал в одной набедренной повязке, как сопровождавшие нас африканцы.

Только после шести недель пути мы увидели первое жилище белых. Оно находилось близ реки Кафуэ и принадлежало двум братьям Ульман из Баварии. Эти чудесные люди построили свою факторию Капопо на холме, откуда открывался вид на реку и прибрежные луга. Ульманы никому не разрешали охотиться в этой местности, и антилопы привыкли целыми стадами пастись почти у самого дома.

Нас особенно обрадовало то, что в фактории Ульманов, чрезвычайно примитивной с европейской точки зрения, но очень богатой по условиям тогдашней Африки, продавался велосипед. Он пополнил наше снаряжение, причем передвигаться на нем оказалось удобнее, чем на ослах, которыми мы пользовались при длительных переходах.

Отдохнув несколько дней в фактории, мы с новыми носильщиками отправились дальше на восток, в страну маньема, в ту часть бельгийской территории, которая вклинивается с юго-запада в британские владения близ озера Бангвеоло. Я нанял на службу группу людей племени маньема. Потребность в мясе была у них так велика, что мне никак не удавалось накормить их досыта. К счастью, вскоре я застрелил слона. Было радостно видеть, как мои маньема раздувались буквально на глазах.

Удивительно, какое огромное количество мяса способны поглощать коренные жители Африки. Сцена свежевания исполинской слоновой туши — зрелище не очень-то эстетичное. Сбросив с себя даже самую скромную одежду и вооружившись топорами и ножами, африканцы обступают мертвого гиганта. Ломти мяса, еще сочащиеся кровью, поджаривают на костре и тут же с неописуемой жадностью поглощают. Только тот, кто сам испытал изматывающий тропический голод и знает, как быстро портится мясо в жарком климате, может понять происхождение обычаев, которые на первый взгляд кажутся нам, европейцам, чуть ли не дикими.

Мы перешли через реку Луапулу и очутились в провинции Бельгийского Конго * — Катанге. Катанга богата ценными видами сырья. Там, где в 1910 году был основан Элизабетвиль — важный центр железорудного бассейна, — незадолго до этого вдали от всякой цивилизации бродили по лесу слоны.

Чиновники Леопольда ** очень строго следили за тем, чтобы иностранцы не переступали границу Бельгийского Конго, не имея въездной визы. Чтобы полу-

---

* Следует помнить, что с 1960 года Бельгийское Конго перестало быть «бельгийским».

** Бельгийского короля Леопольда II.

чить визу, нам следовало разыскать полицейский пост и ходатайствовать о разрешении пересечь южный выступ Катанги и пользоваться оружием. Ближайший пограничный пост находился на расстоянии нескольких дней пути. К тому же мы не знали, найдем ли там чиновника и поверит ли он в наши мирные намерения, а потому в конце концов пустились в путь без разрешения, полагая, что форсированным маршем нам удастся пересечь бельгийскую территорию за три перехода.

Мы не решались стрелять, чтобы не привлечь к себе внимания «камнедробителя»; так коренные жители прозвали сначала американца Стэнли *, а вслед за ним — бельгийских чиновников и солдат. Как-то раз узкую тропу, которой мы шли, пересек слон с могучими бивнями. Тут я не удержался и выстрелил. Пока наши егеря выбивали слоновую кость, мы произвели разведку во всех направлениях, опасаясь, как бы бельгийские пограничники не застали нас врасплох.

Над трупом слона пришлось устроить навес из листьев, чтоб его не заметили коршуны или марабу, сотнями слетающиеся к месту, где пало крупное животное. Они осуществляют как бы санитарный надзор в дебрях и одновременно служат для коренных жителей своего рода путевыми указателями к вожделенному мясу. Весть о павшем крупном животном распространяется с быстротой ветра от хижины к деревне, а оттуда — к бома, резиденции европейца, которого мы имели все основания избегать.

В конце июля 1907 года после нескольких месяцев пути мы добрались до одной из живописных высот, господствующих над западным берегом Бангвеоло, и окинули взором его огромную водную поверхность (4450 квадратных километров). Озеро это открыл Давид Ливингстон.

В этих местах я впервые познакомился с удивительным племенем батва, живущим в крайне примитивных хижинах на плавучих островах, заросших камышом, и в болотах у восточного берега озера. Английский окружной начальник Осборн был первым европейцем, который

---

* Стэнли был англичанином, но путешествовал по Африке в качестве корреспондента американской газеты.

установил контакт с этими робкими людьми. Об их своеобразном укладе жизни я рассказал в другой книге *. Батва питаются рыбой и передвигаются в своих утлых челнах-однодеревках столь же ловко, сколь неуклюже ковыляют по суше на слабых, непривычных к ходьбе ногах.

В то время в северо-восточной части Родезии водилось очень много слонов. Могучие травоядные отнюдь не довольствовались тем, что предоставляли им джунгли. Они любили врываться на плантации, которые с удивительным искусством создавали местные жители. Помню, как, проходя однажды через какую-то деревню, я обратил внимание на великолепную банановую рощу. Несколько дней спустя я тем же путем возвращался с охоты и увидел, что от труда множества людей практически ничего не осталось. В этой местности побывало стадо слонов. Они не только полакомились плодами и листьями, но переломали деревья и втоптали их в землю.

Для защиты от толстокожих население окружало сады и плантации глубокими рвами, наподобие тех, какие можно видеть в современных зоологических садах, где зверей содержат на свободе. Но в вольерах стенки рвов укреплены гранитом или бетоном, африканцы же располагали лишь песком, глиной или кустарником. Слон ударами бивней разрушал укрепления и без особого труда взбирался по откосам и спускался вниз.

Не удивительно, что многие племена принимали нас, охотников на слонов, как желанных гостей, и небольшие посты, созданные колониальными властями, стали местом встречи африканских немвродов. Там они продавали слоновую кость и приобретали вещи, без которых не может обойтись европеец, даже если он многие годы провел в саванне, степи и лесу.

Понятно, что среди охотников и торговцев царили довольно грубые нравы, соответствовавшие условиям жизни в джунглях. Далеко не всегда от цивилизации бежали лучшие элементы общества; некоторые искатели приключений часто заботились прежде всего о своей выгоде, и чем ближе к побережью — тем чаще. В глубине

---

* «Мои друзья в зарослях». — *Прим. авт.*

Африки, где жизнь требовала от человека полной отдачи всех его сил и способностей, разрыв между заготовительными и продажными ценами был, правда, больше, чем на побережье, но честность и вера на слово составляли основу деловых отношений. Охотник сдавал в факторию слоновую кость, брал то, что было необходимо для пополнения порядком износившегося снаряжения, рассчитывался с егерями и носильщиками, а затем «хорошо» жил до тех пор, пока в одно прекрасное утро не узнавал от владельца фактории, что ему ничего не причитается. Не утруждая себя проверкой счетов, охотник собирал вещи и снова уходил в лес.

«Хорошая жизнь», которую вел европеец в тропических широтах после нескольких месяцев или даже лет отрешенности от цивилизации и одиночества, была весьма своеобразной. Встречи охотников в факториях служили поводом для длительных возлияний или «банкетов», как называл их мой друг Ларсен. Все пили, один платил. На следующий день опять все пили, но платил уже другой. Тут же играли в покер. Мастерами этой игры были торговцы, которые кочевали по всему материку — от поста к посту, от фактории к фактории.

Однажды в Касаме (Северо-Восточная Родезия) к нам примкнули два таких торговца. Один из них — итальянец — после многих лет утомительных странствий открыл гостиницу в Форт-Джемсоне и хорошо зарабатывал. Как-то раз он сел играть в покер. Через несколько часов у него не осталось ни пенни. Тогда он поставил гостиницу со всем, что в ней было, и проиграл. Мне рассказывали, что итальянец молча поднялся, передал выигравшему связку ключей, оставил все свое имущество и снова стал бродячим торговцем. И вот теперь он сел за наш стол в Касаме.

Начали мы в 11 часов утра. Утро сменилось днем, день — вечером, вечер — ночью, а мы все сидели за картами. Сотни фунтов переходили из рук в руки. Моему другу Хеммингу я проиграл несколько тысяч марок.

Между тем взошло солнце. Я протирал сонные глаза, но тут ворвался мой егерь и сообщил, что всего в нескольких километрах от Касамы напал на след слона. Я вскочил с места, схватил ружье и по узкой лесной тропе помчался на велосипеде к указанному месту.

Слон принес мне счастье. Еще до того как егеря выломали бивни сильного самца, которого я уложил, и принесли их в факторию, я снова сидел за игорным столом. К тому времени, когда партнеры смогли осмотреть добычу, мой проигрыш сократился до приемлемых размеров.

●

Мы двинулись дальше через изобиловавшие дичью живописные области Ньясаленда. Озера того же названия * мы достигли близ Каронги. Наняв лодки, перебрались на другой берег и 19 января 1908 года высадились во Мвае, которая находилась на территории Германской Восточной Африки. К тому времени наше путешествие по Африке продолжалось уже больше семнадцати месяцев. Мы смогли бы без особой спешки покрыть то же расстояние и за год, но Хемминг и я были уже «старыми африканцами» и привыкли к тому неторопливому темпу, который всего уместнее в тропиках и соответствовал нравам тогдашней Африки, еще не научившейся считаться со временем.

Нас интересовал район реки Руфиджи, где обитали слоны. Мы двинулись через Ирингу и Килосу к Морогоро — в то время это был конечный пункт железной дороги, ведшей от побережья в глубь материка. Около поселка Макалинсо, на самом берегу реки, в тени манговых деревьев мы разбили лагерь. За многие годы жизни в Африке мне не доводилось охотиться более удачно, чем здесь, в кругу бавемба, сынов того племени, которое породило лучших в Африке охотников на слонов.

Однажды мы возвращались с охоты. Меня сопровождали егерь — бавемба Лонгома — и несколько его соплеменников, несших оружие. Солнце уже зашло, и ночь застала нас в степи. Лагерные костры, вспыхивавшие время от времени и выхватывавшие из мрака светлую стену палатки, указывали нам путь. Близость лагеря поднимала настроение моих помощников. Они весело болтали, и мы незаметно дошли до места.

Я вымылся, проглотил обычную дозу хинина и съел

---

* Автор имеет в виду озеро Ньяса.

все, что приготовил повар. У костров слышались веселые речи и радостный смех. Лонгома сидел рядом с начальником каравана; на почтительном расстоянии от них, подле другого костра, разместились в соответствии с рангом и обычаем слуги и носильщики. В горшках варилось мясо, мы принесли с собой хорошую добычу, и порции были внушительные. В обрывках долетавших до меня разговоров повторялись слова «биби» (женщина) и «ньяма» (мясо). Да и о чем другом могли так оживленно беседовать мои спутники? У них явно было приподнятое настроение.

Лонгома был большой шутник. Заметив, что я наблюдаю за ним и его собеседниками, он обратился ко мне с вопросом:

— Бвана (господин), как ты думаешь: кто царь лесов?

По его тону я понял, что меня ожидает ловушка. Но я знал, что африканцы любят посмеяться и ничто во время походов так не связывает их с бвана, как острословие.

— Лонгома, — ответил я с подчеркнутой серьезностью, — как можешь ты спрашивать об этом? Ведь царем девственного леса может быть только симба (лев). Будь это иначе, смелый фунди (егерь) Лонгома из племени бавемба не вскарабкался бы, как обезьяна, на дерево, когда в лагерь близ озера Бангвеоло ворвался большеголовый лев. Тот самый Лонгома, который слишком горд, чтобы взобраться на дерево, даже если на нем можно найти превосходный мед. Нет, нет, я не заблуждаюсь. Как можно сомневаться в том, что именно симба — царь девственного леса, если он может в одно мгновение превратить великого фунди в спасающуюся бегством обезьяну?

Моя речь была встречена громким хохотом. Лонгома смутился, но ненадолго. Взяв себя в руки, он попытался ловким ударом парировать мой выпад. Кроме треска горящих сухих веток, не было слышно ни звука — с таким напряжением ожидали бавемба ответа фунди.

— Бвана, ты ошибся, ошибся дважды, — сказал он. — Лев — не царь дебрей, ты должен был бы знать об этом, потому что он уступает дорогу ньяти (буйволу). А почему я взобрался на дерево, когда к нам в лагерь

явился лев? Чтобы лучше разглядеть и указать его бвана мкубве (большому господину) и помочь застрелить льва. Но, к сожалению, у бвана под рукой не оказалось ружья!

Раскаты хохота показали, что этот раунд излюбленного африканцами спора закончился не в мою пользу. О случае, который упомянул Лонгома, разумеется, много болтали. Увидев льва в лагере, я от страха онемел и от волнения действительно не смог найти свое ружье.

— Ну, значит, буйвол и есть царь зверей, — поспешно согласился я, чтобы иметь возможность добавить:

— Верно, я припоминаю, как ты сам, о смелый Лонгома, доказал это, когда мы шли по бара-бара (караванный путь, проложенный администрацией) и старый буйвол недовольно уставился на тебя. Его взор так околдовал тебя, что ты поскакал прочь, как пугливая антилопа, и даже унес мое ружье...

Казалось, Лонгоме не развеселить африканцев больше, чем удалось мне. Он, однако, тоже отлично помнил эту неожиданную встречу и не хуже меня знал, что с раздраженным, а тем более с раненым буйволом шутить опаснее, чем с любым другим обитателем леса. Бавемба хорошо сыграл свою роль.

— Бвана, — ответил он, грустно покачав головой, — ты снова дважды ошибся. Вспомни: разве буйвол не боится крокодила, разве не удирает он, фыркая, от водопоя, как только завидит в реке его отвратительное туловище? А потом: куда побежал я с такой быстротой, когда на бара-бара вышел буйвол? Назад к носильщикам! А зачем? Чтобы приказать им умолкнуть и не вспугнуть своей болтовней крокодила. Но куда ты запропастился, когда я хотел передать тебе ружье, чтобы ты мог застрелить толстоголового?

Снова все затихли: так хитро сумел Лонгома привлечь внимание слушателей к этому эпизоду.

— Вспомни-ка, бвана. Ты рассказывал нам, что зулусы прозвали тебя Исипакуа. Я не мог этого понять, ибо с тех пор как мы познакомились, ты никогда не был таким тонким. Но в тот день, о котором ты говоришь, я заметил, что ты умеешь сделаться еще тоньше свечи. Подобно стеблю травы на утреннем ветру стоял ты, дрожа и прижимаясь к дереву, за которым спрятался.

Не стану отрицать, что, не имея оружия, я действительно укрылся за деревом и весь сжался. Никогда я не отрицал также, что, будучи охотником на крупную дичь, неоднократно оказывался в таких положениях, когда не ощущал ничего, кроме страха. А в ситуации, о которой шла речь, я вдруг оказался в 5 метрах от разъяренного буйвола. Разве вы поступили бы иначе и не укрылись бы в безопасном месте?

«Ротик» Лонгомы растянулся в улыбке до самых ушей, также далеко не миниатюрных, а наши носильщики шумно выражали свою радость. Если я не хотел потерять авторитет, мне необходимо было быстро изменить ход словесного поединка в свою пользу. Это оказалось не просто, ибо я не мог понять, куда гнет мой бравый фунди.

По логике рассказа мне следовало провозгласить царем зверей крокодила. Я так и поступил, не успев приготовить колкость в адрес егеря, который тоже воздержался от выпадов на мой счет.

— Крокодил, — заявил он в ответ, — не властелин даже в его стихии — в воде. Он избегает встречи с бегемотом, который, если захочет, может без труда пробить клыками лодку.

В нашем кругу воцарилось молчание.

— Лонгома, — сказал я, — ты меня больше не проведешь. Царь зверей тембо — могучий слон-самец. От его боевого клича стынет кровь в жилах у самых отважных охотников, за его огромными ушами не видно горизонта, когда, всесильный и необоримый, все сокрушая и топча на своем пути, он бросается на карлика-человека, вознамерившегося убить его. Разве не тембо превратил тебя, бесстрашного бавемба, в беспомощного ребенка, когда в стране ньям-ньям ты бежал от толстокожего колосса с криком: «Мама, мамочка моя!»

Я говорил с большим чувством. У слушателей даже мурашки забегали по спине. Лонгома воспользовался последовавшим затем напряженным молчанием и ответил:

— Бвана, ты опять ошибся дважды. Слон — не властитель дебрей. А я, говоришь ты теперь, убежал, хотя тебе хорошо известно, что я лишь сделал большой крюк, чтобы подогнать слона к тебе. Разве за несколько дней

до этого я не поступил так же у реки Уланга, когда ты ранил самца, но не смог его убить?

Я снова попал впросак. Случай, о котором упомянул Лонгома, произошел незадолго до нашего спора и был, конечно, еще свеж у всех в памяти. Могучее животное, настигнутое моей пулей, бросилось к реке и, вероятно, спаслось бы, если б мой егерь громким кличем бавемба не сумел настолько раздразнить слона, что тот повернул обратно и бросился на своего преследователя — Лонгому. Со стороны бавемба это был безрассудно смелый поступок. Благодаря ему взбешенный слон попал прямо под мои выстрелы, так что я смог прикончить его в момент, когда разъяренное животное почти настигло Лонгому.

— Ты спас мне при этом жизнь, бвана, — улыбаясь, добавил Лонгома. — Я знаю, ты об этом не говоришь. Потому и я умолчу о том, что когда слон был уже мертв, тебе стало дурно. Но все же я скажу тебе, кто царь, ибо ты этого не ведаешь. Ты знаешь тварь, которой слон страшится не меньше пули из твоего ружья, потому что она залезает к нему в хобот и кусает его. От боли великан бьет хоботом по деревьям, пока не гибнет от ранений. Ты рассказывал нам, как эти твари сожрали ночью твою спящую галаго (лемура), прежде чем ты успел их заметить; клетка с галаго оказалась на пути несметных полчищ этих существ. А ты, бвана, ты, знаменитый охотник на слонов, — разве не вскочил ты в испуге при вторжении этих насекомых в лагерь и не стал плясать, как новый вождь бавемба в танце малайра? Малюсенькое существо, которого боятся звери и даже ты сам, оно одно лишь может и должно считаться царем дебрей. Я говорю о сиафу — бродячем муравье *.

●

В числе маленьких уединенных постов, где мне пришлось тогда побывать, был и Кисаки. Поселок, состоявший из одной длинной улицы, лежал в низине. В сезон дождей она зарастала высокой травой. Окрестности буквально кишели львами. Под покровом ночи они иногда

* Речь идет о муравьях Вествуда.

прогуливались по поселку, наводя ужас на местных жителей.

Однажды мы засиделись допоздна за бутылкой виски. Старый граммофон, исторгавший отчаянные звуки, навел меня на одну из тех мыслей, которые приходят под влиянием спиртного. Я сказал своим собутыльникам, что намерен расшевелить сонное местечко.

— Через несколько минут Кисаки услышит рев льва, — закричал я, схватил граммофонную трубу и исчез в высокой траве. В течение нескольких лет я учился подражать голосам зверей и теперь очень обрадовался, что вырвавшееся из трубы львиное рычание прозвучало так естественно. Я не сомневался, что через одну-две минуты все обитатели Кисаки проснутся.

Вдруг я услышал «пиф», а затем — гораздо ближе ко мне — «паф». Что-то просвистело у самого моего уха. Эти звуки тоже были мне знакомы. Я бросил трубу и во всю мощь легких стал выкрикивать все известные мне на языке суахили ругательства.

Это помогло. Стало тихо. Только со стороны поселка раздавался гомерический хохот моих товарищей, недвусмысленно радовавшихся тому, что я попал вопросак. Я не подумал, что часовой, имевший приказ стрелять по львам, может принять меня за хищника.

Юмор моего друга Макнейла, у которого я многому научился, был иного рода — более сдержанный, так сказать шотландский.

Как-то мы вместе отправились в охотничью экспедицию. В один из дней Мака немного лихорадило, и он остался в лагере, я же ушел в лес, чтобы подстрелить какую-нибудь дичь на обед нашим носильщикам. Возвращаясь со своей добычей — водяным козлом, я увидел буквально под носом у себя зайца. Мне пришло в голову, что этот зверек может внести в наше меню разнообразие, чем будет доволен и Макнейл.

Но как прикончить животное? Дробовика у меня с собой не было, а выстрел из восьмимиллиметровой винтовки испортил бы жаркое. Ударить прикладом? На это я тоже не мог решиться, опасаясь сломать винтовку. Тогда я поднес дуло к самому носу неподвижно сидевшего зайчонка и нажал на спусковой крючок. Как я и рассчи-

тывал, выстрел разнес в куски только голову, а туловище осталось неповрежденным.

Не вставая со своего ложа, Макнейл оглядел жертву.

— У тебя с собой, видно, не было дробовика? — заметил он.

— А на что он мне был нужен? — поинтересовался я с невинным видом.

— Из чего же ты застрелил зайца?

— Из винтовки, конечно. Он прыгал метрах в пятидесяти от меня, — осторожно соврал я. — Заяц поднял голову, вот тогда я и бабахнул. Поразить такую цель на таком расстоянии — это не фокус.

— Попасть в голову — это действительно не фокус, — ответил Макнейл, вытащил из-под походной кровати охотничий сапог и запустил мне в голову.

Несколько недель спустя, когда мы снова были в пути, на реке показался нильский гусь. Я определил дистанцию — 100 метров, прицелился, выстрелил и убил птицу. Макнейл покачал головой. Когда принесли гуся, оказалось, что я прострелил его длинную шею. Попадание было, разумеется, случайным. Макнейл ухмыльнулся.

— Не понимаю, чего ты осклабился, — сказал я. — Или ты сомневаешься в том, что попасть в шею гуся труднее, чем в голову зайца?

Мак ответил движением руки, которое было мне хорошо знакомо, и я поспешил отойти в сторону.

За Макнейлом водились некоторые странности. Он был не только одним из самых удачливых, но и одним из самых храбрых охотников на слонов. В то время в них стреляли из возможно более крупнокалиберных винтовок. Я лично употреблял английское ружье «двойной калибр 600». Диаметр его дула составлял приблизительно 15 миллиметров, патрон весил 75 граммов, выстрел производился при помощи 10 граммов бездымного пороха. Один лишь Макнейл охотился исключительно с немецким восьмимиллиметровым оружием системы маузер.

С точки зрения моего друга, пользование тяжелыми винтовками было сопряжено с риском. Он считал, что стрелять в слона следует только тогда, когда можно прицелиться в место, расположенное в 10 сантиметрах за ушной раковиной, ибо единственно в этом случае попа-

дание вызывает смерть. Не всякому дано дождаться подобной возможности или создать ее. Для этого нужна такая выдержка, какой из всех знакомых мне охотников обладал только Макнейл. Всем остальным, в том числе и мне, крупный калибр винтовки приносил известную уверенность в собственной безопасности. Мы могли рассчитывать на то, что хотя попадание в череп атакующего слона редко убивает его, зато, как правило, оглушает животное на несколько минут, в течение которых охотник может отступить в безопасное укрытие.

Когда мы охотились вместе, действовало правило: стрелять по очереди. Однажды мы преследовали сильного самца, на которого имел право Мак. Благодаря толстым резиновым подошвам мы бесшумно скользили вслед за могучим обладателем бивней. Слон пасся и, повертываясь, подставлял под выстрелы то одну лопатку, то другую. Мы находились всего лишь в 10 метрах от него; будь я один, выстрел раздался бы уже давно. Но Мак терпеливо ждал. Он, правда, изготовился к стрельбе, но уязвимое место за ухом оказалось не на линии прицела. Тогда Мак комично погрозил указательным пальцем и снова прицелился. Так повторялось пять или шесть раз, пока я не вышел из себя. Мои нервы больше не выдерживали.

Я похлопал Мака по плечу.

— На случай, если ты сомневаешься: там, где длинный хвост, перед, — прошептал я.

Мак совершенно спокойно помахал рукой. На сей раз я не сдвинулся с места; ведь я понимал, что друг занят только слоном. Мак показал пальцем сначала на свой лоб, потом на мой. И в тот же миг громко и пронзительно свистнул. Я вздрогнул, слон, как по команде, стремительно повернулся, поднял хобот...

Но уже прогремел выстрел. Колосс упал, пораженный в самый мозжечок.

Честно признаюсь: я не только нервничал, но и боялся. Моя дерзость по отношению к Маку была лишь средством не обнаружить свой страх. Почти все охотники, которых я знал, тоже испытывали страх, когда решался вопрос: «он или я». Макнейл — один из тех немногих, кому это чувство было неведомо. У него, казалось, не было нервов.

Нет ничего более жуткого, чем охота в траве высотой с дом. Однажды мы с Маком преследовали слона, который уже немалое время вел нас по зеленому лабиринту. Мы имели дело с одиночкой; он, вероятно, давно уже учуял нас, а потому идти по следу надо было с величайшей осторожностью, все время имея в виду, что он может неожиданно ринуться на нас сбоку. Преследование по травяному туннелю, пахнущему слоном, да еще в палящий зной, при необходимости прислушиваться ко всему, что происходит спереди и сзади, справа и слева, порождает, мягко говоря, желание, чтобы дичь — даже такая крупная, как этот самец, — убралась куда-нибудь подальше.

Силы мои совершенно иссякли.

— Мак, — сказал я, — с меня хватит. Эта бестия водит нас за нос... мне не по себе.

Мак взглянул на меня.

— Ты прав. Если боишься, никакого толку не будет. Мне тоже не по себе.

Я знал, что это неправда. Он просто хотел подбодрить меня. Не проронив ни слова, Мак повесил винтовку за спину и повернул обратно, не глядя больше по сторонам и даже не оборачиваясь.

●

Среди участников нашего похода через нынешнюю Танганьику самым важным лицом был, однако, не Макнейл, а его слуга Филиппо — хранивший наши общие сокровища. Он тоже был из племени бавемба, как егерь Лонгома — самый верный товарищ, какой был у меня в Африке.

Филиппо заведовал нашей кассой. Бухгалтерия была максимально простой. Из большой сумки брали серебряные рупии *, до тех пор пока она не пустела. После этого приходилось снова «настреливать» слоновую кость. Я убежден, что наш казначей ни разу не потратил на свои нужды хоть одну рупию.

---

* В бывшей Германской Восточной Африке (нынешняя Танганьика) имели хождение индийские монеты.

Несколько дней мы наслаждались теми удовольствиями, которые мог предоставить нам Дар-эс-Салам — столица Германской Восточной Африки; скудными были эти развлечения, хотя сам по себе город, почти столь же европейский, как и африканский, был неплохой.

Уже через восемь дней Филиппо сообщил о неприятном факте: его сумка, как и наши карманы, была пуста. Надо признаться, мы «жили» значительно шире своих возможностей.

В Дар-эс-Саламе мне прислали исполнительный лист на сумму в 2 тысячи рупий. Я почувствовал себя так, словно меня ударили по голове. Выяснилось, что должником является мой друг Хемминг, я же несу ответственность как поручитель. Между тем я никогда за Хемминга не ручался.

В то время в Африке существовал обычай брать в кредит не только предметы первой необходимости, но и продукты, еду в ресторане и напитки в баре. Счета оплачивались в конце месяца. Хемминг сделал много покупок, но не смог за них расплатиться. Я же представил своего друга владельцу фактории, где имел обыкновение сбывать слоновую кость, и на вопрос о кредитоспособности нового клиента ответил, что это мой компаньон. Вот торговец и вспомнил об этом заявлении.

Я еще раньше рассорился с кредитором Хемминга из-за того, что он слишком низко оценил принесенную мной слоновую кость, и теперь отказался платить по исполнительному листу. Тогда истец прислал ко мне в гостиницу судебного исполнителя. Все это начало меня забавлять. Имуществом, пригодным для описи, я не располагал, если не считать Джумбо — моего друга из джунглей, который потом так прославился в Европе.

Читатели моих книг знают, что Джумбо был молодой слон. Я поймал его в области ньям-ньям, к северу от обширной равнины Уссангу, и так приручил к себе, что мне удалось заставить его из девственного леса последовать за нами в Морогоро. В то время слон находился в Дар-эс-Саламе. Местные жители хорошо знали его по проказам в садах и на рынке.

Итак, Джумбо описали. На кусок картона наклеили изображение кукушки, которая и в колониальных владениях Германии была символом ареста, наложенного на

имущество. Привязанное к хвосту слоненка, это изображение вызывало всеобщее любопытство и смех, причем люди как с белой, так и с черной кожей единодушно были на моей стороне.

●

Близился к концу 1909 год. Уже восемь лет я жил в Африке, причем больше половины этого времени провел в дебрях, вдали от всякой цивилизации. Я вступил в тридцатый год жизни.

Мечта моей юности, собственно говоря, так и не осуществилась. Правда, я узнал Африку. Моя палатка, случалось, стояла в таких местах, где еще не ступала нога европейца. В бывших бурских государствах я чувствовал себя почти как дома. Я ощутил пульс дебрей, приобрел друзей в зарослях и полюбил их. Мне стало ясно, что я уже не смогу навсегда покинуть Африку. Я мог бы вступить здесь в колониальные войска, приобрести землю или заняться промышленной деятельностью на юге. Быть может, из меня вышел бы неплохой окружной начальник или удачливый торговец.

Но ни одна из этих перспектив меня не прельщала. Я поехал в Африку, чтобы стать исследователем, а стал охотником. Уже тогда я понимал, что не останусь им, не смогу остаться, ибо мое отношение к зверям было иным, чем у обычного охотника за слоновой костью.

Признаюсь, я не знал тогда, как быть дальше. Лишь одно было ясно: хотя я вторично возвращаюсь в Европу, недалек тот день, когда я снова ступлю на берег Африки и поставлю свою палатку где-нибудь на ее просторах.

Вскоре после рождества я отплыл в Гамбург и в феврале 1910 года был уже дома.

«НАЙДИТЕ КАРЛИКОВОГО БЕГЕМОТА!» (1911—1912)

Я жил у моих родителей в Бергедорфе под Гамбургом и вскоре свыкся вновь с нравами и обычаями чопорного ганзейского города, но меня не переставал му-

чить вопрос: как сделать, чтобы я мог, не заботясь о пропитании и повседневных нуждах, путешествовать по Африке не ради приключений, а в интересах науки, изучая жизнь все еще не изведанного материка, его людей и животных.

На помощь мне пришел случай. Находясь в Африке, я вместе с письмами посылал домой зарисовки людей и животных. Мой отец заказал с них диапозитивы, чтобы лучше познакомиться со средой, окружавшей его сына. Когда я возвратился домой, он попросил меня рассказать друзьям нашей семьи о жизни в Африке. Кто-то из гостей заметил, что я мог бы выступить в бергедорфском клубе с докладом о своих путешествиях, сопроводив его демонстрацией диапозитивов из коллекции отца.

Признаться, я принял это предложение скорее из честолюбия и желания хоть раз доставить радость родителям. Тогда я еще не предполагал, что таким путем можно познакомить широкую общественность с моими приключениями, да еще и денег заработать.

И вот наступил вечер, когда с бамбуковой указкой в руках я подошел к экрану. К выступлению я не готовился. Неужели мне будет трудно рассказать в непринужденной форме о том, что я видел и пережил за восемь лет?

Едва ли кто-нибудь в зале был удивлен аплодисментами больше, нежели я сам. В газетах появились заметки, некое агентство, почуяв возможность «сделать бизнес», предложило мне выступить в большом концертном зале. Я согласился. Успех превзошел самые смелые ожидания. За первым докладом последовали другие.

Вряд ли кто бросит в меня камнем за то, что, набравшись храбрости, я решил действовать и за пределами Гамбурга и отправился в Берлин, в «Уранию». Это общество, основанное для содействия народному просвещению еще во времена Гумбольдта, сделало популярными имена многих знаменитых естествоиспытателей.

Руководитель «Урании» выслушал мое предложение, затем попросил еще раз назвать себя.

— Шомбурк? Никогда не слыхал. А для того, чтобы мы могли включить в программу ваше имя, оно

должно быть известным. Наша публика, видите ли, избалована, очень избалована.

Несколько отрезвленный, но не обескураженный, я вернулся в Гамбург. Там мои выступления продолжались с прежним успехом. Меня стали приглашать в соседние города, а в более отдаленные я обращался сам. Дело пошло. Печать уже не ограничивалась лестными отзывами о моих выступлениях, мне стали заказывать статьи.

Однажды раздался телефонный звонок из Берлина. Меня спросили, не возьмусь ли я сделать доклад в «Урании». Я с удивлением спросил, кто со мной говорит. Оказалось, тот самый господин, который вежливо, но решительно отказал мне. Потом, когда мы обсуждали с ним в Берлине, как лучше провести доклад, я напомнил ему о нашем первом разговоре. Он улыбнулся и промолчал. Теперь у меня уже было «имя».

Вскоре вышла в свет моя первая книга об Африке — «Дичь и дикие в сердце Африки» (1910). Публика встретила ее с большим интересом. Не менее приятным было внимание, с которым отнеслись к моей работе и специалисты.

●

Однажды меня пригласил к себе Карл Гагенбек — основатель крупнейшей фирмы по торговле зверями и всемирно известного зоопарка в Гамбург-Штеллингене. Гагенбеку было тогда уже около 65 лет, и он находился на вершине своей с трудом завоеванной славы. Долго смотрел он на меня, словно изучая, а затем произнес:

— Отправляйтесь в Либерию и найдите карликового бегемота!

Я понял, что должен принять решение, от которого будет зависеть вся моя жизнь, и немедленно без колебаний согласился, ибо предчувствовал, что предложение Гагенбека сулит мне большие возможности.

Стать ловцом зверей — а я понимал, что Гагенбеку было важно заполучить живых карликовых бегемотов, — с этой мыслью я носился уже давно. Потребность зоологических садов в заморских животных возрастала, число

ловцов зверей было невелико, а среди покупателей Гагенбек бесспорно занимал первое место.

Ловить зверей и доставлять их в Европу — на словах это куда проще, чем на деле. Когда меня спрашивали, как мне удалось доставить слоненка Джумбо из глубин Африки к побережью, я уклончиво отвечал:

— Он бежал за мной, как собачонка за своим хозяином.

К чему было набивать себе цену и рассказывать о всех уловках и трюках, к которым пришлось прибегнуть, чтобы выманить «ребенка» из девственного леса?

Я понимал, что для того чтобы стать ловцом зверей недостаточно быть охотником. Кто хочет переместить животное из природной среды в заморский зоопарк, не подвергая его жизнь опасности, тот должен знать повадки зверей, уметь ухаживать за ними и даже лечить их. Само собой разумеется, что при самом тщательном уходе потери неизбежны.

Все это было хорошо известно мне, а еще лучше Гагенбеку. И если он доверял мне, то как мог я сомневаться в своих силах?

Заставляло задуматься другое обстоятельство. Сорок лет назад владелец «Нью-Йорк геральд» послал в Африку корреспондента Генри Мортона Стэнли с указанием: «Найдите Ливингстона» — путешественника, давно пропавшего без вести в глубине материка. Посылая меня на поиски бесследно исчезнувшего зверя, Гагенбек не случайно перефразировал указание, которое Беннет дал Стэнли.

В 1841 году американский врач Мортон обнаружил череп неизвестного зверя, который был классифицирован в соответствии с данными науки и вошел в зоологию под названием *Choeropsis liberiensis* *. Карликового бегемота, таким образом, открыли, но не нашли: ни современники Мортона, ни более ранние путешественники никогда не встречали такое животное. Поэтому ученые считали, что карликовый бегемот вымер.

И вот этого-то зверя мне нужно было найти, поймать и доставить в Европу...

Я решился на предприятие, которому все, кто знал

---

* Бегемот либерийский (лат.).

Африку, предрекали неудачу. Но оно давало возможность проявить себя, а в случае успеха приблизило бы осуществление моей юношеской мечты.

●

«Могилой белого человека» прозвали Либерию. Еще по пути туда на пароходе «Камерун» я наслушался пугающих рассказов об этой стране. Однако действительность оказалась совсем иной.

Я полюбил Либерию в тот самый миг, когда вступил на ее берег. Где еще в Африке 1911 года таможенники, идя навстречу путешественнику, стали бы в воскресный день производить осмотр его багажа? К тому же в Монровии все мои личные вещи были пропущены без пошлины, как только я заявил, что не везу с собой ничего, подлежащего обложению. Уже на следующий день все снаряжение, включая оружие и боеприпасы, было доставлено ко мне на квартиру.

В какой другой стране иностранному исследователю разрешили бы путешествовать без соблюдения каких-либо формальностей? Я впоследствии несколько раз бывал в Либерии, за это время там сменилось три президента. Все они проявляли личный интерес к моим экспедициям и выдавали письменные удостоверения, на основании которых я мог в любое время и в любой обстановке рассчитывать на поддержку местных властей.

Как и во всех больших городах Африки, в Монровии существовал европейский клуб. Число лиц, приезжавших в столицу Либерии из заморских стран, было невелико, и каждый новый посетитель мог быть уверен, что еще до появления в клубе он уже служил темой для разговоров. Поэтому я нисколько не удивился, что меня там «знали» как охотника на слонов. И конечно, мне тут же задали вопрос:

— Сколько же слонов вы застрелили?

— Шестьдесят три, — сообщил я. Цифра была точной, так как я записывал в дневнике всю свою охотничью добычу — в общей сложности около 800 голов крупной дичи.

— Обманщик! — прозвучало в ответ. Такая характеристика, казалось бы, находилась в полном противоре-

чии с овацией, которой было встречено мое появление. Я отхлебнул добрый глоток виски из своего бокала.

— Чего вы прибедняетесь? — произнес другой завсегдатай клуба. Не успел я возразить, как он продолжал: — Вам не повезло! Вчера здесь был капитан Х. Он, правда, незнаком с вами лично, но много о вас слышал. В Восточной Африке вы считались браконьером. Почему? Да потому, что ваша охотничья добыча так велика, что вы не смогли бы ее настрелять только вне заповедников. Не станете же вы отрицать, что лишь в одной Восточной Африке уложили больше ста слонов?

Я не стал отрицать. Я был даже горд тем, что моя слава мифического охотника достигла клуба в Монровии, где она могла принести мне только пользу, во всяком случае не вред. К тому же отрицание обошлось бы мне еще дороже. И я подтвердил то, что рассказывал обо мне капитан Х.

Несколько дней спустя в клубе пил виски капитан У. Мне он был известен не больше, чем его коллега Х.

— Обманщик! — загремело мне навстречу, когда я явился на вечерний «водопой». — Сто слонов! Да как вы могли утверждать что-либо подобное! Капитан У., приехавший из Капа и знающий Дар-эс-Салам, как свои пять пальцев, уверяет, что у вас было самое большее двадцать попаданий. Это в лучшем случае. Что вы на это скажете?

А что можно было сказать? Клубная болтовня, и ничего больше.

Все жившие в Монровии европейцы отговаривали меня от экспедиции в девственный лес. Особо убедительным доводом, по их мнению, служила история одного австрийца. Несколько месяцев назад он проник в глубь страны и якобы вернулся на побережье в чем мать родила, избитый до полусмерти. Я его не видел. А историями такого рода особенно любили развлекаться купцы, никогда не выезжавшие за пределы прибрежных городов. Я же умел ладить с африканцами.

Куда большего внимания заслуживали рассказы европейских старожилов о коварстве девственных лесов Либерии, особенно в дождливый сезон, который уже наступил. Но и эти указания у меня в одно ухо вошли, а в другое вышли. Я полагал, что «знаю» Африку.

Я действительно чувствовал себя как дома в вольных степях и редких лесах Южной Африки и в девственных зарослях у берегов Конго и Замбези. Мне были известны трудности жизни в местах, где непроницаемая завеса из листьев скрывает от человека дневное и ночное светила. В отличие от обитателей степи житель девственного леса сдержан, серьезен, угрюм. Он полон тайн, верит в демонов и «сверхъестественные» мистические силы, о которых ничего не ведает его собрат в степи и в саванне. Да и на европейского охотника действует своеобразие среды.

Ему вдруг кажется, что он заметил блеск слоновой кости, но действительно ли это бивни слона? Там, сбоку, колышутся кроны деревьев; можно подумать, что движение это вызвано пасущимися слонами. Слышится какой-то звук: не напоминает ли он урчанье в желудках слонов, не раз слышанное в лесах Восточной Африки?

Никогда мне не приходилось столько страдать от этого чуждого мне мира, как во время первой экспедиции в девственные леса Западной Африки.

Завеса из листьев там совершенно непроницаема. Не раз я убеждался в том, что всего в нескольких шагах от меня сквозь хаос сучьев, листьев и лиан незаметно проходили слоны.

Когда же на эту лиственную стену семь месяцев подряд круглые сутки льет дождь, даже «старейший» африканец приходит в такое настроение, какое врач по нервным болезням назвал бы хронической депрессией. Все становится безразличным, и только где-то внутри таится мечта о том, чтобы обсушиться.

Однажды ночью я проснулся. Очевидно, произошло нечто необычное — человек, привыкший к дебрям, ощущает это безошибочно. Я вслушался в темноту... Ничего, ни звука.

Ни звука? В том-то и дело. Дождь прекратился. Меня разбудила тишина.

●

Отыскать зверя, который, по мнению ученых, уже не существовал, оказалось не так-то просто. Кто целые годы жил в палатках с африканцами и сиживал у их кост-

ров, знает, насколько богата фантазия коренных жителей. И тем не менее в их словах содержится зернышко истины. Отнюдь не рекомендуется, вступая в беседу с африканцами, сразу же затрагивать важный для тебя предмет, зато необходимо внимательно прислушиваться как раз к таким рассказам, которые, на первый взгляд, являются вымышленными. Я расспрашивал об обезьянах и антилопах, птицах и жуках. Наконец речь заходила о крупных зверях девственного леса.

Я ждал.

И вот однажды мои спутники заговорили о таинственном мве-мве *, ради которого я предпринял столь трудное путешествие. Я сделал вид, будто не проявляю большого интереса к этой теме. В дальнейшем, когда я находился в глубине страны, я слышал о карликовом бегемоте и от некоторых вождей.

Африканцы рассказывали и о других неизвестных науке зверях, и я уверен, что они существуют не только в мире басен.

Чаще всего в этих беседах упоминался «толстокожий». Я думал, что это гигантский африканский бородавочник, не раз вводивший в заблуждение исследователей. Так, в 1904 году был «открыт» *Hylochoerus meinertzhageni*, описание которого наряду с африканским бородавочником и кистеухой свиньей еще в 1688 году дал голландец Даппер. Пай Смит сообщал, что это очень редкое животное встречается в Либерии. Вот я и решил сначала, что речь шла о гигантском африканском бородавочнике, но подробные сведения, полученные от местных жителей, заставили меня отказаться от этой мысли.

Я пришел к выводу, что в горных районах, в частности в верхнем течении реки Кавалла, обитает карликовый носорог. Правда, до сих пор его не удалось обнаружить. Значит ли это, что такого животного вообще нет в природе?

А зумби — карликовый слон западноафриканской области гола? О толстокожем, имевшем все признаки этого животного, я услышал от африканцев из племени гола, но был тогда настолько поглощен поисками карликового бегемота, что не имел ни малейшего желания

---

* Так жители Либерии называли карликового бегемота.

разыскивать еще и зумби. Однажды он неожиданно появился перед мной, но я был лишен возможности выстрелить. Позднее я шел по следу этого животного, как вдруг набрел на свежий навоз карликового бегемота — того самого, которого мне было поручено вновь «открыть». С тех пор я никогда больше не встречал зумби и так и остался в долгу перед наукой.

В поисках бегемота либерийского я наткнулся как-то раз на куст, покрытый очаровательными маленькими созданиями. Своей резвостью они напоминали крошечных белок серо-коричневой окраски.

Я всунул руку в куст. Маленькие забавные существа метались по моей ладони, усаживались на ней, подобно зайцам, на задние лапки, проворно перепрыгивали с цальца на палец. Мне бросились в глаза их длинные хвосты с вертикально растущими волосками по обеим сторонам. Я попытался схватить одно из животных за хвост, но он тут же переломился, настолько хрупкой была цепь мельчайших позвонков, обтянутых тонкой кожей.

Это бесспорно были карликовые мыши неизвестной мне разновидности. Я находился на охоте и не имел при себе никакого сосуда, в котором мог бы сохранить живыми несколько зверьков. Правда, один из моих спутников нес банку со спиртом. Я велел открыть ее, чтобы по крайней мере заполучить одно или два невиданных существа для коллекции.

Но карликовые мышата глядели на меня похожими на бусинки глазками так лукаво-доверчиво, что у меня не хватило духу употребить во зло их доверие к загадочному великану. «Не обязательно сделать это именно сегодня», — подумал я. Завтра или послезавтра я вернусь сюда и тогда присоединю прелестную карликовую мышку к моему зверинцу.

Никогда — ни в тот период, ни позднее — мне, да и другим исследователям тоже, не удавалось напасть на след этого своеобразного зверька. Больше всего меня огорчает то обстоятельство, что, как выяснилось в Германии, я видел и даже держал в руке животное, неизвестное науке. Мне удалось обогатить зоологию несколькими открытиями. Это *Bubalus schomburgki* (либерийская разновидность буйвола), раковина *Mutela hargeri*

schomburgki, пять разновидностей дождевого червя, из коих двоим присвоено мое имя. Либерийская мышка могла бы пополнить этот список.

В 1911 году, когда я находился в районе среднего течения реки Конго, один европеец показал мне клочок звериной шкуры грязно-красно-коричневого цвета, который мог, по моему убеждению, принадлежать только толстокожему. Европеец рассказал, что коренные жители подробно описали ему животное. По всем признакам, это разновидность слона, обитающая в воде. До тех пор пока зверь с такой шкурой не будет обнаружен, я останусь при своем мнении, что в обширных болотах камерунского Утиного носа * ждет своего открытия неизвестный науке родич великана из африканских дебрей. Ведь навел же клочок шкуры на след окапи!

Окапи — разновидность жирафы с маленькими рожками, короткой шеей, черными и белыми полосами на ногах — удалось обнаружить пока лишь в Конго. Это редкое животное очень робко. Может быть, в один прекрасный день его найдут и в не исследованных пока еще девственных лесах Либерии? Для меня это не было бы неожиданностью.

Во время второго путешествия по Либерии я познакомился с одним местным чиновником — африканцем. Он свободно говорил и писал по-английски, владел несколькими африканскими языками и диалектами и проявлял большой интерес к животному миру своей родины, что меня особенно к нему привлекало.

Я показал ему работу Гарри Джонстона о Либерии и с радостью установил, что он знает, как называют всех изображенных в ней животных жители различных районов. Это была неоценимая помощь. Благодаря ему я смог собрать среди местного населения интересующие меня сведения о животном мире.

Вскоре я расстался с моим новым другом на несколько месяцев: он уехал на север Либерии, где прошел через неисследованный и необитаемый лес Сью.

— Послушай! — взволнованно воскликнул он при первой же встрече. — Я видел в лесу Сью неизвест-

---

* Северная часть Камеруна, вошедшая в 1961 году в состав Нигерии.

ное мне животное, которого нет и в твоей книге. Оно похоже па оленя.

Либерийцы антилоп всех видов называют оленями.

— Значит, олень? — спросил я.

— Нет, не олень. Это зверь величиной с осла, у него длинная шея, маленькая голова без рогов. Он полосатый, но это и не бонго.

Я также подумал прежде всего о самке бонго — одной из разновидностей антилоп. Однако мой друг был уверен, что встретил зверя, которого никогда еще не видел, — притом не бонго и вообще не антилопу. Спина животного сзади была покатой. Не встретил ли он в лесу Сью, вдали от Конго, животное, именуемое окапи?

Я не сомневаюсь, что коренным жителям некоторых лесных и болотистых областей известны животные, о которых наука еще ничего не знает. Не раз во время многочасовых бесед повторялись совершенно мне незнакомые названия животных. Неужели посвященные им бесчисленные рассказы, сказки, легенды всего лишь плод фантазии? Напомню рассказы о тигрольве, будто бы живущем в излучине Нигера, об исполинской гиене, о водяном леопарде, изображенном, как полагают, в каменном фетише — мафуэ *. Другие путешественники по Африке тоже часто слышали о них.

Когда в 1907 году я впервые охотился близ озера Бангвеоло в Северо-Западной Родезии, мне показалось странным, что у болотистого восточного берега озера совсем не водятся бегемоты; у западного же берега они встречаются, правда, небольшими стадами.

Я заговорил об этом с местными жителями. Мне рассказали, что толстокожие избегают болот, соединяющихся протоком с озером, так как в нем обитает зверь, пожирающий бегемотов. Сообщили мне и название этого таинственного хищника. Но, когда я попросил его повторить и захотел получить более подробные сведения, африканцы, обычно столь словоохотливые, будто воды в рот набрали. Впоследствии я не раз пытался завести беседу о таинственном обитателе озера, но мне так и не удалось вновь услышать это название, на которое я в свое время не обратил внимания. Мне только подтвер-

---

* См. стр. 151.

дили, что водяной зверь пожирает бегемотов, хотя уступает им по размерам.

Когда 24 года спустя — в октябре 1931 года — я снова оказался у озера Бангвеоло, один из первых моих вопросов относился к мифическому животному. Мне удалось лишь выяснить, что коренные жители называют этого зверя шимпекве.

Существует ли он еще? Или вымер за эти годы? А быть может, его не было уже и тогда, когда я впервые о нем услышал? Относится ли он к ящерам, о которых рассказывают в других частях Африки?

В Центральной Африке ходят слухи о звере, известном коренным жителям под названием мокеле-мдебе. Туловищем и ногами он напоминает бегемота, шея, заросшая гривой волос, имеет такую же длину, как у жирафы, на носу — длинный, загнутый назад рог.

Барон Штейн, руководивший немецкой экспедицией в Конго, видел следы мокеле-мдебе и пришел к выводу, что в этой области существует небольшой ящер, сохранившийся, очевидно, с допотопных времен.

Еще в конце прошлого века бушмены рассказывали, что близ озера Нгами, некогда занимавшего гораздо большую площадь, водились вымершие сейчас звери.

Речь шла о чудовищах, превосходивших своим весом слонов, и об огромных змеях длиной 10 метров, способных целиком заглатывать капского оленя. Этих древних животных можно различить на изображениях, найденных в некоторых бушменских пещерах. Бушмены уверяли, что им известно и о пресмыкающемся с рогом на голове — оно жило в воде и подстерегало добычу там, где кончались камыши. В пещере близ Бранкфонтейна можно видеть хорошо сохранившееся изображение этого змея — коо-бэ-энга.

В прежние времена бушмены охотились на огромного зверя, которого называли «властителем вод». Он был больше и сильнее бегемота и обитал в болотах и в камышах у берегов озер и рек. Этого зверя старались загнать в западню, которую строили из бревен, сучьев и камыша. Придя в ярость, «властитель вод» пытался освободиться и вздымал, по уверениям бушменов, такие волны, что возникали водяные завесы, в которых солнечные лучи, преломляясь, создавали радугу. Даже в западне

исполин иногда ухитрялся убить нескольких охотников. Рисунки с изображением «властителя вод» также обнаружены в пещерах бушменов.

Во время путешествия по Либерии в 1924 году мне довелось услышать в области ваи, в верхнем течении реки Морфи, описание четвероногого зверя, известного среди коренных жителей под названием «ту». По их словам, зверь этот величиной с козу, зубы у него, как у собаки, шкура черная; встречается он очень редко и отличается чрезвычайно злобным нравом. В деревнях об его существовании знали лишь немногие, но все местные охотники, которых я расспрашивал, утверждали, что видели его.

Не стану скрывать от читателя, что некоторые зоологи считали, будто я рассказываю сказки. Подобные упреки лишены оснований. Ведь мои наблюдения над языком знаков и телепатией у крупных зверей, опубликованные в 1910 году, тоже расценивались как вымысел до тех пор, пока профессор Миланского университета Фердинанде Гаццамали не подтвердил их экспериментальным путем. Когда в 1910 году я выступил с сообщением о том, что в озере Бангвеоло встречаются раковины, устрицы и улитки (меня в данном случае интересовали не столько сами эти существа, сколько происхождение озера), этот факт оспаривался. Только в 1931 году сопровождавший меня в экспедиции специалист-зоолог, основываясь на совместных находках, подтвердил, что я был прав.

Разумеется, вопрос о существовании того или иного животного может быть решен только при наличии бесспорных научных доказательств. Столь же несомненно, однако, что некоторые животные все еще неизвестны науке и что первым шагом к уже сделанным бесчисленным открытиям явились сообщения, которые иные «трезвые знатоки» относили к области басен.

●

Находясь в Либерии, я очень часто вспоминал о книге моего двоюродного деда Роберта Шомбурка «Путешествия в Гвиане и по Ориноко», изданной в 1841 году. Девственный лес Западной Африки негостеприимен. Бо-

лее густым и непроходимым не может быть даже девственный лес Южной Америки. Тем не менее мысль о двоюродном деде придавала мне бодрость. Как бы неприятны ни были безногие пресмыкающиеся в глубине Либерии, особенно на берегах рек, там все же водилось куда меньше вредных насекомых, скорпионов и змей, чем во время пребывания Шомбурка-старшего на берегах Амазонки.

Как часто внезапно оживали «сучья деревьев», изогнувшихся над рекой, когда я безмятежно подплывал к ним в челне. Большинство древесных змей зеленого цвета: даже опытному глазу трудно отличить их от свешивающихся в воду ветвей. Как не вздрогнуть в испуге, когда всего в нескольких метрах от нарушителя спокойствия змея вдруг выпрямляется и начинает извиваться по направлению к его лицу, как не отпрянуть назад... это рефлекторное движение может спасти путешественнику жизнь: ведь укус этих змей, да еще в лицо, как правило, смертелен.

Выяснилось, что я плохо знаю девственный лес. Тишина его действовала на меня гнетуще. Не видно и не слышно было ни единого животного. Звериные тропы и редкие дорожки между поселениями людей совершенно опустели.

В сезон дождей жители Либерии избегают леса. Они предпочитают отсыпаться и покидают хижину только для того, чтобы отправиться в дом, где ведется беседа. Может показаться, что в течение всего сезона дождей страна погружена в сон.

В это состояние сезонной летаргии впали также и мои спутники. Они не роптали, но были способны говорить только об одном: о страданиях, которые причиняет им вечная сырость. Переходы с каждым днем сокращались, взоры моих спутников становились все более грустными, они молили о сочувствии и одновременно выражали все большее сострадание ко мне. Им было непонятно, что за причина, кроме глупости, заставляет этого белого, да еще в такое время, когда вся жизнь замирает под низвергающимися с небес потоками, искать на скользких тропах и болотистых берегах рек следы, которые тот же дождь все равно смоет через несколько часов.

Гагенбек купил в Конго слона. Я использовал период ожидания, навязанного мне природой, чтобы съездить за толстокожим. Не зная, чем кончатся мои приключения в девственных лесах Либерии, я решил поискать других зверей, которые могли бы заинтересовать фирму. Мне ни в коем случае не хотелось явиться к моему покровителю с пустыми руками.

Немецкий грузовой пароходик доставил меня в Матади на Конго. Два дня спустя я приехал на поезде в Киншасу. Конго образует здесь огромное озеро, названное в честь его первооткрывателя Стэнли-Пулом. На другом берегу его, напротив бельгийского поста, во Французском Конго расположен город Браззавиль. Уже в то время отсюда ходило вверх по реке много пароходов.

Читатели моих книг, вероятно, не забыли, что неподалеку от Браззавиля я купил самку шимпанзе, по кличке Клео. Это было самое проказливое животное из всех, встречавшихся мне за время путешествий по Африке. Клео служила украшением зверинца, который несколько месяцев спустя я погрузил на бельгийский пароход, отправлявшийся в Антверпен. Кроме слона и Клео, в состав транспорта животных, собранного мной для Гагенбека, входили еще два шимпанзе.

Немало хлопот доставил слон, вернее слониха, обладавшая довольно длинными бивнями и отнюдь не относившаяся к числу наиболее добродушных представителей своего вида. Маленькому Джумбо можно было разрешать бегать без надзора, ибо он, несмотря на нахальные проделки, был безвреден. Толстокожую же даму из Конго приходилось неотступно сторожить моему егерю и слуге Моморо. Он предупреждал об ее опасном нраве всех, кто к ней приближался. Она не только была упряма, но и имела обыкновение драться, а иногда неожиданно бросалась в атаку.

В Антверпене мы пережили неприятное приключение. До получения из Гамбурга необходимых перевозочных средств я временно поместил зверей в тамошний зоологический сад. Наконец багаж прибыл, и всех зверей, кроме слонихи, рассадили по клеткам, в которых им

предстояло проделать путешествие в Гамбург. «Упаковкой» слонихи я решил заняться сам после возвращения из гостиницы, где у меня еще оставались кое-какие дела.

Персонал зоологического сада пожелал преподнести мне сюрприз и подготовить слониху к поездке без моей помощи. Сюрприз, правда, удался, но совсем иного рода, чем предполагалось.

Когда я вернулся к зверям, все служащие сада, начиная от директора и кончая контролерами у входов, находились в величайшем волнении. Толстокожая дама добровольно покинула участок, на котором гостила, но, завидев клетку, подняла хобот и в бешенстве стала носиться по саду. За ней бегала толпа беспомощных служителей. Все это произошло рано утром, посетителей было немного, и их удалось своевременно предупредить об опасности.

К моему приходу слониха, видимо, устала. В сопровождении преследователей она шла мне навстречу по одной из обсаженных цветами дорожек. Взгляд, который она на меня бросила, не отличался дружелюбием. Тем не менее старая приятельница сразу меня узнала, дала взять себя за ухо и отвести в клетку, не оказав никакого сопротивления.

●

Я провел в Европе всего несколько недель, которые отнюдь нельзя отнести к лучшим в моей жизни. Меня считали фантазером и даже явным хвастуном. Никто не поверил моим рассказам о существовании карликового бегемота. Даже сам Гагенбек недоверчиво отнесся к моему сообщению о том, что на реке Дуквее всего в нескольких метрах от себя я видел двух столь рьяно разыскиваемых нами животных. Он был совершенно убежден, что я принял за карликовых бегемотов двух молодых гиппопотамов. Вопрос о том, отменяет ли он свое поручение, то есть считает ли, что я потерпел поражение, оставался, однако, открытым. Узнав, что я уже готовлюсь к следующему путешествию и полон решимости добыть доказательства своей правоты даже без его помощи, Гагенбек согласился принять участие в предприятии, взяв на себя половину расходов.

В сочельник 1911 года я снова высадился в Монровии, а в начале нового года с большим караваном носильщиков отправился в девственный лес, чтобы использовать сухой сезон для поисков карликового бегемота.

Не прошло и трех месяцев со дня моего вторичного вторжения в либерийские девственные леса, как главная цель путешествия была достигнута: 1 марта 1912 года мне удалось изловить первого карликового бегемота. В Германию я привез целых пять. Из них три были проданы в Бронкс-парк — большой зоологический сад Нью-Йорка.

С КИНОКАМЕРОЙ ПО ТОГО И ЛИБЕРИИ (1912—1914 и 1923—1924)

В августе 1908 года приближался к концу большой переход по Африке, предпринятый мной и Хеммингом. С нами шел Джумбо, мой маленький слон.

Перед вступлением в Морогоро мы осмотрели нашу одежду. Я облачился в единственную пару брюк, не имевшую дыр величиной с кулак, и в последнюю не совсем рваную рубашку. Наши спутники надели самые пестрые передники, и даже Джумбо полил свою запыленную спину водой. Теперь мы могли войти в город.

И тут мы увидели на обочине дороги ящик на треножнике, покрытый черной материей. Из-под нее показался худощавый человек, с которого градом катился пот. Энергично жестикулируя и не жалея слов, человек старался дать нам понять, чтобы мы шли своей дорогой и не обращали внимания на диковинное зрелище.

Когда, слегка смущенные, мы снова пустились в путь, бросая украдкой взгляды на загадочный ящик, человек этот начал быстро крутить ручку, причем ящик издавал жужжание.

Такова была моя первая встреча с кинематографом.

Довелось мне присутствовать и при проявлении пленки. Это происходило в подвале у одного араба. Глубина и толстые стены подвала должны были, по воз-

можности, изолировать нас от африканской жары. В помещении чувствовалась прохлада, вода тоже оказалась сравнительно холодной, пленку намочили и натянули на барабан для просушки, после чего двое африканцев принялись вертеть барабан. Кусочек светочувствительного слоя отскочил от пленки и ударился о стену, за ним последовал другой, слой эмульсии стал рассыпаться. Хлоп-хлоп-хлоп — напрасно люди старались принять самые выгодные позы, съемка, может быть, и удалась, но фильм не получился...

В течение многих лет мне все казалось, что я слышу: «хлоп-хлоп-хлоп». Всякая мысль о киносъемке вызывала воспоминание об этом раздражающем звуке. И тем не менее отделаться от этих мыслей я уже не мог.

Мы с Хеммингом были страстными фотографами. Успех моих первых лекций на родине показал неоценимое значение наглядных иллюстраций к тому, что мы пережили. Как ни эффектна устная речь, она не может заменить собой изображение, а тем более движущееся изображение на киноленке. Но как велики трудности, с которыми сталкивался в глубине Африки фотограф, а тем более кинооператор!

Я не вижу ничего особенного в том, что, отправляясь в тропическую жару на поиски подходящих сюжетов в кишащий москитами девственный лес, в травяной лабиринт бескрайних равнин, в иссушенную солнцем степь, мы день за днем ставили на карту жизнь. В конечном счете охота с фотоаппаратом или кинокамерой была не опаснее охоты с ружьем.

Ночью мы развешивали на ветру мешки с водой, чтобы иметь «холодный» фильтр, когда, задолго до рассвета, примемся за работу. Палатку или какую-нибудь хижину можно было затемнить. Но против климата мы оставались бессильны. Даже когда мы работали совсем голые, наше «прохладное» помещение напоминало парилку. Зато как поднималось наше настроение, когда при проявлении перед нами появлялась антилопа, мирно пасущаяся, стройная, сильная и такая неописуемо прекрасная, какими создает свои творения лишь природа. А потом на пластинке вырастал толстокожий исполин с поднятым хоботом, учуявший нечто необычное. Или же перед нашим взором возникали люди, поглощенные ре-

лигиозным танцем, а то и просто тропический пейзаж во всей его величавой красоте...

Часто случалось, однако, что едва лишь на пластинке появлялось изображение, как светочувствительный слой начинал пузыриться. Несмотря на все усилия, вода оказывалась недостаточно прохладной, квасцы, даже если мы располагали ими в достаточном количестве, не в состоянии были закрепить этот слой. И снова все труды и старания пропадали даром.

Уже в 1908 году я пришел к выводу, что одного энтузиазма недостаточно. Чтобы преодолеть все непредвиденные препятствия, необходимо тщательно изучить технические и химические особенности фотографирования и киносъемки в тропических условиях.

●

Человек с ящиком, приветствовавший нас при вступлении в Морогоро, оказался немецким пионером кинематографии Шуманом. Первая его экспедиция закончилась полным крахом. Он, однако, не пал духом и незадолго до первой мировой войны привез из Африки фильм «Что дали мне дебри?», с восторгом встреченный в охотничьих и спортивных кругах.

Как известно читателю, меня привели в Либерию другие чаяния. Когда незадолго до наступления XX века я впервые ступил на землю африканского материка, эпоха великих открытий была уже завершена. Из охотника на крупную дичь я превратился в исследователя; на родине я убедился, с каким живым интересом относятся представители всех слоев населения к своеобразному животному миру и нравам африканцев, близких к природе.

Но я знал также, что с каждым годом усиливается проникновение европейцев в Африку и колониальная эксплуатация этой богатой части света, что недалеко уже то время, когда только в недоступных глубинных районах можно будет наблюдать жизнь коренного населения в первобытном состоянии.

Было время, когда львы настигали спасавшихся бегством антилоп у самого подножия Столовой горы. До массового истребления крупной дичи европейцами белые

носороги водились во всей Южной Африке. Это подсказывало мне, что, чем быстрее пойдет разработка природных богатств материка, тем меньше времени останется у исследователя, поставившего перед собой задачу: открыть неведомую Африку при помощи кинокамеры, предоставить своим современникам возможность собственными глазами увидеть африканские условия жизни и познакомить с ними потомство.

Необходимо было преодолеть технические и климатические трудности и запечатлеть на пленке людей и зверей Африки в их природной среде. Я не хотел опоздать еще раз.

●

Осенью 1912 года я снова сошел на берег Либерии. Эту страну я выбрал потому, что во время экспедиций за карликовым бегемотом встретил там полную поддержку со стороны властей и сделал ряд этнографических наблюдений, которые мне теперь хотелось отобразить в фильме. Меня не интересовали сенсационные картины типа американских боевиков о диком Западе, в которых публике преподносится такая «действительность», какую можно увидеть только во сне. В то же время мне представлялось, что на первых порах я должен отказаться от съемки животных.

Меня сопровождали молодой художник Кай Х. Небель и гамбургский кинооператор Георг Бюрли (их обоих уже нет в живых). Мы взяли с собой самое лучшее оборудование. Зная о всех трудностях съемки и проявления пленки, я не нашел времени, для того чтобы овладеть необходимыми техническими навыками. Небель и я целиком зависели от Бюрли.

Довольно скоро я решил перенести сферу наших операций из Либерии дальше на восток — в Того. Правда, к тому времени я уже не был так самоуверен, как при высадке в Монровии, ибо в девственных лесах Либерии приобрел весьма печальный опыт.

Материалы, видимо, не выдерживали тропической жары. Несколько негативов оказались испорченными еще до проявления, но куда больше огорчений доставил сам процесс проявления пленки. Температура с трудом

охлажденной воды быстро поднималась, причем верхний слой нагревался быстрее, чем нижний. Грубо говоря, сверху все было запроявлено, а снизу — недопроявлено.

Все наши усилия добиться иных результатов были безуспешны. Пришлось ограничиться пробным проявлением нескольких кусков негативной пленки в обыкновенной ванне, а непроявленные негативы отправить в Европу.

В Того мы начали работать также на побережье. Сюжетов было полным-полно, с точки зрения кинематографии вся Африка представляла собой целину. Люди наперебой старались привлечь наше внимание к достопримечательностям страны. Мой друг барон Антон Коделли фон Фаренфельд пригласил всех членов экспедиции в Камину. Около 160 километров, отделявших нас от этого пункта, мы проехали по вновь построенной железной дороге, которая вела из Ломе в глубь страны. В Камине я заболел злокачественной амебной дизентерией.

Для меня осталось загадкой, где мог я подхватить эту болезнь. Во время предыдущих путешествий я не раз был вынужден пить настолько грязную воду, что ее приходилось процеживать через носовой платок, конечно, далеко не стерильный. Не вредила мне и вода из болот, в которых только что валялся какой-нибудь слон. Но в Того опасность заболевания вошла в поговорку среди европейцев, а потому мы все время старались пить минеральную или кипяченую воду и ею же полоскали рот. В самой Камине моих губ не коснулась ни одна капля кишевшей микробами жидкости. Тем не менее ни до, ни после я не болел дизентерией в такой тяжелой форме, как там.

В смысле ухода и диэты я получал все, что может быть предоставлено больному в доме друга. И все же коварная болезнь не оставляла меня. Невзирая на свое состояние, я уговорил Коделли отвезти меня на мотоцикле в Сокоде. Бюрли и Небель уже были там.

В то время к Сокоде уже была проведена дорога, находившаяся, правда, в жалком состоянии. Чтобы избежать зноя, мы ехали ночью. Волшебное сияние луны превратило тряскую дорогу в серебристую ленту, протянувшуюся через мрачный тропический лес Африки.

Вдруг на расстоянии всего нескольких метров от нас освещенная неверным светом нашего карбидного фонаря показалась река. «Есть ли здесь мост?» Кругляки, из которых он был построен, подбросили мое измученное тело, прежде чем я успел произнести этот вопрос. Дальше к северу тянулись заросли, а за ними снова степь.

Поездка по такой дороге очень утомительна. Солнце уже встало, когда впереди появился холм. Мой друг дал полный газ, и несколько минут спустя мы въехали во двор маленького поста. Там нас с нетерпением ожидали Бюрли и Небель. Они приготовили мне постель в доме для приезжих европейцев.

Скорее мертвый, чем живой, я погрузился в сон. Проснувшись через 20 часов, почувствовал себя здоровым. Наша кинокамера снова затрещала. Южная часть Судана* была идеальным местом для съемок. Верхом на чудесных суданских лошадках, купленных по дешевке, мы переезжали с места на место. Африканцы просто и естественно позировали рьяным кинооператорам. Мне особенно запомнилась деревня Паратау и вождь Уру Дшабо.

Однажды вечером, вернувшись в лагерь после трудового дня, который показался нам особенно удачным, я нашел телеграмму из Европы. В ней сообщалось всего-навсего, что полученные от нас кадры недостаточно контрастны, сняты при плохом освещении и непригодны.

Эта весть, какую мог бы получить Иов**, сопровождалась соответствующим распоряжением. Я не имел возможности снарядить экспедицию на собственные средства и теперь должен был выполнить требование людей, финансировавших наше предприятие. Пришлось уволить обоих моих сотрудников и распродать аппаратуру. Первые шомбуркские киносъемки в Африке закончились провалом.

Я тут же отправился обратно в Европу. Небель остался в Африке. Мы решили продолжить работу, как только я выясню причины наших неудач.

---

* Автор имеет в виду Западный Судан.

** Согласно библии, Иов получал одну за другой вести о постигших его несчастьях.

Гамбургские друзья поручили проявить кинопленку одной английской фирме, поэтому я отправился прямо в Лондон. На Темзе, как и на Альстере, считали, что причиной неудачи явилась неподготовленность нашего оператора.

В разговорах с лицами, предоставившими средства на экспедицию, как говорится, коса нашла на камень. Они хотели заработать, но не хотели работать подобно Небелю, мне, Бюрли, который старался, как умел. Правда, умел он немного. Однако, с моей точки зрения, гораздо большее значение имела недостаточная приспособленность нашей аппаратуры и материалов к условиям тропиков.

Лишь много позднее я узнал, что далеко не все заснятые нами кадры были так плохи, как это утверждали в Лондоне и Гамбурге. Ни мои друзья, ни я сам не сочли нужным после нескольких разочаровавших нас проб проверить всю пленку, отправленную для проявления в Лондон. Лишь после первой мировой войны мне стало известно, что подвизавшийся в Англии чрезвычайно деловитый американский продюсер отправил в Гамбург только те кадры, которые оказались непригодными, тогда как в США демонстрировался фильм, смонтированный из других наших материалов. Только в 1926 году мне удалось познакомить немецкую публику с этой частью моей работы.

Тут я понял, что должен сам овладеть техникой кинодела. Кроме того, я убедился, что Георгу Бюрли больше всего мешало то, что он был недостаточно знаком с особенностями Африки. Как ни тяжело мне было расстаться с Бюрли — чудесным человеком и хорошим товарищем, я пригласил другого оператора — молодого англичанина Джимми Ходсона, имевшего известный опыт и с радостью согласившегося отправиться в Африку. Несколько дней спустя мы находились уже на борту судна, которое должно было доставить нас в Того, где дожидался Небель.

Чтобы заинтересовать английских заимодавцев в моем предприятии, пришлось сделать им уступку. Я обязался включить в план работ съемку художественного

фильма. Мег Гертс была первой киноактрисой, проникшей в глубь Африки, первой белой женщиной, пересекшей Того с юга на север.

●

Когда мы высадились в Ломе, над городом развевался желтый флаг. На побережье Того свирепствовала желтая лихорадка, самая коварная из всех тропических инфекционных болезней. В то время лишь небольшой процент заболевших ею людей оставался в живых. Настроение в Ломе было подавленное.

Уже в день высадки на берег мы с кинооператором сели в поезд, который доставил нас в Камину. Здесь мы приступили к работе. Джимми Ходсон не обманул моих ожиданий. Снятые им кадры я отношу к числу шедевров раннего периода развития кино.

С некоторым предубеждением приступил я к съемке игровых фильмов — первых в краткой еще истории кинематографии, которые снимались в Африке. И сейчас вижу Мег Гертс, скачущую верхом на горячем жеребце из Борну по залитой солнцем степи. В ее лице мы нашли хорошего товарища и, вероятно, лучшую из всех европейских актрис, которые согласились бы участвовать в столь невыгодном предприятии. Зато я в роли режиссера оставлял желать лучшего.

Непревзойденными оставались действующие лица из числа местных жителей, которые играли самих себя. Они не испытывали никаких затруднений, не думали о воздействии на зрителя. Я хорошо понимаю тех режиссеров, которые утверждают, что лучшие актеры — дети и животные, потому что и те и другие держат себя совершенно непринужденно.

И снова я заболел в самый разгар съемок. Число перенесенных мной припадков малярии и без того приближалось уже к трехзначной цифре. На этот раз именно в Того, где снабжение медикаментами было поставлено гораздо лучше, чем в других областях Африки, меня одолела такая лихорадка, что порой казалось, будто тело мое разрезано на две части и каждая испытывает муки самостоятельно.

Было решено вызвать врача из Атакпаме.

— Лихорадка, — констатировал он, — лихорадка в тяжелой форме. Очень увеличена селезенка. Раза в четыре против нормального. Смеяться, кашлять и делать резкие движения вам нельзя. Иначе селезенка лопнет, и тогда конец.

— Не отправиться ли мне в Европу? — спросил я.

— Не советую. Умереть можно и здесь. Но до этого еще не дошло. Найдется у вас в доме что-нибудь годное для питья?

У меня нашлось, и мы стали лучше понимать друг друга. Смертельно больным в Африке считается лишь тот европеец, которому европейский врач советует для «окончательного» выздоровления поехать на родину.

Я глотал хинин то в бóльших, то в меньших дозах. В полдень мне казалось, что я теряю рассудок, а к вечеру в ушах стоял такой гул, словно я лежал у водопада Виктория.

Меня навещал окружной начальник, испытывавший еще большую жажду спиртного, чем врач. В случае моей смерти ему пришлось бы расчистить европейское кладбище, чтобы достойно похоронить мою селезенку; при этом он мог нажить неприятности из-за того, что человек, в какой-то степени известный, отдал здесь концы. Мне следовало любезно отказаться от этого намерения.

И я отказался. Две недели спустя мы смогли продолжить наше путешествие и зашли в глубь Судана дальше, чем когда-либо прежде. Разумеется, я снова гостил в Паратау у моего друга Уру Дшабо, принадлежавшего к племени котоколи.

Как-то раз я пригласил его отобедать со мной. Уру Дшабо появился с большой свитой. С полным сознанием своего достоинства вождь осведомился через переводчика, «чиста» ли тарелка, с которой он будет есть. Как правоверный мусульманин он мог пользоваться ею только в том случае, если на ней никогда не лежала свинина. Я ответил на его вопрос утвердительно. Тут его взгляд упал на нож и вилку.

— Мой друг поймет, что я незнаком с употреблением этих предметов, — передал он мне, — и разрешит осведомиться, как пользоваться ими, чтобы хозяину не пришлось стыдиться гостя.

Уру Дшабо напоминал великих властителей Судана, создателей могущественных империй, чья власть распространялась на обширные территории. К сожалению, мы очень мало знаем о той эпохе, как и вообще об истории Африки. Нам почти ничего неизвестно о культурах, существовавших некогда на юге и в глубине африканского материка.

●

Мы отправились в Бафило, чтобы заснять производство хлопчатобумажных тканей. Сейчас это ремесло бесспорно вытеснено цивилизацией. Искусство ткачества в этих краях постигли еще в то время, когда здесь подвизались арабские купцы.

Мы засняли прилежных африканцев, трудившихся над изготовлением декоративных поясов. Поражала своей красотой их разрисовка. Ее мотивы, очевидно, были когда-то заимствованы у разъезжавших по всему свету купцов. К сожалению, тогда еще нельзя было запечатлеть на пленке всю чудесную гамму красок этих изделий.

Путь наш вел дальше на север. В районе Сансанне-Манго жило племя тамберма, слывшее воинственным. Каждый род строил себе укрепленный «за́мок» с плоской крышей, на которой располагались его защитники. Как и большинство африканских строений, «за́мки» сооружались из глины, но в отличие от других жилищ африканцев имели два этажа. Внизу содержался скот, наверху жили люди. Были у них и башни для хранения зерна.

Укрепленные жилища обычно возводили в кустарнике или в густом лесу. Вид у них был мрачный и далеко не мирный. Однако впечатление это было так же обманчиво, как и репутация жителей. При более близком знакомстве тамберма оказались робкими людьми, которых жизнь сделала недоверчивыми и заставила принять меры к защите своего жалкого существования.

Поля, засеянные большей частью просом, окружали дома тамберма. Люди этого племени ходили голые. Мужчины были вооружены луками и стрелами; женщины носили ожерелья из раковин каури. Самым ценным достоянием тамберма (как и соседнего племени конкомба)

был боевой шлем — половинка тыквы, украшенная раковинами каури и увенчанная рогом антилопы. Полевые работы выполняли женщины, мужчины же, если не находились в походе, охотились.

Конкомба, пожалуй, самые красивые из жителей Того. Мы познакомились с ними, когда возвращались к побережью, следуя вдоль реки Оти до самой границы с Французским Суданом. Конкомба уже тогда вели обширную торговлю шлемами, похожими на шлемы тамберма. В отличие от большинства племен этой части Того конкомба носили легкую одежду.

Кстати сказать, там широко распространен хамелеон. Меня удивлял страх, который столь безвредное существо внушало коренным жителям. Стоило мне с хамелеоном в руке приблизиться к вооруженным луками и стрелами конкомба, как храбрые воины обращались в бегство. Мне так и не удалось узнать, какие «колдовские чары» приписывали они маленькой ящерице.

В Сокоде, на обратном пути к побережью, нас ожидал грузовик — новинка африканского транспорта; он более или менее регулярно совершал рейсы между Атакпаме и Сокоде. Мы достигли конечного пункта железной дороги за столько часов, сколько дневных переходов пришлось бы совершить для этого раньше нашей экспедиции. Поезд доставил нас (и двух страусов, которых я прихватил в Европу в качестве подарка гамбургскому зоологическому саду) в Ломе. Там мы погрузились на судно, направлявшееся в Германию.

●

Прошло более девяти лет, прежде чем я снова увидел свою любимую Африку. Четыре года войны и пять лет экономического и финансового кризиса лишили меня возможности путешествовать. Однако успех лекций, с которыми я выступал во многих немецких городах — как во время войны, так и после ее окончания, — укрепил меня в намерении при первой возможности возобновить деятельность в Африке.

Нужно ли говорить о том, как велики были трудности, которые пришлось мне преодолеть в годы после первой мировой войны? Через фирму «Заморские фильмы,

товарищество с ограниченной ответственностью» мне удалось сколотить необходимые для экспедиции средства. Консул Либерии в Гамбурге основал консорциум, взявший на себя дальнейшее финансирование моего предприятия. Мне опять пришлось согласиться на съемки также и игрового фильма.

В столице Либерии — Монровии, куда я приехал в начале 1923 года, произошли большие изменения. Теперь в Либерии имелся даже автомобиль — форд, принадлежавший миссионерам. На нем мы предприняли первое путешествие по Африке в легковой машине. За полтора часа мы достигли Пейнсвилла. В 1911 году мне пришлось провести целый день в челне, чтобы добраться до этого города на опушке джунглей.

В качестве ассистента и техника меня сопровождал Пауль Либеренц, с которым мы быстро подружились. Я многим обязан этому человеку, не терявшемуся ни в каких ситуациях.

С нами был и кинооператор, весьма знающий, но заботившийся о своем комфорте больше, чем позволяют африканские условия. Это не могло не толкать «старого африканца» на грубоватые шутки.

Еще на борту судна зашла речь о том, что в джунглях Либерии водится опасный вид комаров. Мы назвали их «москитами лихорадки черной воды» и обрисовали нашему новичку как хищных насекомых величиной со взрослую саранчу.

Упоминания о гигантском переносчике «лихорадки черной воды» оказалось достаточно, чтобы прогнать с палубы молодого берлинца. Либеренцу стоило немалого труда уговорить оператора высадиться на берег.

Несколько дней спустя мы разбили лагерь в одной деревне. Прошел небольшой дождь, немного освеживший душный вечер. Я сидел у палатки и писал, вокруг летали насекомые, привлеченные светом лампы. Вдруг передо мной появился крайне возбужденный маленький берлинец. За ним стоял Либеренц. Он сосал трубку и, ухмыляясь, имитировал руками чьи-то летательные движения.

— Господин Шомбурк, у вас, разумеется, нет москитов. Но у меня... Я просто не в состоянии все время подвергать свою жизнь опасности. Наконец у меня дома — жена и дети.

Излюбленный рефрен нашего малодушного берлинца был всем уже знаком. Но каким образом перед его палаткой целыми роями летают москиты, в то время как у меня на расстоянии 50 метров от него их нет совсем? Я последовал за оператором.

Одного взгляда на насекомых было достаточно, чтобы все стало ясно.

— Это гудят белые муравьи.

— Белые муравьи, — передразнил он. — Как известно, муравьи водятся на земле и под землей, но не в воздухе. Или вы станете утверждать, что в Либерии муравьи летают?

После дождя муравьиные личинки выползли и поднялись в воздух, но я знал, что в эту ночь они потеряют крылья и вернутся под землю уже муравьями. Убедить в этом нашего друга оказалось делом очень трудным. Подозрения бравого оператора рассеялись только после того, как я спокойно сел за стол и стал ловить лжемоскитов, тысячами летавших вокруг. И все же он ушел в палатку недовольный.

— Странно, что эти паразиты развелись только у меня, а у вас их нет.

Но разве я был виноват в том, что он поставил палатку поблизости от муравьиного «инкубатора»?

●

Съемки игрового фильма продолжались несколько месяцев. Для работы над картиной «Человек и зверь в девственном лесу» оставалось гораздо меньше времени, чем я рассчитывал и чем было нужно. Я уже однажды пережил в Либерии сезон дождей и знал, что он прервет все мои начинания.

Жара причиняла нам много неприятностей. Проникнуть в глубь джунглей оказалось невозможным, съемки зверей производились исключительно с берегов рек. Но это не всегда было минусом, так как девственные леса Либерии настолько густы, что уже на расстоянии нескольких метров нельзя увидеть животное, обладающее к тому же большей частью защитной окраской. Слона, например, трудно не разглядеть; но в тех местах, где лианы и ползучие растения сужали поле зрения до 2 мет-

ров, его нельзя было заснять даже при помощи самого сильного объектива независимо от освещения.

Зато какой обильной бывала добыча наших кинокамер на реках во время отлива! Под высокими корнями мангровых и пандановых деревьев слышались шуршание и шелест. Из зловонного ила показывались отвратительная голова крокодила или блестящее туловище змеи. Время от времени перед плоскодонным челном, в котором я скользил по болотам и прибрежным заводям, в воду нырял пернатый водолаз. Стаи обезьянок шумно резвились в кронах деревьев.

Еще интереснее было наблюдать жизнь мелких существ, которым «старый африканец» обычно не уделяет внимания. Мы останавливались у какой-нибудь илистой банки и в полном молчании выжидали несколько минут... Из ила высовывалась клешня, за ней робко появлялась вторая, третья, и вскоре вся отмель оказывалась усеянной раками-отшельниками. Тут же затем выползали из своих жилищ тысячи более крупных и совсем малюсеньких раков. С большим усердием принимались они за дело: засовывали в рот микроскопические кусочки ила и клешней выталкивали их обратно. Получались катышки, раки накладывали их один на другой, пока не образовывался целый слой таких шариков. Время от времени какой-нибудь рак исчезал в своей норе, но затем поспешно из нее выползал, словно боясь потерять драгоценное время. Тот, кто обладает хорошим слухом, мог не только видеть, но и слышать это явление природы. Казалось, что где-то вдалеке поют; ухо улавливало то более высокие, то более низкие звуки.

Мне не удалось установить, высасывают ли раки из илистых зернышек пищу. Одного неловкого движения, одного звука было достаточно, чтобы маленькие существа с быстротой молнии исчезали, оставив после себя след — шероховатую поверхность ила.

Еще занятнее был другой обитатель илистой банки: *Periophthalmus koelreuteri* — вьюн вислобровый. Стоило потревожить эту рыбку, имеющую около 15 сантиметров в длину, как она начинала скакать по поверхности воды. Терпение наблюдателя вознаграждалось тем, что он видел, как под лучами солнца переливались множеством красок мокрые светло-коричневые и серо-зеле-

ные тела рыб с серебряными, синими, серыми пятнами. Особенно любопытно то, что эти веселые маленькие прыгуны могут существовать не только в воде, но, подобно амфибиям, и на земле. Они плавают и даже ползают при помощи несоразмерно длинных рукообразных грудных плавников. Порой они взбираются на целый метр по корням мангровых деревьев, но, испугавшись чего-либо, немедленно кидаются в воду и удирают прочь.

Боми, как называют их жители Либерии, особенно хорошо чувствуют себя во время отлива в многочисленных ямах у берегов. Приняв вертикальное положение, они разевают рот в ожидании насекомых и с удивительной быстротой ловят их на лету. Нам случалось видеть, как какой-нибудь боми затевал кровопролитную драку с родичем, облюбовавшим ту же лужу, что и он. Воинственно бросался он с поднятым спинным плавником на ничего не подозревающего пришельца. Нередко столкновение перерастало в настоящую баталию. Это одно из тех бесчисленных зрелищ, которые мать-природа повсюду показывает терпеливому исследователю — и в степи, и в пустыне, и в девственном лесу, и на илистом берегу либерийской реки во время отлива.

●

Выполнив в Монровии и в районе побережья * все, что было нами намечено, мы в январе 1924 года по реке Сент-Пол поднялись на лодках в глубь страны. Двигаясь пешком параллельно побережью, мы переправились через реку По и достигли реки Мбао. Это была первая река, протекавшая по настоящему девственному лесу, через которую переправилась наша экспедиция.

Даже если бы мы нашли более совершенные средства передвижения, чем утлые челны коренных жителей, нам пришлось бы соблюдать максимальную осторожность. Ведь мы везли чрезвычайно ценный и чувствительный к сырости груз. Я имею в виду не только пленку (для хранения ее я еще до войны сконструировал нечто вро-

---

* О своем путешествии в Либерию я подробно рассказал в книге «Пульс дебрей», а потому ограничусь здесь несколькими замечаниями общего характера. — *Прим. авт.*

де деревянного термоса), но и химикалии, а также другие материалы, необходимые для проявления кадров.

В моих этнографических исследованиях я всегда придавал большое значение танцам и всюду, где это было возможно, делал зарисовки. Теперь нам удалось заснять в Либерии танцы, которые до этого едва ли видел хоть один европеец.

Я познакомился с одним из вождей ваи — Фоди Массали. Он пришел в свой «город» Бвайгбон, где мы расположились на некоторое время. (Городом называли в Либерии любой поселок, состоявший более чем из 10 хижин.) Фоди Массали не раз выручал меня из затруднительных положений, и я считаю его одним из лучших своих друзей. Он же помог мне устроить народный праздник, позволивший заснять своеобразные пляски его племени.

Началось торжество с того, что раздались звуки зассы — высушенной тыквы, наполненной камешками; к их громыханию присоединился гулкий звон металлических обрезков, помещенных в густой сетке. Ловкие коричневые руки непрестанно встряхивали двойной инструмент.

Сначала танцевали женщины племени. Затем демонстрировали свое искусство бродячие актеры — профессионалы. Один плясал с мечом, делая при этом комичные прыжки с виртуозностью, которая вызвала бы восхищение на лучших эстрадах Европы. Другой выполнял атлетические упражнения. За ним выступил канатоходец из области менде в британской колонии Сьерра-Леоне. Своим искусством он зарабатывал себе на пропитание. На нем был высокий парик из человеческих волос. Одна хореографическая картина сменяла другую, праздник, который начался утром песнями и танцами, закончился поздно ночью...

С обильной кинодобычей мы направились из Бвайгбона к реке Лоффа, служившей границей владений Фоди Массали, а оттуда в Джонду — старейший «город» области ваи. Кроме поставленного правительством властителя Варни Марбу, здесь правил еще и прежний вождь Кинг, который благодаря торговле (в частности, вероятно, и людьми) нажил сказочное для Западной Африки состояние.

Когда обитатели девственных лесов Либерии увидели нашу аппаратуру и убедились, что мы не покупаем слоновую кость и не собираемся охотиться на обезьян, они усомнились в нашем рассудке. Издававший жужжание колдовской ящик с тремя ножками, у которого вечно кто-нибудь стоял и крутил ручку, казался ваи признаком еще не виданного безумия.

В Джонду передо мной встали задачи совсем особого рода. Я приехал туда, чтобы засиять для кино ритуальные танцы. Меня интересовали не веселые деревенские пляски, не танцы охотников и воинов — их можно было видеть во многих местах, — а лишь церемонии тайных союзов *, тщательно скрываемые от взглядов посторонних, а тем более европейцев.

Не успел я хорошенько оглядеться в Джонду, как обнаружил поблизости деревеньку с хижинами из пальмовых листьев — словом, Санде или Бунду — воспитательное заведение тайного союза девушек. Мне стало известно, что через несколько дней здесь состоится выпуск, именуемый «омовением». Он обычно связан со своеобразным ритуалом. Нельзя было терять ни минуты, если я хотел первым из чужеземцев получить разрешение присутствовать на выпускном празднике, притом не в единственном числе, а с кинооператорами и главным действующим лицом — колдовским ящиком о трех ножках.

Правда, Варни Марбу, с которым я познакомился еще в Монровии, обещал мне свое содействие. Но нарушить обычаи племени было не так-то просто, и соглашению должен был предшествовать затяжной разговор. Кинг и Варни Марбу свободно говорили по-английски, но те же обычаи требовали, чтобы они объяснялись со мной через своего вестника, так что моему верному Моморо пришлось переводить его длинные речи. После не-

* В области, которую посетил Шомбурк, все юноши и девушки, достигшие 12—14 лет, должны были пройти определенный курс обучения. Старики передавали им верования, предания и обычаи, учили всему, что должен знать взрослый член племени: мальчиков — охотиться и строить дома, девочек — ухаживать за ребенком и вести хозяйство.

Учение происходило в глухом лесу. Посторонним доступ туда был запрещен, поэтому эти союзы (Санде или Бунду — для женщин, Поро — для мужчин) автор книги называет тайными.

скольких дней словопрений, мы наконец договорились о том, что Варни Марбу зайдет за нами и кружным путем поведет в Бунду.

Это и произошло несколько дней спустя, когда деревня изнывала под лучами полуденного солнца. Чтобы навести любопытных (а также злых духов) на ложный след, мы отправились сначала в сторону, противоположную Бунду. Сопровождали нас только кинооператоры и двое доверенных лиц правящего вождя.

Необходимо было еще добиться расположения главы союза, старой зу *. Ткани, табак и напитки несомненно способствовали успеху переговоров, которые вел наш друг. Пока он беседовал с зу, девушки в нарядах из пальмовых волокон выстроились и приготовились к танцам.

Кинокамеру установили в густых зарослях, скрывавших ее от посторонних взоров. Перед нами находилось место женского фетиша, отмеченное старой деревянной ступкой, какой пользуются женщины для размола кукурузных и кофейных зерен, и большим камнем. Он был подвешен на лианах к поперечной балке, укрепленной на двух вилообразных шестах. Беспокойные ноги девушек утоптали землю: ведь танцу в бесконечных его вариациях уделялось в Бунду самое большое внимание. Черепки и стеклянные бутылки составляли скромное украшение площадки.

Ни одна из сменявших друг друга танцовщиц даже не взглянула в сторону гудящего аппарата. Это было тем более удивительно, что в области ваи воспитательное заведение для женщин окружала такая же таинственность, как и союз Поро для мальчиков. Только по обычаям племени гола девушки во время обучения приходили в деревню демонстрировать свое искусство под аккомпанемент трещотки и большого барабана.

Потупив взоры и согнувшись, девушки выходили поочередно и по знаку старой зу исполняли танец. Начинали они с маленьких шажков, потом кружились все быстрее и быстрее, завершая танец вихревым движением, после которого разбегались по хижинам и в изнеможении падали на циновки.

* Женщина, стоящая во главе воспитательного заведения тайного союза.

Мы сначала сомневались, что сможем довести съемки до конца. Всякий европеец, еще несколько лет назад отважившийся на такое предприятие, поплатился бы жизнью за свою смелую попытку. Тем больше обрадовались мы удаче.

Пережитое нами нервное напряжение не успело улечься, как несколько дней спустя мы решили заснять торжества, связанные с выпуском из союза и возвращением девушек в деревню. Особенно нас интересовали праздник в честь усопших и церемония выпуска. Ведь вряд ли какому-нибудь другому кинооператору посчастливится еще раз присутствовать при этом ритуале.

Однажды утром из Бунду вышла по направлению к деревне торжественная процессия. Впереди шествовали черти *, за ними следовала зу в сопровождении нескольких помощниц. Барабан молчал, слышались звуки одной лишь зассы. Цель церемонии — почтить память усопших, чьи могилы находились посреди деревни. Обычно их было невозможно различить, но теперь на них виднелись кучки риса. Глава союза отчиталась перед мертвыми, испросила их благословения на обряд «очищения» этой местности и на выпуск девушек, который должен был состояться несколько дней спустя.

Нам удалось заснять оба торжества, так как старая зу после долгих уговоров разрешила установить аппарат.

Сотни женщин из соседних деревень приняли участие в празднике листьев — так называлась церемония выпуска. Заключалась она в том, что молодые девушки, покрытые с ног до головы зелеными листьями, возвращались к жизни в кругу семьи, причем после «изгнания чертей» родные вносили за девушек выкуп деньгами и товарами.

Теперь, когда прошло столько лет, я могу сознаться, что мы далеко не всегда были удовлетворены результатами съемок. Тогдашние технические возможности позволяли снимать только днем. Танцы же происходили преимущественно ночью, а нам очень редко удавалось уговорить коренных жителей повторить днем то, для чего и в Африке требуется романтика лунного света.

---

* Имеются в виду люди в масках.

В промежутке между церемониями Бунду мы производили другие съемки и сразу же после праздника выпуска покинули Джонду, чтобы как можно рациональнее использовать несколько недель, оставшихся до начала сезона дождей.

Через густую завесу коварных ползучих растений и лиан мы прорвались к озеру Буру, воды которого окрашены в устрашающе черный цвет. Около двух десятков островков разбросано по озеру. Оно тянется параллельно морю на расстоянии не более 2 километров от него.

На перегруженных челнах мы спустились по ручью Джонни, который, расширяясь, превращается в Рыбачье озеро (коренные жители называют его Писсо). Поблизости от мыса Маунт засняли священного крокодила и вернулись в Бунду. Там мы стали свидетелями такого явления природы, какое редко доводится видеть даже «старому африканцу».

Горизонт заволокли тучи, во мраке ночи зажглись сполохи и отразились в воде озера, на берегу которого мы расположились. Стояла глубокая тишина, ее нарушал лишь шепот ветерка над водной гладью. Его сменил сильный ветер. Он все крепчал и с неописуемой быстротой перерос в бурю, а затем и в ураган. Ударил гром, сотрясший не только домик, где мы нашли убежище, но и землю под ним. Двери, крепко запертые в предвидении опасности, распахнулись, оконные рамы сорвались с петель, куски ставен пробили стены. Потоки дождя хлынули в комнату, где мы лежали на полу. Раскаты грома всякий раз на несколько секунд оглушали нас, а в промежутках между ними слышался треск валившихся деревьев. В деревне молния ударила в огромное шерстоносное дерево, и оно со стоном повалилось. Мы еще не успели полностью осознать, что же именно происходит, как буря сменилась давящей тишиной.

Над нами пронесся торнадо...

●

Несколько месяцев спустя мы возвращались в Гамбург. Из Либерии я вывез большой зверинец и материалы для фильма. Мне и на этот раз удалось поймать кар-

ликового бегемота. Очаровательный шестимесячный зверек подох за день до нашего прибытия на родину, хотя верный Моморо сделал все, чтобы спасти ему жизнь. Потеря эта была тем более ощутимой, что накануне подохла при выкидыше самка водяной кабарги.

Но самым ценным из всего, что я привез в 1924 году, был мафуэ — «предмет, проходящий сквозь ветер», то есть каменный фетиш. Эта фигурка была впервые найдена в Африке, а потому представляла особый интерес для историков и этнографов. Она изображала собой бесхвостого крокодила (так называемого водяного леопарда) — знак тайного сообщества водяного леопарда в Либерии, распространявшего вокруг себя страх. На меня этот фетиш не оказал того вредоносного действия, которое ему приписывают, но неприятностей из-за него я пережил много. Либерийские власти явно без всяких на то оснований утверждали, что я приобрел фетиш незаконно. Кончилось тем, что, предварительно заказав слепок для гамбургского этнографического музея, я подарил фетиш правительству Либерии.

Верным моим спутником по сей день остается маленькая нумония — фигурка из мыльного камня. Согласно поверию местных жителей, она приносит счастье. Такие идолы — кстати говоря, очень безобразные — встречаются редко.

Мне пришлось в седьмой раз повернуться спиной к Африке, чтобы на родине воплотить свой труд в фильмы, книги, лекции, — иными словами, в наличные деньги, необходимые для подготовки следующей экспедиции. Я запланировал ее еще до того, как мыс Маунт исчез за горизонтом.

За первые семь путешествий я проделал в различных частях Африки (главным образом пешком) 100 тысяч километров. А в 1926 и 1927 годах я только на машине наездил по дорогам Германии 42 тысячи километров и выступил с лекциями в 244 городах, стремясь к одной цели: в восьмой раз попасть в Африку.

Весной 1931 года моя мечта сбылась.

Об этом моем путешествии читатели знают из другой книги *.

---

* «Мои друзья в зарослях». — *Прим. авт.*

22 сентября 1956 года мы пересекли границу и к вечеру были в Чинсенде. Последующую нашу поездку в Элизабетвиль я и сейчас переживаю во сне, как кошмар. Дорога оказалась неописуемо плохой, Ници да и некоторые «старые африканцы» полагали, что в борьбе с этим злом может помочь только скорость.

С тех пор как мы покинули Родезию, зеленый цвет стал преобладающим. По обе стороны от экватора изменения ландшафта, связанные с временами года, почти незаметны, так как в этом районе регулярно выпадают обильные осадки.

Бросалась в глаза бедность жителей (кстати, кожа их не темно-коричневого, как на юге материка, а совершенно черного цвета). Ни здесь, ни дальше к северу не чувствовалось, как богата эта страна ископаемыми. Обрабатывающей промышленности не было, и добываемое сырье вывозилось за границу. Всего в нескольких десятках километров от Жадовиля — центра горнопромышленного района — снова начинались африканские дебри. Через реки, текущие к озеру Танганьика, нам пришлось переправляться вброд; на воде неподвижно стояли рыбачьи лодки, женщины тащили на себе ноши весом в центнер, придерживая их широкой лямкой, перевязанной через лоб, от чего напрягались и выступали далеко вперед шейные мускулы. Казалось, что в бассейне Конго время остановилось.

Иногда наш путь проходил через пояс девственного леса. Вдоль него попадались деревни африканцев. Если нас замечали, навстречу выбегали дети и тонкими ручонками протягивали бананы или изделия местного ремесла (большей частью плетеные). 24 сентября мы достигли озера Танганьика. Оно тянется — на расстоянии от 900 до 1100 километров от Индийского океана — почти точно с юга на север, имеет ширину от 15 до 90 километров и длину около 650 километров. Танганьика лежит на дне долины, окаймленной горными цепями, и изобилует живописными бухтами. Многочисленные реки и ручьи с разных сторон наполняют водой впадину глуби-

ной до 1400 метров, из которой вытекает река Лукуга, относящаяся к бассейну Конго. На берегах озера непроходимые заросли камыша чередуются с густыми лесами, где преобладают масличные и пальмирские пальмы. Голые скалы составляют живописный контраст с окружающей зеленью.

После того как в 1858 году Бертон и Спик открыли Танганьику, все путешественники славили ее красоту. Бертону она напомнила «лучшие уголки Средиземноморья». Вода в озере обычно темно-голубого цвета, за исключением времени смены сезонов, когда на него обрушиваются ураганы, поднимая смерчи и создавая серьезную угрозу оживленному судоходству.

Альбертвиль — крупнейшее поселение на берегу озера — стал важным внутренним портом. Дорога, по которой мы выехали из Альбертвиля на север, оказалась шедевром дорожного искусства. На участке, изобиловавшем поворотами, подъемами и спусками, одностороннее движение регулировалось при помощи примитивного шлагбаума и пустой канистры, подвешенной на штанге. Регулировщик-африканец ударял дубинкой по канистре; если из долины слышался ответный сигнал, шлагбаум открывался, пропуская машину.

На следующее утро мы прибыли в Бараку — восхитительный африканский городок с довольно большим портом, где сновали рыбачьи лодки и ломились от грузов товарные склады. На улицах было очень оживленно. Повсюду виднелись женщины, направлявшиеся на базар. Чего только они на себя не навьючили! И ребенка на плечи, и козочку на руки, и товар для продажи на спину... В отличие от жительниц других частей Африки здешние женщины носят тяжести не на голове, а на спине. Вместо плетеной подушечки, уменьшающей давление ноши на голову, они пользуются широкой лямкой из шкуры антилопы, обвязываемой вокруг лба.

Гравийная дорога, больше похожая на проселок, чем на укатанное шоссе, неожиданно для нас уступила место гладкой асфальтированной магистрали, по которой мы добрались до окрестностей Букаву — главного города области Киву. В тех местах, где дорожные работы заставляли делать объезд, мы попадали на красную глину. Когда солнце высушивает эту мелкозернистую массу,

облака пыли обволакивают каждую проходящую машину. Стоит пройти дождю — а это как раз произошло накануне нашего приезда, — и красный порошок превращается в похожую на мыло клейкую массу, по которой скорее скользишь, чем едешь. Ниди пришлось применить все свое умение, прежде чем, счастливо избегнув аварии, мы достигли озера Киву.

Это озеро, только в 1894 году открытое графом Гетценом, часто называют — и, мне кажется, по праву — самым очаровательным в Африке.

Чрезвычайно глубокое и бурное, оно расположено среди гор на высоте около 1500 метров над уровнем моря. На берегах Киву, отличающихся плодородием и яркой даже для тропиков растительностью, никогда не бывает москитов. Крокодилы здесь не водятся. Вдоль озера живописно вытянулся Букаву, переименованный несколько лет назад в Костерманвиль.

Мы прибыли в город в то время дня, когда сотни людей спешили на рынок, поражавший необычайной пестротой красок. Птица, фрукты и другие продукты под оживленный людской говор переходили из рук в руки. Мы засняли кое-какие эпизоды: морщинистых старушек, торговавших самогоном из-под полы, так чтобы не увидели таможенники и полицейские, темнокожую красавицу, которая с очаровательной улыбкой продавала стручковые овощи. То, что ее сынишка без штанишек и рубашонки сидел на плодах африканской земли, наваленных горой, ничуть не смущало покупателей, во всяком случае тех, у кого были собственные дети. А у кого в Африке их нет?

По крутой дороге мы поднялись в горы. Их противоположные склоны так же обрывисто спускались к Касеньи. Там мы провели последнюю ночь перед посещением Национального парка Альберт.

●

Еще до наступления XX века раздавались голоса людей, доказывавших необходимость оградить животный мир Бельгийского Конго. Но лишь в середине 20-х годов здесь был основан небольшой заповедник, предназначенный главным образом для охраны горилл,

обитающих недалеко от вершин потухших вулканов Микено, Карисимби и Визоке. В 1935 году к территории заповедника, которая в настоящее время охватывает почти миллион гектаров, были отнесены равнины вдоль верхнего и среднего течения Семлики и западные отроги гор Рувензори.

Мы пересекли самую северную часть парка, расположенного на экваторе, между 1° 30′ южной и 1° северной широты. Там мы насладились пейзажем дикой красоты. Касеньи, откуда мы недавно выехали, напомнил нам Неаполь, скалистый восточный берег озера Киву — фьорды норвежского побережья. Теперь же мы ехали по затвердевшей и выветрившейся лаве. Перед нами возвышался кратер потухшего вулкана и вершина горы, еще несколько лет назад извергавшей огонь. На покрытых лавой пространствах можно наблюдать различные стадии образования плодородной почвы. На склонах потухших вулканов густой девственный лес постепенно переходит в поросшие мхом обнаженные участки, которые выше границы распространения растений уступают место голым скалам. На окраинах заповедника возвышаются вершины вулканической цепи: Карисимби, Микено, Визоке, Сабинио, Гахинга и Мухавура. В горных лесах на высоте 3 тысяч метров обитают гориллы; во время сухого сезона, как это ни странно, можно даже на тысячу метров выше встретить леопардов, буйволов, слонов и львов.

В парке Альберт ландшафт гораздо разнообразнее, чем в национальном парке Крюгера, флора и фауна богаче, а жизнь животных в меньшей степени подвержена влиянию человека и его дурных обычаев. Я испытал на себе, насколько трудно даже серьезному путешественнику получить о фауне парка Альберт впечатление, которое не было бы поверхностным.

По пути в лагерь мы встретили бегемота, неторопливо переходившего дорогу впереди нас. Вдоль дороги, в зарослях, паслись слоны. Антилопы самых различных пород не проявляли ни малейшего страха перед людьми и машинами. Среди них преобладали топи и угандские кобусы. Судя по моим наблюдениям, львов было сравнительно мало, мы видели только двух. Они скрылись в зарослях, но львица оказалась любопытнее своего

супруга, желавшего, как видно, насладиться послеобеденным отдыхом. Она раздвинула густые ветви (словно открыла ставни) и некоторое время провожала нас взглядом, пока и ей это не надоело.

Мы несколько раз спускались пешком к реке Ручуру, где обосновалось стадо бегемотов, относившихся к съемкам благосклонно, так что нам удалось запечатлеть на пленке неизвестное дотоле явление: бегемоты испражняются в воду, поднимая заднюю часть над ее поверхностью и рассеивая экскременты хвостиком. Звери подпускали нас к себе очень близко, даже когда мы были в машине.

То же самое можно сказать о слонах и буйволах. Меня пленила голова огромного слона-самца. Мы заснятили его с расстояния всего нескольких шагов, а затем отважились подойти еще ближе, чтобы получить крупный план глаза. У меня создалось впечатление, что животное слепо на этот глаз. Однако приближаться еще более не следовало, ибо мой опыт целиком подтверждает мнение Уильяма Куиндта, высказанное в его книге «Дорога слонов»: африканский слон робок, скрытен, пути его неисповедимы.

Человек вторгся в царство слона, вступил с ним в жестокую и коварную борьбу только для того, чтобы завладеть бивнями. От природы слон не опасен, но он стал таким, оказывая сопротивление человеку. Будучи предоставлен в заповедниках самому себе, слон мирно живет бок о бок с другими животными — зебрами, жирафами, гну. И все же даже здесь к толстокожим следует относиться с величайшей осторожностью.

Я не раз с удивлением замечал, что в парке Альберт буйволы совершенно утратили страх перед человеком. По утрам они лежали у самого лагеря, и только массивные формы отличали их от домашнего скота. Однажды мы оставили машину на заросшей травой поляне и отправились снимать бегемотов. Когда мы возвратились, мерседес оказался в окружении пасущихся буйволов. Несмотря на появление людей, они продолжали спокойно заниматься своим делом.

Ограничения, стеснявшие свободу передвижения, заставили нас покинуть парк раньше, чем мы предполагали. 9 сентября 1956 года мы пересекли экватор на ши-

роте озера Эдуард и выехали из парка Альберт. На следующий день мы приблизились к девственному лесу Итури — идеальному убежищу для горилл и окапи. Однако целью нашей поездки туда были не эти редкие звери, а еще более редкие люди. Я никогда не забирался так далеко на север Конго, а потому не имел возможности встречаться с пигмеями. На этот раз я получил разрешение посетить поселок пигмеев и произвести там киносъемку.

Греческое слово «пигмеи» означает карлики, лилипуты. Еще в III тысячелетии до нашей эры маленькие люди из глубины Африки выступали при дворе египетских царей в качестве танцоров в масках. Гомер предполагал, что они живут на берегу океана. По свидетельству древнейшего греческого историка Геродота, селения пигмеев находились у истоков Нила. В настоящее время эти самые низкорослые из всех людей (их средний рост 135 сантиметров) живут преимущественно в бассейне Конго, в частности в парке Альберт. В отличие от остальных жителей их не выселили с территории заповедника. Некоторых из них используют в качестве помощников лесничих и следопытов. В справочнике национальных парков Конго указано, что к юго-востоку от Нирагонго живет вождь Кахембе, который за несколько фунтов соли или кружек пива берется свести путешественников с удивительными маленькими людьми. Европейцам особенно рекомендуется познакомиться с танцами и песнями пигмеев, которые якобы производят неизгладимое впечатление. Исполняются они ночью при свете лагерных костров.

Я предпочел отказаться от посещения этих представлений, организуемых разбитными агентами туристских бюро. Мне хотелось побывать дальше на севере и познакомиться с бытом какой-нибудь деревни, расположенной вне парка и еще не ставшей добычей туристов. Но после того, что мы там увидели, я сомневаюсь, чтобы такие деревни еще сохранились.

Из отчетов путешественников, побывавших за последние годы на окраине девственного леса Итури, я знал, что нам придется столкнуться со значительными трудностями. В расположенном поблизости местечке Мбау мы запаслись солью и сигаретами, чтобы не яв-

ляться к пигмеям без обычных подарков. Нам точно объяснили, где именно следует свернуть с шоссе, но мы все же пропустили указанное место и проехали около километра, прежде чем заметили свою ошибку. Когда же несколько минут спустя мы возвратились обратно, нас уже ожидала ватага детей, желавших служить «гидами». Весть о прибытии иностранцев достигла места назначения скорее, чем наш мерседес.

Пришлось оставить машину на обочине и по узкой тропе пройти несколько километров до деревни. И тут повторилось то, что отравило мое свидание со страной зулусов. Конечно, деревня и ее жители были «настоящими». Согнутые ветви, покрытые листьями, составляли каркас хижин. Зубы их почти нагих обитателей блестели, как снег. Пигмеи исполнили перед нашими кинокамерами танец слонов, который прежде могли видеть только их сородичи. Что касается соли (следуя собственным воспоминаниям и совету официального справочника, я привез ее в качестве самого ценного подарка), то ей был оказан куда более холодный прием, нежели сигаретам. Пигмеи высыпали из них табак и, смешав с солью, лакомились им как особым деликатесом. Впрочем, некоторые мужчины — «прогрессивные» пигмеи — часть сигарет выкурили.

Мы засняли все, что могли. Жара, ставшая невыносимой, ускорила наш отъезд. В деревне остались только старики. Мужчины, женщины и дети проводили нас до машины. Две миниатюрные пигмейки, разлеглись по нашей просьбе на крыльях мерседеса с совершенно голливудской грацией. Так мы их и засняли. Даже самые крошечные из малышей прислонились к стволу дерева, позируя перед камерой.

Вечером прошел тропический ливень — первый, пережитый моими спутниками, — освежающий и в то же время страшный своей силой. Такие ливни за несколько дней делают африканские дороги совершенно непроезжими. Пора было повернуть к востоку и через Уганду направиться в Кению, иначе мы не успели бы выбраться на восточное побережье Африки до наступления сезона дождей.

Я собрал своих товарищей и сообщил, что мы отправляемся в обратный путь. Мы долгое время находились

в районе водораздела величайших рек Африки — Конго и Нила. Отныне нам должны были встречаться лишь потоки, текущие на восток — навстречу Индийскому океану, к которому стремились и мы.

ПО ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Мы пересекли границу Уганды, миновали цепь озер и достигли озера Виктория (по-арабски Укереве), откуда вытекает Нил. Главный порт на озере Виктория — Кисуму в заливе Кавиронго. Он относится уже к Кении, к той части Восточной Африки, которая подчинена британскому владычеству и занимает площадь около 600 тысяч квадратных километров. Нам удалось близко познакомиться только с областью, населенной столь известными племенами, как масаи и кикуйю.

Оба крупных заповедника, созданные после войны в этой стране, еще изобилующей зверями, находятся в пограничном районе * к югу от Найроби. Здесь нашли убежище львы, жирафы, носороги, с десяток разновидностей антилоп. Им не угрожают охотничьи набеги, ставшие в Кении очень модными, в первую очередь благодаря богатым американцам. В пограничной области между Кенией и Танганьикой есть такие местности, как равнина Серенгети, через которую в период миграции за один день проходят сотни тысяч животных.

В Кисуму я выяснил у хорошо знающих страну европейцев, где можно встретить африканцев, в наименьшей степени затронутых цивилизацией. Мне назвали американскую миссию в Букурии.

На следующее утро после прибытия в миссию мы произвели съемки в одной из деревень вакурия. Нам хотелось впоследствии сопоставить кадры, вывезенные из Восточной Африки, с кадрами, заснятыми в стране зулусов. Вакурия — соседи более известного племени масаи — нравами и обычаями походят на этих крупных, стройных африканцев. Они прокалывают себе уши и

---

* Имеется в виду пограничная с Танганьикой часть Кении.

носят серьги из латуни, настолько тяжелые, что мочки вытягиваются и теряют свою форму. Во время работы вакурия прикрепляют мочки к верхнему краю ушной раковины.

Девушки вакурия еще в очень юном возрасте надевают спиралевидные браслеты из латуни на предплечья и над локтевым суставом. Снять их невозможно, и они на целые сантиметры впиваются в растущую руку. Мышцы между ними вздуваются и разбухают, но, как ни странно, это не отражается на кровообращении.

Деревня, которую мы посетили, в прошлом была, видимо, укреплена. Во всяком случае мы видели остатки похожих на окопы сооружений, которые могли служить только для обороны. У масаи, кикуйю и ватенде, так же как и у зулусов и многих других народов и племен, богатство деревни определялось численностью и состоянием поголовья скота. В этих краях навоз не используется в качестве удобрения, а наваливается за околицей в кучу. В заснятой нами деревне она имела 4 метра ширины и 6 метров длины. Такие кучи, свидетельствующие о благосостоянии, а также о естественном плодородии девственной почвы, покрывают места последнего упокоения деревенских старейшин.

Миссия расположена в той части Восточной Африки, которая была охвачена восстанием мау-мау *. Центр этого революционного движения против господства «белого человека» находился между горной цепью Абердэр и городом Найроби, то есть в области, населенной народом кикуйю, который вынес на себе основную тяжесть борьбы. Я убежден, что важнейшей причиной восстания явился захват английскими фермерами пастбищ африканцев-скотоводов. Борьба не устранила ни одного из противоречий между европейцами и африканцами, и поэтому волнения не прекращались.

Маленький вакурия Бени, трех или четырех лет от роду, избрал себе в приятели Петера Рау — нашего молодого водителя. Рау привык ходить очень быстро, он скорее бегает, а не ходит. Было очень смешно смотреть,

---

* Подразумевается борьба коренного населения Кении против английских колонизаторов в 1952—1956 годах, зверски подавленная британскими властями и колонистами.

как Бени пытался поспеть за Рау, то делал большие шаги, то пускаясь вприпрыжку. Объясниться словами они не могли, но и без того прекрасно понимали друг друга. Пока мы были в миссии, Бени жил подле Рау.

Однажды, когда мы завтракали у своей хижины, Ницци попросила принести кнорровскую коробку. Нужно было сделать приготовления к обеду, а мы часто питались подаренными нам изделиями гейльброннской фирмы Кнорр.

Рау принес коробку и поставил ее перед нами. Кончив завтракать, Ницци подняла крышку. Из коробки вылез Бени. Сцена получилась настолько забавной, что мы решили повторить ее и заснять. Но когда Ницци захотела вознаградить исполнителя главной роли конфетами, он куда-то исчез. Только подымая коробку на грузовик, Рау почувствовал по ее весу, что Бени, видимо, решил «зайцем» сопровождать своего друга.

Свежим росистым утром мы в последний раз окинули взором всю эту местность — от зеленых зарослей до синей линии гор на горизонте. Где-то за ними лежит гора, давшая свое название этому краю, — Кения. Кикуйю зовут ее Кериньягга.

Кению европейцы называют самой прекрасной страной в мире. Известно, чего стоят подобные восторженные отзывы, но в данном случае даже они не могут передать очарование этой страны. Против него беспомощен и тот, кто за свою жизнь много раз испытывал сильные впечатления. Боюсь показаться сентиментальным, но мне кажется, что мощное вулканическое извержение, которое в незапамятные времена грозило разорвать на части весь материк, оставило здесь метку, придавшую еще большую прелесть и без того пленительному лику этой местности. В то время высохло огромное озеро Серенгети, потух могучий вулкан Лонгонот, а в остывший кратер Нгоро-Нгоро хлынула вода.

●

Красного цвета была земля, красной была и дорога, по которой мы двигались. Застывшая, затвердевшая лава образует плодородный верхний слой почвы, от него непрестанно отделяются пылевидные частицы. Они по-

крывают все дороги, при ветре забиваются в нос, уши, рот, сушат горло, во время дождя превращаются в скользкую кашу. Между тем в районе миссии Букурия уже не раз в этом сезоне выпадали тропические дожди.

И все же путь в Найроби оказался куда более легким, чем я ожидал. Солнце пробилось сквозь тучи и высушило дороги, так что наступил один из непродолжительных промежутков между кашей и пылью. Чем ближе к столице Кении, расположенной на высоте 1800 метров, тем суровее становится ландашафт и тем скуднее растительность.

Найроби — современный город, разросшийся накануне второй мировой войны. Еще несколько десятилетий назад на его улицах бродили дикие животные. Английские колонисты, жившие тогда в бараках из гофрированного железа, чтобы не прибегать к услугам мясников, нередко стреляли дичь прямо с порога дома. В городе еще и сейчас попадаются антилопы, они находятся под защитой всего населения. При нас в Найроби появилась львица. Она, очевидно, заблудилась, и ее застрелили. Визиты из дебрей вполне естественны, ведь Королевский национальный парк тянется до самой городской черты.

К достопримечательностям заповедника относятся (или относились) собакоголовые обезьяны, живущие стадами на земле. Своим названием они обязаны форме головы. Однажды сотни представителей этой разновидности павианов появились в городе. Они грабили фруктовые и продовольственные магазины, врывались в кухни, опустошали сады, обкрадывали посетителей, обедавших в ресторанах. Пришлось организовать отстрел этих животных.

За пределами нескольких улиц, вроде Деламир-авеню или Говернментроуд, где задают тон европейцы, в Найроби царит неописуемое смешение рас и костюмов.

Перекинув через плечо козью шкуру и размалевав лицо глиной цвета охры, гордо выступают масаи. Неоднократно чиненная европейская одежда, купленная в магазине готового платья, покрывает тощие тела кикуйю. осевших в городе. Их соплеменники, приехавшие из сельских районов, еще носят в ушах деревянные или же-

лезные гвоздики; более юные представители того же племени, стоящие ближе к «цивилизации», чем их отцы, поотрезали отвисшие мочки ушей.

В Найроби меня отговаривали от поездки на озеро Амбосели и к горе Килиманджаро, так как в сухой сезон состояние ведущих туда дорог столь же плачевно, как после первых потоков дождя. Но мне хотелось выразить почтение единственной на материке горе высотой 6 тысяч метров с ее покрытой снегами двойной вершиной и посетить один из самых молодых и самых прелестных заповедников Восточной Африки. Гора лежит уже на территории Танганьики, а рай для зверей примыкает к ее границе.

У маленькой деревушки Султан-Хамид мы свернули с шоссе. После этого несколько минут автомобиль катился словно по ковру, а затем начались толчки и тычки, скрип и треск. Дорогу покрывал полутораметровый слой тонкого коричневого песка из выветривающейся лавы. Тучи этой пыли крутились спереди, сзади, по обе стороны от нас. Через несколько километров мы застряли.

— Твоя Африка, твои дороги, — насмехалась Ницци, которая вела машину почти вслепую. Она то пыталась на бешеной скорости проскочить сквозь окутывавшую нас завесу песка, то покорно плелась, стараясь поднять как можно меньше частиц вещества, некогда выброшенного из глубин огнедышащих гор, а затем остывшего и рассыпавшегося.

— Надо было ехать верхом, — сказал я племяннице. — В прежние времена, когда торопились, садились на лошадь. А мы, к сожалению, всегда торопимся. Герман фон Висман — первый исследователь, который пересек Экваториальную Африку с запада на восток, — ездил на муле. Но это дано не всякому, ибо шкура мула (в отличие от лошади и осла) двигается на теле животного, а с ней вместе — и седло. Я лично впервые использовал на обширных территориях Африки другое средство передвижения — велосипед — и объездил на нем значительную часть дебрей Западной Африки, где до меня не бывали европейцы.

Когда я въезжал на стальном коне в деревню, расположенную в глубине Либерии, меня там принимали за какое-то сказочное белое животное. Но в Европе к моим восторженным описаниям поездок на велосипеде по африканским лесам отнеслись так же, как в портовых кабачках Гамбурга относятся к болтовне старых капитанов об их плаваниях.

Между тем нет ни одного транспортного средства, которое требовало бы такого несложного ухода. Даже самая яростная муха цеце не в силах повредить велосипеду, ему страшны только колючки, вызывающие проколы шин. Протоптанные в лесах коренными жителями тропы, по которым передвигаются караваны носильщиков, служат великолепными дорогами для велосипедов. Встречного движения опасаться не приходится. Правда, велосипедисту приходится туго, если он попадает на участок тропы, по которому в сезон дождей прошло стадо слонов. Высыхая, земля сохраняет их следы.

— Но какими бы средствами передвижения мы ни пользовались, все они оказывались непригодны в сезон дождей, — закончил я свой рассказ.

— Неужели может быть нечто худшее, чем эта движущаяся распыленная лава? — спросила Ниди.

Ниди еще не сталкивалась вплотную с водной стихией и не считала ее опасной, мне же пришлось в свое время под тропическими ливнями пробиваться с четырьмя автомашинами через всю Анголу к побережью.

— Остановись-ка на минутку! — ответил я. — Мне хочется поблагодарить красный зыбучий песок за то, что он сухой, а не мокрый.

— Ну и идеи приходят тебе в голову! — засмеялась Ниди.

Мы подождали, пока пыль несколько улеглась, и вышли из машины.

В поле нашего зрения лежала гора Килиманджаро. Килима Ндшаро — «Гора злого духа», так называется вулканический колосс с двумя вершинами на языке суахили, получившем распространение и среди некоторых племен Центральной Африки.

Насладившись величественной картиной высившегося вдали гиганта, мы снова двинулись в путь.

Дорога привела нас прямо в парк Амбосели.

Нас приветствовали несколько робких жирафогазелей, названных так за длинную шею. Мне еще никогда не приходилось видеть этих грациозных животных. Одно это зрелище вознаградило меня за трудности поездки в отдаленный заповедник.

Лагерь, которому масаи дали наименование Ол Тукай, расположен примерно в 30 километрах от въезда в заповедник. Чтобы его посетителям было легче встретить животных, поблизости от лагеря устроены два водопоя, к которым звери быстро привыкли. Как-то раз до восхода солнца я заметил там двух старых буйволов; в неверном сумеречном освещении они казались гигантами из допотопных времен. Каждое утро приходили жирафы, около полудня появлялось множество зебр и гну, к вечеру окрестности оглашались визгом павианов.

К более редким посетителям этого водопоя принадлежал носорог, с которым я решил завязать знакомство. Он показался мне не очень злобным.

— Осторожно! — сказал сопровождавший меня проводник. — Он опасен. Как-то набросился сзади на нашего майора, когда тот наблюдал за слонами. Майор несколько месяцев пролежал в госпитале. Не приближайтесь к нему!

Носорог удалился в кустарник и из этого неприступного убежища стал недоверчиво следить за нами.

— Внимание! — закричал я кинооператору. — Я подойду к нему поближе, он кинется на меня, а вы снимете!

Все произошло так, как я предполагал. Носорог дал мне приблизиться на несколько метров, а затем ринулся в атаку. Едва я успел взобраться в машину, как он примчался на всех парах, но перед самым радиатором остановился так внезапно, словно все его четыре ноги были снабжены тормозом.

В тот же день мы встретили стадо из восьми слонов разного возраста. Проводник нехотя подтвердил, что в парке Амбосели разрешается выходить из машин и производить киносъемку (в парке Крюгера это строжайше запрещалось, да и в других заповедниках разрешалось лишь в некоторых местах). Он недоверчиво посмотрел на меня, когда я направился к слонам. 50 лет назад я распростился с охотой при помощи ружья, а теперь хо-

тел проститься с охотой при помощи кинокамеры. Выдержу ли я испытание на мужество, которое выдержал полвека назад?

В то время я охотился у озера Руква в Восточной Африке. Однажды мы преследовали стадо слонов, в котором было несколько могучих самцов. Меня сопровождал Лонгома. Вдруг я заметил, что двое толстокожих, шедших метрах в полутораста от нас, меняют направление. Еще несколько секунд, и они исчезнут в чаще. Не задумываясь, я поднял ружье и выстрелил. Уже в тот миг, когда раздался треск выстрела, я понял, что сделал глупость. Прицел крупнокалиберного ружья был поставлен на 100 ярдов. Животные бросились бежать, и мы потеряли их из виду.

Обескураженный, я повернул к лагерю. Лонгома шел в нескольких шагах за мной. Его непрестанное ворчанье в конце концов стало действовать мне на нервы, я прислушался. Он твердил одно и то же: «Ну да, вазунга (белые) не такие люди, как мы. Они стреляют с безопасного расстояния, вероятно, потому, что боятся. А мы подходим близко, совсем близко...»

Такие уроки не забываются, только из них не всегда делаешь правильные выводы. Два или три дня спустя мы увидели одинокого самца; направление ветра было благоприятным. Я прислонил винтовку к стволу дерева, снял с плеча Лонгомы запасную, тщательно осмотрел ее, не глядя в сторону самца, и тоже отставил в сторону. Затем осторожно, но уверенно направился без оружия к слону, дав знак Лонгоме, чтобы он следовал за мной.

Не более восьми шагов отделяли меня от колосса, когда верный егерь схватил меня за руку и что было силы потянул назад.

— Господин, ты сумасшедший! — почти беззвучно прошептал он. — Ты что, хочешь погубить себя? Идти безоружным на слона?! Да я ведь знаю, что ты не боишься!

А я боялся. Не отрицаю этого и никогда не отрицал. Нет ничего презреннее и опаснее бахвальства посетителей национальных парков, уверяющих, что они чуть ли не наклеивали почтовые марки на заднюю часть слонам — настолько они ручные. Такие хвастуны подвергают опасности жизнь несведущих и доверчивых людей.

Я боялся. И тогда, и теперь, когда в парке Амбосели медленно пошел на группу слонов. Кинооператор крутил ручку, но, видимо, забыл зарядить камеру, ибо эта сцена сохранилась только на фотоснимках.

Я приблизился к животным на расстояние десяти шагов. Огромный самец отделился от стада и сделал два шага в мою сторону. Я остановился и, застыв, пристально вгляделся в слона.

— Селемани,— взволнованно прошептал я...

В Амбосели мне исполнилось 76 лет. Казалось, что здесь в день моего рождения собрались все четвероногие друзья из чащи, чтобы пожелать удачи и проститься с человеком, который к ним привязался.

Вооружившись биноклем и кинокамерой, я с раннего утра высматривал гостей с веранды нашей хижины, откуда открывался вид вдаль. В стене облаков время от времени появлялись бреши, и тогда массив обоих братьев Килиманджаро преграждал горизонт. Глубокие «шрамы» и сейчас напоминают о последних извержениях потухшего вулкана.

Со стороны одного из водопоев послышался громкий визг. Оттуда шли гиены. К месту свидания явились газели Гранта и газели Томсона, более стройные и красивые, чем наши козули. Не удивительно, что газель полюбилась поэтам Востока, что в древнем Египте ее разводили в неволе и посвящали Изиде. Как проигрывает по сравнению с ней большой и неуклюжий вилдебеест буров, более известный под названием гну! Словно, создавая это животное, природа колебалась, сделать ли его антилопой, лошадью или даже коровой.

После полудня я повез своих спутников в крааль масаи, в области которых расположен парк Амбосели. Неподалеку от крааля лежали четыре льва — сначала мы их за деревьями не заметили. Пока мы снимали этот квартет, Ниди прошептала:

— Львы, как видно, затеяли пирушку.

В ее голосе чувствовалось волнение. Внимательно оглядев местность, я насчитал целую дюжину хищников.

Мимо пронеслась пара газелей Томсона.

Это была одна из тех минут, когда кажется, что долина вдруг ожила.

Но масаи, разумеется невольно, испортили мне день

рождения. Они погнали стадо вниз к болоту и распугали зверей. На светло-голубом фоне силуэта Килиманджаро выступали теперь только массивные очертания двух слонов.

— Домой? — спросил я.

Когда-нибудь ведь надо было уезжать и из Амбосели, и вообще из Африки.

В пути нам попался холм с геодезической вышкой. Полагаясь на свою машину, мы рискнули въехать на его вершину.

По другую сторону видневшегося внизу болота паслись слоны.

Возможно, это было то самое стадо, которое я видел накануне. Вот от него отделился самец — видимо, очень старое животное с тяжелыми бивнями и массивным корпусом — и понюхал воздух.

— Селемани... — произнес я вновь, опустил бинокль и, повернувшись в сторону племянницы, крикнул ей.

— Пора. Надо ехать домой.

●

Последний день в заповеднике близился к концу. Мы поужинали на веранде. Равнину быстро поглотил мрак. Через несколько минут должен был начаться ночной концерт. Раздался такой звук, точно вдали пилили дрова.

— Вероятно, леопард.

Громкий визг возвестил, что неподалеку находятся гиены. Пронзительными голосами ругались павианы, или нугу, как зовут их в этих местах. Они всегда подымают крик, когда чуют близость леопарда. Кто-то залаял...

— Собаки? — спросила Ницци.

— Нет, как ни странно, это зебры.

Мы прислушались к ночным звукам. Все чувства были напряжены, хотя только слух мог подсказать, кто именно из зверей пришел проститься с нами.

Меня напугал чей-то легкий зевок. Затем послышался шорох, он усилился и внезапно затих в нескольких десятках метров от нас.

— Лев, — прошептал я.

Стон, еще стон. Царь зверей любит постонать, когда он себя хорошо чувствует.

Между нами и львом не было решетки. Только ряд камней указывал посетителям парка Амбосели границу между лагерем и дикими дебрями. Трудно было предположить, что лев станет с ней считаться. Затем раздался шелест: очевидно, лев находился теперь в высокой траве, а значит, снова отдалился от нас. Ници и я направили на прилегающий участок сильные фонари. Несколько раз нам показалось, что в освещенной полосе блеснули глаза хищника. Уверенности, однако, не было. Кругом царила тишина, пугающая тишина...

И вдруг во мраке раздался рев, заставивший нас содрогнуться.

Вероятно, лев только что задрал добычу и возвещал родичам о своей победе. Издалека до нас донеслось эхо; оно прозвучало для меня как прощальный привет великой степи.

— Дядя Ганс, кто такой или что такое Селемани? — спросила Ници, после того как умолк лев и мы несколько минут настороженно внимали голосу ночи.

— Селемани?

Она, значит, слышала, мой возглас на холме с геодезической вышкой.

— Сегодня, увидев старого слона, ты произнес одно это слово. Мне показалось, словно ты... едва ли это возможно...

— Словно что? — полюбопытствовал я.

— Словно ты узнал это животное.

— Да, — сказал я после некоторого раздумья. — Это было поразительно. Мне показалось, что я узнал слона, который полстолетия назад был известен всем, кто охотился в Восточной Африке на крупную дичь, хотя лишь немногим, подобно мне, довелось столкнуться с ним вплотную.

В то время он был уже настолько стар, что превратился как бы в живой символ рода слонов. Охотники знали о нем так же много, как любители книг о герое популярного романа. Многие охотились за Селемани, многие стреляли в него. Может быть, некоторые и попадали в слона, но уложить его никому не удалось.

Не удалось это и мне много лет назад в верхнем течении Руахи...

Мы вышли из лагеря рано утром, на траве еще лежала роса, когда мы набрели на след двух слонов — очень старого и молодого.

— Селемани! Бейте его! — вскричал наш проводник скорее от испуга, чем от неожиданности, во всяком случае гораздо громче, чем следовало бы. Ведь этот возглас мог предупредить толстокожих.

Само собой разумеется, что я пошел по следу. Вскоре мы наткнулись на навоз, он был еще теплый.

— Селемани? — все еще сомневаясь, прошептал я, едва шевеля губами.

Ухмыляясь, проводник утвердительно кивнул головой.

Знаками я подозвал Лонгому, велел носильщикам осторожно опустить их ноши на землю и отдохнуть. За мной должны были следовать Лонгома и проводник.

Отойдя всего на несколько шагов, мы услышали впереди треск. С быстротой молнии я сменил тяжелые охотничьи сапоги на легкие теннисные туфли, чтобы бесшумно подобраться к животному, обвязался лентой с крупнокалиберными патронами и взял у егеря ружье для охоты на слонов.

Впереди продолжал слышаться шум. Мы застыли на месте, полагая, что слоны учуяли нас и обратились в бегство. Я определил направление ветра, оно нам благоприятствовало. Быть может, слонов спугнули местные жители, отправившиеся на поиски меда?

Шум и треск усилились. Казалось, на землю свалилось целое дерево. Мы стали медленно передвигаться от укрытия к укрытию, не теряя из виду след. Так мы дошли до места, где слоны останавливались и рылись в песке. Кругом лежали объеденные ветки и даже толстые сучья, с которых была сорвана кора.

Шум впереди прекратился. Нужна была величайшая осторожность. Ведь нашим противником был Селемани — слон, о котором охотники с полным основанием говорили, что за долгую жизнь он усвоил весь опыт своих собратьев и научился его использовать. Заросли были густыми, на расстоянии нескольких метров ничего не было видно. Сделав еще несколько шагов, мы услыхали

урчанье в желудках слонов: оба колосса, очевидно, снова остановились.

Я был не совсем в том уверен и бросил вопрошающий взгляд на своего спутника.

— Селемани стар и не любит много ходить, — усмехаясь, прошептал мне на ухо африканец.

Я осторожно пошел дальше. Обогнув куст, я стал свидетелем зрелища, которого никогда в жизни не забуду.

В 50 шагах от меня стоял слон: такого я не представлял себе даже в самых смелых мечтах. Когда самец медленно вышел из-за куста и я смог разглядеть его как следует, у меня екнуло сердце. А ведь я не был новичком и к тому времени уложил уже 50 слонов. В их числе был самец, бивни которого весили свыше 100 фунтов каждый.

Пока я глядел на последнего из богатырей древней Африки, он расслабил мышцы. Концы бивней уткнулись в землю. Мой мозг пронзила мысль: «Вот охотничья добыча, какая никогда больше не выпадет на мою долю!»

Куст скрывал меня, ветер дул в благоприятную сторону, успех казался обеспеченным — дело было только за мной. Я прислушался к биению своего сердца. Оно было спокойным. Значит, я мог решиться на то, чтобы подобраться еще ближе, обогнув куст, ограничивавший обзор. После этого я оказался бы перед великаном и ничто уже не помешало бы мне выстрелить.

Селемани не двигался с места.

Шаг за шагом подбирался я к нему, используя куст как прикрытие и стараясь не наступить на увядший лист или на сухой сучок. Однако стоящий слон на определенном расстоянии различает каждый звук с наветренной стороны; к стаду же можно приблизиться без особых предосторожностей, так как животные с трудом распознают, откуда происходит тот или иной шум. Огибая куст, я оказался позади слонов и на мгновение потерял их из виду. Двустволку со спущенным предохранителем я держал в руке, два запасных патрона были наготове. Я остановился, чтобы в последний раз перед выстрелом глубоко и спокойно вздохнуть. Еще шаг...

Но тут позади меня прогремел выстрел.

Я оцепенел. Затем, преодолев испуг, бросился вперед мимо куста на поляну. Две серые тени скрылись в густом лесу. Секундой позже одна из них промелькнула в просвете между деревьями. Я вскинул ружье и выстрелил, раз, другой...

Я знал, что это бессмысленно. Обе пули вонзились в ствол акации.

Я бросился на землю и, если мне не изменяет память, закричал от ярости и волнения. Повернувшись, увидел Лонгому, который присел на карточки рядом со мной, а в нескольких шагах от нас — проводника-африканца.

— Кто стрелял?

— Черт, господин!

На самом деле виноват был бой. Он шел вместе с носильщиками и тащил мой дробовик, который я ему отдал взамен ружья для охоты на слонов. От волнения я забыл разрядить дробовик. Бой — разумеется, без злого умысла — стал возиться с предохранителем, и выстрел прозвучал в тот самый миг, когда я поднял ружье и стал целиться.

— Это стрелял черт, господин, — повторил Лонгома.

О Селемани давно говорили, что он заколдован. Больше того: все охотники Африки сходились на том, что на него лишь один раз можно охотиться безнаказанно. Поэтому я не удивился тому, что ни мой верный Лонгома, ни проводник не пожелали больше распознавать следы, безусловно оставленные беглецами...

На мгновение я замолчал, чтобы собраться с мыслями. То, о чем я хотел теперь рассказать, произошло несколько лет спустя на реке Руфиджи. Не я набрел на Селемани, а он на меня. Да, точно, я тогда наблюдал за жирафами...

Медленным величественным шагом шли жирафы через редкий лес. Туман окутывал кроны деревьев и скрывал головы крупных животных. Вожаком стада был старый самец, казавшийся почти черным. Когда он вытягивался во весь рост, чтобы достать верхушки деревьев, высота его достигала почти 6 метров. Он напомнил мне единственную жирафу, которую я подстрелил за

всю мою охотничью жизнь. Насколько радостнее было бы мне наблюдать за движениями этих красивых животных, если б я мог «аннулировать» выстрел в того старого сильного самца.

При ходьбе жирафы поднимают то обе правые, то обе левые ноги и шествуют с грацией и достоинством. Но стоит им перейти на галоп, каждый шаг которого уносит их на 4—5 метров вперед, как они начинают казаться грузными и неуклюжими.

Животные остановились. Шедший впереди самец обнаружил особенно вкусную акацию, высунул длинный гибкий язык и передними резцами сорвал несколько аппетитных веток. Это явилось сигналом к трапезе. Ветви и листва различных видов акаций — любимая еда жираф. Ловко достают они верхушки деревьев, где растут самые нежные листья и побеги.

Солнце поднялось выше и побороло туман. В ярком солнечном свете жирафы выглядели комичными и неправдоподобными. Телята, состоявшие, казалось, из одних ног, играли вокруг стада, галопом уносились в сторону, словно желая убежать от матерей, но на полном скаку тормозили, одновременно упираясь в землю всеми четырьмя копытами.

Рычание льва, раздавшееся вдалеке, напугало молодых животных, на мгновение они застыли на месте, а затем характерными для них прыжками бросились к матерям. Взрослые жирафы не боятся льва: он предпочитает находиться подальше от огромных копыт, способных одним ударом раздробить даже львиный череп. Несмышленых телят, прижавшихся к матерям, плотным кольцом окружили самцы.

Озираясь по сторонам, жирафы медленно перешли в рощу и укрылись под садовыми акациями. Они стояли совершенно неподвижно, настолько сливаясь со стволами деревьев, что только наметанный глаз охотника мог их различить.

Большой самец вытянул шею и уставился в одну сторону. Он уловил какой-то шорох, который донесся и до других животных. Как по команде, они повернули головы, а вслед за ними обернулся и наблюдатель, изучавший привычки жираф.

Этим наблюдателем был я.

Я еще не мог разглядеть, что именно встревожило животных, но заметил, что вожак успокоился. Его сородичи поняли, что им не угрожает опасность. Им нет, а мне?

Среди деревьев появились две исполинские серые тени. Два слона медленно и как бы в раздумье подошли почти вплотную к жирафам, стоявшим среди акаций. Правда, растения эти плохо защищали от солнечных лучей, но, найдя хоть такое убежище, слоны остановились. Их серые тела сливались с акациями так же, как и более светлая шкура жираф. Слоны и жирафы, умеющие, как никакие другие животные, часами стоять неподвижно, охотно бывают вместе. Жирафы обладают отличным зрением, слоны же значительно превосходят их обонянием. Они дополняют друг друга.

Жирафы обмахивались длинными хвостами; слоны, чтобы прогнать мух, хлопали ушами. Животные чувствовали себя в безопасности: я слышал урчание в желудках толстокожих, а оно немедленно прекращается, как только слон почует опасность и, чтобы разобраться в ней, начнет двигать огромными ушами. Один из самцов принялся шаркать передними ногами, чтобы размельчить сухую землю до пыли. Ею он посыпал себе спину, пытаясь таким образом освободиться от надоедливых паразитов типа клещей.

Этот слон был не очень высок (около 3,2 метра), так что стоявшие рядом жирафы смотрели на него сверху вниз, но отличался необыкновенно массивным и могучим телосложением.

В бинокль мне удалось рассмотреть его длинные, толстые бивни. Когда колосс двигался, они бороздили почву. Такие бивни могли быть только у старейшего слона Африки — Селемани.

Второго, значительно более молодого самца знали как постоянного спутника Селемани. Слоны без устали работали хоботами, чтобы избавиться от своих мучителей — бобовидных насекомых длиной около четырех сантиметров, которые глубоко всасываются в их толстую кожу. К каким только ухищрениям я не прибегал, чтобы снять паразитов со шкур застреленных мной слонов в неповрежденном виде, а затем заспиртовать!

Солнце уже высоко поднялось, а жирафы и слоны

все не сходили с места. Селемани положил могучие бивни на шею младшего спутника, который помогал древнему богатырю нести бремя старости.

— Посмотри, господин, вон Селемани со своим рабом! — прошептал мой егерь, бесшумно усевшись рядом.

За несколько лет, прошедших со встречи с Селемани на Руахе, Лонгома безусловно не забыл пережитое нами вместе приключение. Ему уже давно следовало бы приготовить ружье для охоты на слонов и подсказать мне, что Селемани и его спутник не будут долго стоять рядом с жирафами в тени акаций. Хотя Селемани и стал старше, он, конечно, не утратил своей осмотрительности.

В те дни я собирался навеки распрощаться с охотой на слонов и вскоре действительно осуществил это намерение. Казалось, мне могло бы доставить особое удовлетворение закончить карьеру охотника на крупную дичь смертельным выстрелом в царя слонов.

Но я этого не хотел.

— Пусть Селемани живет, Лонгома, — сказал я егерю, не соблюдая особой осторожности. Он положил мне руку на плечо и указал на рощу акаций.

Селемани снял голову со спины своего капела * и затряс ею так, что уши его стали с шумом биться о туловище. Затем зевнул, загнув назад хобот. Жирафы, вытянув шеи к кронам акаций, принялись пастись.

Размахивая хоботом, Селемани нюхал воздух во всех направлениях. Затем младший спутник придвинулся к нему и оба они исчезли в зарослях.

— Бвана, — заговорил Лонгома несколько часов спустя на привале, — знаешь ли ты, как Селемани в первый раз был ранен белым человеком?

Я, разумеется, знал и эту историю о царе слонов. В то время всякий, кто, приехав в Восточную Африку, оказывался гостем у костра охотника, мог быть уверен, что услышит рассказ о Селемани. Но мне было известно, до какой степени Селемани волнует фантазию охотников и с какой готовностью рассказывает Лонгома подобные истории. Поэтому я поддержал разговор.

— Да, господин, это случилось много, много лет назад. Тебя еще не было среди нас, а я жил в краале свое-

* Молодой человек, холостяк (суахили).

го отца и был совсем маленьким, — начал Лонгома, усевшись на корточки возле огня.

Когда Селемани был слоненком и бродил с матерью по лесам и степям, жизнь толстокожих протекала довольно мирно. Белый человек с ружьем еще не проник в места, где обитали слоны.

Правда, коренные жители устраивали ловушки, но при известных предосторожностях их было нетрудно избежать. Лишь в конце сухого сезона, когда высокая трава засыхала, положение слонов становилось более опасным: тогда стадо иногда оказывалось в окружении пламени. Огонь ослеплял, дым душил сбившихся в кучу животных. Они обращались в бегство, падали в вырытые ямы или становились жертвами длинных тяжелых копий. Бывало, что после такого происшествия от стада оставалась половина. Уцелевшие животные снова собирались вместе и на следующий год еще до наступления сухого сезона уходили в леса или на болотистые равнины, где можно было не опасаться огненной бури. Опыт делает умнее не только людей, но и животных.

Возможно, еще в детстве, когда спина Селемани была покрыта красно-коричневым пушком, он пережил подобную опасность и только сообразительность матери спасла его.

О Селемани было известно, что он ненавидит огонь. Не раз, завидев ночью костер, он кидался на собравшихся вокруг, ничего не подозревавших людей. Стадо следовало за ним и завершало уничтожение. В то время Селемани был лет на сто моложе, но уже ходил во главе самого большого стада. Восьмидесятифунтовые бивни служили вожаку испытанным боевым оружием.

Люди в деревнях, лишавшиеся из-за слонов урожая, не могли причинить им вреда. Эти двуногие не имели оружия. Они только поднимали громкий крик, когда к ним приближалось стадо, а если нападение предпринималось ночью, то иногда бросали в слонов горящими головешками. Но чаще всего африканцы не мешали толстокожим вырывать и втаптывать в землю стволы бананов, выкапывать бивнями земляные орехи и бататы и, довольно похрюкивая, хоботами отправлять их в рот.

Однажды Селемани во главе таких же сильных и смелых сверстников ворвался в крааль, жители которого

только что закончили приготовления к празднику урожая. Масаи и бавемба и сейчас ухмыляются, когда охотники рассказывают об этой выходке Селемани.

В одной из хижин стояли глиняные горшки, наполненные до краев пембе *. Его должны были пить вечером во время танцев. Легендарный слон, никем не замеченный, подошел к хижине посмотреть, нет ли там чего-либо съестного. Ее обитатели бежали, когда слон лишил их крыши над головой и опустил хобот в горшок с пивом.

Селемани сделал пробный глоток, затем еще один побольше, пиво, очевидно, пришлось ему по душе, он смял травяную стенку хижины и, войдя во вкус, стал вливать в себя алкогольный напиток.

От удовольствия слон отряхивался так, что уши его хлопали по голове. Затем он затрубил, да так громко, что слоны решили, что их вожаку угрожает смертельная опасность. Одни обратились в бегство, другие поспешили на помощь испытанному в боях богатырю, тщательно обнюхивая воздух. Пива им не досталось. Селемани успел осушить все горшки и во главе своей свиты, покачиваясь, исчез в зарослях.

В другой раз Селемани и несколько самцов зашли в деревню, сорвали крышу с амбара и сожрали находившуюся в нем кукурузу. Затем они решили передохнуть невдалеке в тени густых акаций, ветками отгоняя от себя мух.

В это время через деревню проезжал белый господин — один из первых, кто побывал в этой стране. Он увидел опустошения, произведенные слонами, и без труда нашел нескольких жителей, согласившихся по оставленным следам навести его на стадо.

Селемани, который охранял стадо сзади, вдруг почувствовал страшную боль, какой он еще никогда не испытывал. Одновременно раздался громкий треск. С быстротой молнии голова слона повернулась в направлении звука, где рассеивалось облачко дыма. В нем Селемани заподозрил своего врага. Громко трубя, он ринулся в ту сторону, размахивая хоботом, схватил нечто мягкое, поднял, а затем с силой швырнул на землю.

---

* Пиво (суахили).

Теперь он узнал, что боль причинило ему одно из тех двуногих существ, которых он прежде никогда не боялся. Ярость его не имела предела. Вновь и вновь пронзал он бивнями лежавшее перед ним безжизненное тело, поднимал его и опять бросал на землю, пока не растоптал, превратив в кровавую массу.

Завершив уничтожение врага, Селемани почувствовал слабость. Когда раздался выстрел, стадо обратилось в бегство и оставило его одного. Колосс, шатаясь, стоял перед своей жертвой, из раны в его боку лилась кровь. Через несколько минут к нему приблизились два слона, разыскивавшие вожака. Селемани оперся на одного из них, ощупал хоботом место ранения и попытался остановить кровь, втискивая в рану катышки из земли и пережеванного корма.

Три самца медленно пустились в путь. Селемани знал поблизости одно болото, где мог зайти глубоко в воду и, не опасаясь преследований, дожидаться выздоровления или смерти.

Много дней простоял он неподвижно, время от времени охлаждая рану водой. Однажды на рассвете он почувствовал голод и стал рвать хоботом болотную траву. Она показалась ему вкусной. Он был не прочь снова отведать мягкие верхушки акаций. Слон повернул тяжелое тело к берегу, легонько шлепнул хоботом по затянувшейся ране и стал ждать. Боли больше не было.

Селемани вернулся к стаду. Его товарищи дивились тому, с какой осторожностью с тех пор приближался старый вожак к краалям африканцев и каким злым порой становился. Еще больше поражало даже старых самцов то, что с некоторых пор Селемани главным своим врагом считал человека. Люди же с недоумением спрашивали себя, как случилось, что слоны стали такими пугливыми и злобными, и почему они бросаются очертя голову на любого двуногого, оказавшегося у них на пути.

Лонгома все еще сидел на корточках, пристально глядя на костер, в огонь которого он, казалось, бросал свои слова.

— Это хороший рассказ, — похвалил я Лонгому. — Он показывает, что из-за огнестрельного оружия доверчивое, хотя и вороватое животное превратилось в злоб-

ного зверя, который одновременно ненавидит людей и боится их.

Я задумчиво посмотрел на затухавший огонь. В те годы, когда Селемани был молодым вожаком стада, когда порох еще дымился, а ружья заряжались с дула, в стране было мало белых охотников. Но их становилось все больше, ибо появился спрос на слоновую кость — из нее изготовляли бильярдные шары и резные изделия. За последнее столетие многие тысячи толстокожих погибли гораздо раньше положенного им природой срока, став жертвами людей, стремившихся к обогащению.

Не только Селемани и другие вожаки, даже слонихи и слонята, почувствовали, что двуногий враг с каждым днем становится опаснее. Человек приспособился к среде, в которой жили слоны, приноровился к их привычкам, применял все более дальнобойное и бесшумное оружие. Целыми днями и неделями выслеживал он стадо, чтобы перестрелять слонов с крупными бивнями. Слепая ярость, с которой Селемани и его сородичи бросались на людей после первых столкновений с белыми охотниками, уступила место сознанию, что борьба с ними не под силу слону, что умнее стараться спастись бегством. А ведь слон не труслив —он умеет сражаться так, как, пожалуй, ни одно другое животное. Более всего он ненавидит человека, и научил его этой ненависти сам человек.

— Ты прав, господин. — В устах простодушного сына природы эти слова прозвучали решительным подтверждением моих размышлений. Усмехаясь, он поднял голову.

— Ты — великий охотник, господин, — продолжал он, — и поступил умно, когда не стал второй раз стрелять в Селемани. Ты проживешь долго, он тебя не убьет, и никакой другой тембо тоже не убьет тебя.

А в это время Селемани и его спутник, отделившись от жираф, шли навстречу новым приключениям, новым столкновениям с охотниками, столкновениям, которые станут темой рассказов у других лагерных костров и с быстротой, возможной лишь в дебрях, приобретут легендарный характер.

Все гуще становились заросли, покрывавшие равнину. Селемани направлялся к большой реке, где даже в сухой сезон оставалось много влаги. На берегу слоны

остановились на несколько минут, понюхали воздух и напились. Затем вошли в воду. Старый Селемани согнулся под тяжестью лет и собственного веса, а потому был на несколько сантиметров ниже своего спутника. Ему первому пришлось пуститься вплавь. Африканцы утверждают, что слоны совсем ие умеют плавать, выискивают мелкие места и переходят реки вброд, держа хобот над водой, чтобы не захлебнуться. Я же не раз своими глазами видел, как слоны плавают, переваливаясь с боку на бок.

Селемани давно владело стремление к странствиям. Слона видели на расстоянии сотен километров от тех мест, где он появлялся прежде. Когда мне рассказали об этом, я вспомнил о знаменитом бегемоте Губерте. Он отправился в путешествие из бухты Сент-Люсия, находящейся в Южной Африке, застрелили же его в Ист-Лондоне. В устье реки Баффало, где стоит этот город, последний бегемот был замечен за 100 лет до этого.

Может быть, Селемани казалось, что к нему приближается смерть? Я не сомневаюсь в том, что стареющие или больные африканские слоны уходят в определенные места на болотах, на мелководных реках или озерах и там дожидаются своего конца.

Переправившись через реку, Селемани и его спутник вышли в мбугу *, где трава поднималась выше их спин. Они шли по туннелю в траве, высоко подняв хоботы, которыми нюхали воздух. После долгого путешествия мзее ** чувствовал потребность в отдыхе. Его спутник стал подле тяжело дышавшего Селемани, и он, положив бивни на плечи «раба», уставился в землю.

В долине реки, поросшей густой травой, он не подвергался опасности. Слон закрыл глаза. Ему на спину уселись волоклюи. Они выискивали в шкуре слона клещей, которых не прогнала пыль, выдутая из хобота. В то же время они предупреждали Селемани об опасности, ибо при малейшем шорохе улетали.

Капела улегся на землю и заснул, спокойно посапывая. Под охраной волоклюев и «старика», который подсознательно продолжал бодрствовать, он чувствовал себя в безопасности. Селемани, не открывая глаз, помахал

* Степь (суахили).
** Старик (суахили).

хоботом, ощупал тело своего верного спутника и, словно лаская молодого слона, погладил его.

Никто не считал, сколько лет ходили они вместе по зарослям, степям и девственным лесам. Когда-то Селемани встретил в лесу отставшего от стада слоненка, достаточно взрослого, чтобы обходиться без материнского молока. «Старик» взял его с собой. Время от времени он даже делал крюк, чтобы испытать найденыша. Слоненок подчинялся воле Селемани, послушно и бесшумно следуя за ним. С тех пор как найденыш впервые стал впереди «старика» и тот положил ему на спину бивни, волочившиеся по песку, слоненок сделался «рабом» Селемани.

У молодого самца, разумеется, еще не было бивней. Чтобы он не остался без тех лакомств, о которых обычно заботятся матери, Селемани сдирал кору с деревьев и бросал ее спутнику, обрывал с верхушек самые вкусные ветки. Капела нравился Селемани, и старый слон, будучи сам гурманом, угощал юного друга такими обедами, какие редко достаются толстокожим. Он рвал для него кисловатую фитингулу, растущую на песчаной почве в водоразделах рек, спелые плоды пальмирской пальмы, бананы, считающиеся у слонов лакомым блюдом, и, конечно, плоды манго, не имеющие по вкусу себе равных

Селемани радовался аппетиту ребенка. Если на земле лежало мало опадышей, «старик», наклонив голову, подходил к дереву, очень осторожно, но энергично нажимал головой на ствол и поспешно отодвигался. Ствол пружинил и возвращался в первоначальное положение, спелые плоды падали на спины животных и на лесную траву. Селемани проделывал это несколько раз подряд. Если же дерево оказывалось слишком толстым, он отступал на несколько шагов и с разбегу наносил по нему такой удар головой, что сотрясал даже стволы метровой толщины.

Если бы слоненок не подвернулся Селемани, ему все равно пришлось бы найти себе спутника из числа молодых самцов. Я часто встречал слонов, которые имели адъютанта даже после того, как отделились от стада, предоставив руководство им более молодым, но опытным вожакам. О капела Селемани известно, что он не

раз выручал своего покровителя, становясь между охотником и его целью. Трудно сказать, поступал ли он инстинктивно или сознательно.

Когда после длительного перехода или бодрствования силы младшего слона иссякали, Селемани еще бдительнее, чем обычно, охранял сон своего верного стража. Сам он ложился редко: ему стало трудно подниматься. Лежа он отдыхал только тогда, когда находил большой муравейник, на который мог опереться.

Пока младший слон отдыхал, охотникам иногда удавалось сравнительно близко подобраться к легендарному исполину. Однако в последнюю минуту легкое дуновение ветерка обычно возвещало ветерану о приближении людей. Он начинал громко трубить еще до того, как преследователи успевали изготовиться к стрельбе. После этого место, где стояли оба слона, оказывалось пустым.

Однажды охотники — двое европейцев и двое африканцев — отправились по следу, оставленному колоссом и шедшим за ним капела. Сначала охотники двигались быстро, чувствуя себя в полной безопасности. Но вскоре они вернулись к собственным следам, которые пересекли Селемани и его спутник, сделав предварительно большой крюк. Этот маневр сбил с толку охотников. Они предполагали, что Селемани отступит из высокой травы в ту часть долины, которая поросла редким лесом. Вместо этого слон старался запутать свой след: последний много раз перекрещивался со следами преследователей. Селемани мог находиться поблизости от охотников и внезапно выскочить и атаковать их из непроходимых зарослей травы высотой с дом.

Так преследователи превратились в преследуемых. Они — вероятно, на благо себе — поняли, как опасна эта явно бессмысленная игра, и отказались от нее.

Другое столкновение охотников с Селемани показывает еще определеннее, насколько «разумно» поступает такое опытное и умное животное, как слон. Я оставляю открытым вопрос о том, поступает ли оно «сознательно», ибо не занимаюсь изучением психологии зверей, а просто рассказываю то, что мне известно.

Одному африканскому охотнику удалось выстрелить в колосса и даже ранить его. Равнодушно уставившееся

в землю толстокожее рассвирепело. Спасаясь от разъяренного животного, африканец с ловкостью обезьяны взобрался на дерево. Селемани пронесся мимо, но вскоре заметил, что потерял след своего врага. Тогда он повернул обратно, рысью добежал до места, откуда начал преследование, и медленно двинулся по следам африканца, нащупывая хоботом путь. У дерева, в листве которого укрылся дрожащий охотник, слон остановился и несколько секунд обнюхивал хоботом кору. Затем он уперся передними ногами в землю, нажал головой на ствол и повалил дерево. Селемани вытащил охотника из его обрушившегося убежища и растоптал. Жажда мщения была утолена. Он нарвал с дерева ветвей и накрыл ими останки врага.

...Капела проснулся. Селемани с шумом выдувал песок из хобота. Небо покрылось тучами. Засверкали молнии, удары грома повторялись через какие-то доли секунды. Селемани и его адъютант спокойно посапывали, зная, что шум вызван не выстрелами.

Старый слон первым тронулся с места, взяв направление на группу скал, выделявшихся своей яркой окраской на сумеречном фоне грозовых туч. Там обосновалась стая павианов. Они вытаскивали из расселин скорпионов и ловкими движениями вырывали из тел жертв ядовитые жала и хвосты. Не прекращая своей охоты, обезьяны громкими криками приветствовали проходивших мимо толстокожих.

Но вот слоны достигли берега реки, высокого и крутого. Не колеблясь, они с большой скоростью съехали вниз. Когда колоссы скатились в воду, раздался громкий всплеск, по реке пошли волны. Животные облили себя водой и, насладившись купанием, выбрались на другой, пологий берег.

Незадолго до их прихода там паслось большое стадо слонов. Оно ушло, но Селемани и капела двигались быстрее и вскоре его догнали. В стаде собралось свыше ста животных, которые группировались по возрасту и полу. Слонята с матерями были в одной группе, старые слонихи — в другой. Они сплетались хоботами, словно сплетничали о последних скандалах в стаде. Между молодыми самцами шла непрерывная возня: они мерялись силами, то обвиваясь хоботами, то упираясь лбами и

всячески стараясь сдвинуть противника с места. В стороне, не спуская глаз со стада, стояло несколько старых самцов. Они задумчиво качали головами, словно жалуясь, что найти корм для стада становится все труднее. Их большие уши непрерывно двигались и, подобно опахалу, создавали прохладу.

Селемани не мог находиться в стаде. Его раздражали шумные слонята и резвящиеся самцы. «Старик» стремился к спокойной жизни в привольной степи, где несколько десятилетий назад он часто встречался со своими добрыми друзьями — белыми носорогами, пока люди почти не истребили этих животных.

От цели путешествия странников отделяло болото. Стада животных паслись в поросших травой влажных впадинах, в иле лежали буйволы. Наступил вечер. Большие светляки гудели над болотом, казалось, что это огни отдаленной африканской деревни. Слоны остановились; Селемани отыскал место для ночлега и прислушался к звукам, раздававшимся из травы и камышей. Жужжали насекомые, кричали ночные птицы, квакали лягушки. Самым громким был голос воловьей лягушки. Бегемот исполнял в огромном оркестре партию баса.

Еще до рассвета слоны отправились дальше — за болото, через степь, в редкий лес, где росли деревья мапунда *. Их стволы имеют у подножия от 1 до 1,5 метра в поперечнике, ветки появляются только на высоте 5 метров. Маленькие, похожие на яблоки плоды очень мучнисты и отличаются приятным сладким вкусом, лучшие из них растут на самых вершинах.

Путники собрали все плоды мапунды, валявшиеся на земле, затем Селемани уперся лбом сначала в одно, потом в другое дерево и стряс с них спелые фрукты.

К огорчению капела, Селемани задержался здесь ненадолго. Он торопился в горы. Путь его лежал мимо зарослей бамбука и высоких папоротников. Зеленые птицы-носороги, кокетливо распустив пурпурные хвосты, бегали по длинным ветвям деревьев, кудахтая: «ко-ко-ко, кро-хо, кро-хо». Веселые обезьянки колобус прыгали с ветки на ветку, и поднятый ими гвалт сопровождал слонов, бесшумно двигавшихся на своих мягких подош-

* Автор, вероятно, имеет в виду фикус.

вах по пересеченной расселинами местности. Селемани приближался к цели: известному одному ему, не раз уже испытанному месту отдыха, где его никогда не тревожили люди.

Вдруг он остановился, как вкопанный, так что младший слон едва не наткнулся на него. Услышанный Селемани шум повторился, но теперь, когда они остановились и перестали раздвигать листья папоротников, он стал громче. Им показалось, что это урчание в желудке слона-одиночки.

Колоссы стояли неподвижно, растопырив уши, наподобие вееров, чтобы не упустить ни звука. Кто это — самец или тоскующая по любви слониха?

Однако у Селемани был слишком большой опыт, чтобы он мог обмануться. Доносившийся шум можно было принять за урчание в желудке слона, но все же это был не слон.

«Старик» сделал крюк, чтобы оказаться на ветру и установить, не родич ли все-таки находится поблизости от них. Он пошел назад по собственному следу, потом повернул в сторону — очень настороженно, все время останавливаясь и нюхая воздух. Легкий ветерок донес до него запах, но не слона, а человека.

С поразительной для таких массивных животных быстротой слоны повернули обратно и через несколько секунд скрылись, как серые тени, среди папоротников и лиан. Охотник-африканец обманулся в своих ожиданиях. Напрасно он вновь и вновь осторожно водил палочкой по деревяшке с зарубками, подражая урчанию слона. Селемани не поверил прекрасной имитации, завлекшей в ловушку не одно молодое и неопытное животное.

Обратившиеся в бегство слоны вскоре успокоились, но Селемани все же решил двигаться из предосторожности по одной из слоновых троп. Они похожи на широкие дорожки, огибают крутые подъемы и утоптаны грузными ногами слонов, которые ходят по ним с незапамятных времен (полстолетия назад я проехал на велосипеде с начала до конца такой тропы, протяженностью в сотни километров). Слоны то подымались в горы, то спускались в низины, пересекая ручьи и ущелья; наконец они вышли в долину, где тропа вилась между стенами из красных листьев: по обеим ее сторонам высились моло-

дые побеги дубов кроваво-красного цвета. Слоны предпочитают им зеленые побеги бамбука. Сломанные деревья и втоптанные в землю папоротники свидетельствовали о том, что здесь недавно прошли другие толстокожие.

Ночь друзья спокойно провели в овраге, где нашли обильную пищу. Рано утром Селемани снова сделал крюк, чтобы пересечь след, оставленный накануне им и его спутником. Он осторожно обнюхал его и убедился, что враг — человек — их не преследует.

И все же двинулся уже в путь человек, который через несколько часов сделал попытку убить Селемани.

Местный житель, который накануне приманивал слонов, находился на службе у «подонка из Европы», как презрительно именуют африканцы авантюристов, приезжающих в их страну, чтобы, не считаясь с охотничьими обычаями и законами, «настрелять слоновой кости». На восходе солнца этот европейский браконьер и его помощники выступили из лагеря у деревни на холме и вскоре натолкнулись на след, правда, не совсем свежий.

Проводник тщательно разобрался в том, что могли поведать отпечатки ног. Следы слоних всегда круглые, у самцов же передние ноги оставляют круглые отпечатки, задние — овальные. Именно такие перемежающиеся следы и остались на земле, причем диаметр отпечатка передней ноги достигал 50 сантиметров, следовательно она принадлежала исполину. Овальный след был еще больше.

— О-о-о! — произнес следопыт. — Это большой-пребольшой слон.

Старый африканец, несший винтовку хозяина, нагнулся над следом.

— Селемани, — прошептал он. — Это Селемани, совсем старый слон с огромными бивнями, такими же толстыми, как тело человека.

Браконьер стал торопить своих спутников. Его не беспокоило, что, по мнению африканца, след был уже суточной давности. Ведь вряд ли слон и его спутник успели уйти очень далеко. Нужно было спешить: «подонок из Европы» знал, что он не единственный браконьер в этом районе.

На мягкой почве путь указывали глубокие ямки, на

твердой — пригнутая к земле трава. В одном месте, где незадолго до того прошел степной пожар, очертания ног отчетливо отпечатались в песке. Только на гальке у подножия холма даже самый наметанный глаз не смог бы обнаружить никаких следов.

Вдруг проводники остановились: они пришли к месту, где следы пересекались (там рано утром Селемани проверял, не преследуют ли их после вчерашнего приключения). Распознать свежий след было нетрудно — на пригнутые стебли травы сверху легли другие. Охотники двинулись дальше с удвоенной предосторожностью и вскоре по звукам определили, что впереди пасутся слоны. Несколько минут спустя они заметили животных, беззаботно расположившихся в густых зарослях.

Терпение «подонка из Европы» подверглось суровому испытанию. Его интересовали только «бивни, такие же толстые, как тело человека». Но в полутемной чащобе трудно было определить, где находится голова Селемани.

Наконец слоны сошлись как будто вплотную, на зеленом фоне кустарников засверкали могучие белые бивни. Несколько секунд спустя в лесной тишине раздался оглушительный залп из кремневых ружей африканских браконьеров; подобно удару бича, прозвучал выстрел «подонка из Европы» из винтовки среднего калибра. К эхо, прокатившемуся по ущельям, присоединился треск деревьев, сбитых обратившимися в бегство слонами.

Но вот послышался глухой звук падения грузного тела, а за ним и хрип. Затем наступила тишина. Она сменилась шумом, который подняло уцелевшее животное, и победным кличем на мгновение оцепеневших охотников:

— Он падает, он падает, он умирает!..

— Убит! — воскликнул белый. — Селемани убит. Я уложил самого знаменитого слона Восточной Африки.

Уверенный в добыче, он бросился со своими спутниками к лежавшему в густом кустарнике исполину. За ними с винтовкой господина в руках медленно следовал старый африканец. Он один не радовался.

Путь к бивням браконьеру пришлось прокладывать при помощи ножа, до того густо сплелись ветви и пол-

зучие растения в том месте, где пала его жертва. С жадным нетерпением, стремясь поскорее заполучить «белое золото», он рубил направо и налево. Первое, что он увидел, было ухмыляющееся лицо старика-африканца, несшего его винтовку. Тот указывал на два бивня, весившие фунтов тридцать каждый, не более.

— Божья воля, — невозмутимо произнес африканец. — Селемани не слон, это сам черт, и его никогда не одолеть охотнику.

Когда слоны сблизились, все внимание охотников поглотила забелевшая на фоне лесной зелени слоновая кость. В полутьме они не заметили, как «раб» передвинулся и оказался перед своим господином. Капела принял на себя пули, предназначавшиеся Селемани. Он умер за него.

Ярость «подонка из Европы» была бессильна что-либо изменить. В распоряжении его африканских спутников оказалась гора ньяма, то есть мяса и жира, которыми они решили немедленно полакомиться. Из ветвей и листьев африканцы быстро соорудили навесы над тушей, разожгли костры, и вот уже в горшках варились первые сочные куски мяса.

А Селемани был жив...

Когда упал его друг, он только на несколько мгновений оцепенел, прислушиваясь к его хрипу. Быстро сообразив, что верному слуге уже ничем не помочь, старый слон отошел не более как на тысячу шагов.

Там он и стоял неподвижно, устремив взгляд на след, который оставил. Он поднял уши, чтобы не упустить ни одного звука. Хобот его все время двигался, втягивая воздух. Селемани был готов к бою с теми, кто последует за ним. При малейшем признаке приближения людей он бы перешел в бешеную атаку. Но все было тихо.

Когда наступила ночь, Селемани медленно тронулся в путь. Шаг за шагом шел он назад, по собственному следу, все время останавливаясь, прислушиваясь, принюхиваясь. Подойдя к лагерю на расстояние примерно 500 метров, он почувствовал запах ненавистного огня и ненавистного человека. Костры тлели, один африканец храпел, другой, объевшись мясом, стонал, нигде не было видно часовых. Селемани неслышно подобрался ближе.

До лагеря оставалось еще метров двадцать, когда ненависть и гнев взяли верх над осторожностью, приобретенной за несколько десятилетий. Громко затрубив, старый слон бросился на маленькое скопление шалашей, сокрушая все вокруг.

Первым на его пути оказался шалаш, где спал «подонок из Европы». Не успел вскочивший в ужасе браконьер схватиться за винтовку, как был уже растоптан передними ногами разъяренного великана. Африканцы воспользовались этим ужасным мгновением и попрятались, а Селемани тем временем хоботом разносил шалаши. В одном из них он обнаружил останки своего верного товарища. Селемани поднял хобот, и в тишине ночи раздался леденящий душу крик смертельно обиженного животного.

Несколько минут спустя древний Селемани вернулся в чащу и в одиночестве направился к одному из тех неприступных ущелий, куда за ним не решался следовать ни один человек.

Испуганно визжали гиены, громко бранились павианы. Так же как много лет спустя в последнюю ночь, проведенную нами в заповеднике у озера Амбосели, где мне пришлось дать ответ на вопрос племянницы: «Кто такой или что такое Селемани?»

●

Плотные тучи затянули небо. На землю упали первые капли дождя, на горизонте засверкали зарницы. Где-то вдали, в направлении Найроби, уже шел дождь.

Если начнется сезон дождей, то даже вездеход не сможет проложить себе путь через жидкую грязь. Меня охватило беспокойство. Рано утром я дал указание подготовить обе наши машины к немедленному отъезду. Затем поспешил в канцелярию и спросил метеоролога-африканца о прогнозе погоды.

— Боже мой, вы еще здесь? — вскричал он так, словно перед ним появился призрак. — Проехать можно только по дороге на Намангу, все остальные пути, ведущие в направлении Найроби, уже затоплены.

Между тем в нашем лагере собирались завтракать.

— Отставить! — сказал я, не обращая внимания на

непонимающие взгляды моих спутников. — Едем немедленно!

Я сел за руль мерседеса.

Грозовые тучи заволокли небо. На одной из дорог висел щит с надписью: «Путь для проезда в сезон дождей». Ночью здесь тоже прошел сильный дождь, но почва жадно всосала влагу, и только местами остались небольшие лужи, неопасные для опытного водителя.

Достигнув главного шоссе, мы вздохнули свободно и покатили в Намангу, где находится развилка дорог: одна из них ведет в Танганьику, другая к нашей цели — Найроби. Антилопы и жирафы, стоявшие у обочин, служили живым подтверждением того, что Кения все еще изобилует зверями.

В Найроби выяснилось, что «Азия», шедшая из Бомбея, сможет доставить нас в Геную.

Для посещения национального парка Найроби, который тянется до городских ворот, оставалось всего несколько часов. Меня интересовало теперь только одно животное, которое четверть века назад избежало моей кинокамеры да и во время последнего путешествия нигде не хотело показаться. То была антилопа канна — крупнейший представитель семейства, состоящего из многочисленных видов и обитающего в Африке.

Светло-коричневая или желтовато-серая канна, похожая на корову, с характерным длинным мехом на брюхе, имеет 3 метра длины и 2 метра высоты; ее угловатые рога закручены, как у винторогих.

Я напрасно потратил все утро на розыски этого совсем не редкого животного, едва не «переехав» целое семейство львов.

На следующее утро я снова предпринял такую же попытку. Удача все же не покинула меня: две робких антилопы-канны выбежали прямо на наш объектив.

Съемки закончены!

14 ноября 1956 года «Азия» медленно отвалила от африканского берега. Пока она осторожно выходила из гавани Килиндини в открытое море, я еще раз окинул тоскливым взглядом часть материка, с которым расставался в десятый раз.

Как много изменилось с того времени, когда шесть десятилетий назад я впервые раскинул в Африке свою

палатку; как велики перемены, которые происходили и происходят и на побережье, и в степях, и в девственных лесах, неся, как я надеюсь, лучшее будущее моей любимой Африке.

Мне вспомнился мотив, который я слышал в Найроби и записал на пленку. Африканцы пели на суахили грустную песню: «Боже, благослови Африку». Расставаясь с нею, я напевал про себя обрывки мелодии, запавшие мне в память. Увижу ли я тебя вновь, моя Африка?

—

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Снова курс на мыс Доброй Надежды	9
Из Кейптауна в Дурбан	16
Моя любимая страна зулусов	27
Авантюрист в Иоганнесбурге	56
Новая встреча с обитателями зарослей	71
По следам Ливингстона	81
По Африке (1906—1909)	93
«Найдите карликового бегемота!» (1911—1912)	115
С кинокамерой по Того и Либерии (1912—1914 и 1923—1924)	131
Через Бельгийское Конго — навстречу экватору	152
По Восточной Африке	159

Ганс Шомбурк

С ПАЛАТКОЙ ПО АФРИКЕ

Утверждено к печати Редакционным советом востоковедной литературы при Отделении исторических наук Академии наук СССР

Редактор издательства Р. М. Солодовник

Художественный редактор И. Р. Бескин

Технический редактор С. В. Цветкова

Корректор *А. Д. Поздняковская*

Сдано в набор 1/VI-1962 г.

Подписано к печати 12/IX-1962 г.

Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 6,0

Усл. п. л. 9,84 Уч.-изд. л. 9,37

Тираж 50.000 экз. Зак. 450.

Цена 50 коп.

Издательство восточной литературы, Москва, Центр, Армянский пер., 2

Набрано в 1-й тип. Профиздата.

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ г. Люберцы, Октябрьский просп., д. 403

Цена 50 коп.